

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ ЛЕС

Стальные страницы

Василий Головачев

Очень Большой Лес. Том 1

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Очень Большой Лес. Том 1 / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2024 — (Стальные страницы)

ISBN 978-5-04-199391-7

Четыре первых тома цикла «Очень Большой Лес» от грандмастера отечественной фантастики. Суммарный тираж книг Василия Головачёва приближается к 50 миллионам экземпляров. Наука, космические приключения и патриотизм — визитная карточка автора. Редкий поджанр — экофантастика. Группа военных и археологов ЮНЕСКО застряла в незнакомом мире, где кажется, что нет ничего, кроме леса, покрывающего собой целую планету. Но у этого леса есть свои законы и даже некая форма разума. У героев появляется возможность узнать об этом мире: о загадочной агрессивной цивилизации, исчезнувшей давным-давно... Чтобы выжить, им придётся противостоять врагам большого леса. Какие тайны хранит наследие вымершего народа? Быть может, там окажется ключ, который позволит вернуться в родной мир? Удастся ли товарищам победить в войне с неведомым противником? Или это место станет их вечным пристанищем?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199391-7

© Головачев В. В., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Очень Большой Лес	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	55
Глава 12	58
Глава 13	64
Глава 14	67
Глава 15	76
Глава 16	79
Глава 17	84
Глава 18	87
Глава 19	93
Глава 20	96
Глава 21	101
Глава 22	103
Глава 23	111
Глава 24	115
Глава 25	121
Глава 26	123
Глава 27	132
Глава 28	135
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Василий Головачёв

Очень Большой Лес. Том 1

Москва: Эксмо, 2024. – 864 с.

ISBN

© Головачёв В. В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Очень Большой Лес

Глава 1 Проблема

Пустыня сменилась болотом, и бежать стало не в пример тяжелее. Под подошвами зачавкал мшистый слой влажной почвы, ноги проваливались по щиколотку, а то и глубже, при каждом шаге выдавливая воду, мешали бежать тяжёлые резиновые сапоги, по лицу хлестали ветки хилых осин и берёзок, острые сучья высохших сосен цеплялись за одежду, полосуюя её на ленты, а дрон-охотник не отставал и постреливал из какой-то старинной базуки, от чего то слева, то справа, то сзади в воздух взлетали фонтаны грязи и коричневой воды.

Впереди выросли горы.

Мелькнула мысль: оторвусь! Залягу за камни! Был бы у меня ПЗРК, недолго ты бы меня преследовал!

Под ногами загремели камни. На плоском валуне впереди он увидел ПЗРК «Игла», помчался к нему, не удивляясь появлению оружия. Но сапоги подвели, один и вовсе слетел с ноги. Путь пересекла какая-то узкая расщелина, он поскользнулся и свалился в неё, успев только выговорить матерное словцо... и проснулся от боли в руке! Как оказалось, она затекла, так как лежал он в неудобной позе.

Проснулась и жена, сонно проговорила:

– Ты меня звал?

– Сон приснился, – проворчал Савельев, спуская ноги на пол. – Спи.

Прошагал на кухню, глянул на квадрат часов, висевших над дверью: шесть утра, скоро вставать. Станный сон, если подумать. От беспилотников полковник ещё не бегал. Неужто грядёт инспекция? Или интуиция почуяла какое-то событие и решила предупредить?

Глотнув холодной минералки, он вышел на балкон, закурил.

Конец сентября в этом году выдался сухим и тёплым, словно пришло второе бабье лето, и температура воздуха по ночам не опускалась ниже двенадцати градусов. Но было свежо, ветерок завивал дымок сигареты в спирали и уносил прочь.

Вспомнилась прошлая осень, промозглая, холодная, сырая, не чета нынешней. Но ведь сны наподобие только что увиденного не имеют отношения к смене погоды? Значит, что-то и в самом деле случится в скором времени? Лишь бы не в оперативном поле! Возвращайтесь живыми и невредимыми, парни! И никем не узванными...

Больше он не уснул. Поднялся через полчаса, приготовил лёгкий завтрак: пельмени, чай, бутерброд с сыром, – поцеловал всё ещё нежащуюся под одеялом жену (она была в отпуске и могла позволить себе не вставать рано) и уехал на собственной «Ладе Весте» на работу. А поскольку жил полковник Савельев Сергей Макарович на Ленинградском проспекте, в районе Петровского парка, до места работы на улице Гризодубовой он доезжал всего за сорок минут,

даже учитывая пробки. И называлось это место – штаб-квартира Главного разведывательного управления Главного штаба Министерства обороны России.

В девять Сергей Макарович знакомился с поступившими за ночь донесениями командиров подразделений. Так как полковник являлся командующим корпусом Сил специального назначения (ССН), его подчинённые по большей части находились за границами России и выполняли задания, относящиеся к протоколу «совсекретно». Естественно, эти операции «летучих мышей», как называли спецназовцев ГРУ сами служащие¹, не афишировались, и знали о них только высшие чины управления: начальники территориальных структур, директор и его заместители.

Однако в это утро восемнадцатого сентября всё пошло не так, как обычно. Сон оказался в руку. Сергея Макаровича ждал сюрприз, который он оценил не сразу. В девять пятнадцать ему позвонил адъютант-секретарь начальника 4-го Управления генерал-лейтенанта Скоря:

– Товарищ полковник, зайдите, пожалуйста, к нам.

Савельев невольно бросил взгляд на часы. Обычно он докладывал генералу о своих делах после одиннадцати. Вызов означал появление каких-то проблем, и настроение пошло вниз.

Кабинет Скоря находился на том же этаже здания, прозванного стекляшкой, что и кабинет Савельева. Через две минуты он вошёл в приёмную генерал-лейтенанта, отвечающего за работу подразделений на африканском континенте.

К удивлению Сергея Макаровича, в приёмной было тесно от присутствия мужчин, олицетворяющих собой высшее руководство ГРУ. Здесь топтались чуть ли не все начальники управлений, от военно-воздушных операций до электронной разведки, а также заместитель директора генерал армии Колобков.

– Присоединяйтесь, Сергей Макарович, – заметил он Савельева. – Мы тут все по одному делу.

– Какому? – поинтересовался полковник, пожимая всем руки. – Что-то серьёзное?

– Сейчас узнаете.

Из кабинета генерала вышел секретарь-адъютант, молоденький капитан.

– Заходите, товарищи.

Присутствующие в приёмной, одетые в обычные гражданские костюмы, устремились в кабинет.

Генерал Скорь, напоминавший глыбу камня размерами и угловатостью, читал какие-то документы и посматривал на экран компьютера слева от себя. Роскошные густые волосы генерал-лейтенанта стояли дыбом, но это был всего лишь эффект причёски: он стриг волосы не короче пяти сантиметров, а они были густы, непокорны и напоминали жёсткую щётку.

– Садитесь, товарищи, – сказал начальник 4-го Управления. – Извините за ожидание.

Подсели к Т-образному столу из стали и стекла. Всего набралось пять человек, не считая хозяина кабинета.

Он отодвинул бумаги, глянул на присутствующих из-под густых бровей.

– Дело чрезвычайной важности, товарищи генералы. – Скорь посмотрел на молодого щеголеватого начальника информационного управления. – Обрисуйте обстановку, Виктор Викторович.

– Африка, – сказал Плащинин, которому исполнилось всего тридцать семь лет; он считался одним из самых перспективных генералов ГРУ. – Республика Баир. Богата нефтью, золотом и медью, по запасам которой она занимает второе место в мире. Плюс джунгли, покрывающие половину территории Баира, саванны и пустыни. Плюс следы древних цивилизаций, по большей части скрытые джунглями. К одному такому району на берегу реки Чуапа, притока Конго, две недели назад была отправлена комплексная экспедиция под эгидой ЮНЕСКО.

¹ Эмблема ГРУ – филин с распостёртыми крыльями, похожий на летучую мышь.

Восемнадцать человек, в том числе всемирно известные учёные: археологи, этнографы, биологи. Три дня назад связь с экспедицией прервалась. По данным наших слухачей, – Плащинин бросил взгляд на генерал-полковника Долматовского, начальника управления электронной разведки, – на экспедицию напали боевики местной радикальной организации «Союз освобождения Африки». Никаких требований пока не предъявляли. Самое поганое, что этот с позволения сказать «Союз» поддерживают американцы. Они же с целью захвата медных рудников и провоцируют местные племена хуту и тутси на войну меж собой.

– Ничего удивительного, – мрачно сказал Колобков. – Они везде это делают.

Фамилия подходила ему как никому другому: он был невысок, округл и не то чтобы толст, но плотен, поэтому издали казалось, что он не шагает на своих толстых коротких ножках, а катится, как персонаж известной русской сказки. Но был при этом генерал решительным, компетентным и жёстким командиром.

Плащинин посмотрел на Савельева, и у того ёкнуло сердце: он понял, что сейчас произойдёт.

Начальник информационного управления перевёл блеснувший лукавством взгляд на Скоря.

– В сущности, это главное, Геннадий Дмитриевич.

– Главное впереди, – без улыбки возразил генерал. – Садитесь, Виктор Викторович. Как оказалось, в экспедиции принимают участие и россияне, четверо: Вениамин Витальевич Маркин, археолог, доктор исторических наук, его коллега доцент Мария Ивановна Семенченко, ботаник из МГУ Константин Ливеровский и... – Скорь сделал паузу, заглядывая в бумаги, – младший научный сотрудник Вероника Соловьёва, помощница Маркина. – Он сделал ещё одну паузу, пожевал губами, добавил: – Племянница президента России. Со всеми вытекающими. Президент лично просил Михаила Васильевича, – начальник управления имел в виду директора ГРУ, – сделать всё возможное для возвращения наших земляков на родину. Естественно, отказать мы не можем. Сергей Макарович, ваши орлы смогут провести операцию по возвращению... ммм, учёных?

Савельев сделал непроницаемое лицо.

Скорь не любил называть сотрудников управления летучими мышами, предпочитая слово «орлы». Хотя сами «орлы» предпочитали быть невидимыми именно как летучие мыши, особенно для врагов.

– Как прикажете, товарищ генерал, – сказал Савельев.

Скорь перевёл взгляд на замдиректора.

– Фёдор Валентинович, просчитайте затраты. Действовать надо быстро, у нас в запасе нет ни минуты времени.

– Считаю уже, – сказал Колобков. – Всё зависит от расторопности снабженцев и авиационного сопровождения. Как будем доставлять группу и возвращать обратно?

Скорь посмотрел на сухощавого лысоватого генерал-майора Гусева.

– Обычная практика, – пожал плечами начальник управления военно-воздушных операций. – Было бы время, доставили бы группу на подлодке. Но так как времени в обрез, придётся до Баира отправлять «гуманитарный» «четыреста семьдесят шестой»² борт, а там на «вертушке» до места назначения. Обратном тем же манером: «вертушка» – самолёт.

– У нас в Баире есть «вертушки»? – поинтересовался длинный как оглобля, худой, бело-брысый Долматовский.

– Рядом, в Конго, наша база, – буркнул Колобков. – В ста десяти километрах от границы с Баиром. Под видом базы миротворцев. Официально нас там нет.

– Понятно, – усмехнулся начальник управления электронной разведки.

² Имеется в виду новый военно-транспортный самолёт Ил-476.

– Какая там сейчас погода? – спросил Гусев.

– Хорошая, – ответил Плащинин. – С июня по сентябрь в центре Африки сухой сезон, дожди начинаются в октябре. Но все равно влажно и жарко, даже по ночам температура не опускается ниже двадцати пяти.

– Лучше бы погода стояла хуже.

– Красиво говоришь, Роман Силантьевич, – обозначил улыбку Долматовский.

– Как умею, – не принял шутиwego тона главный авиатор ГРУ.

– А что ЮНЕСКО? Не обращалось в Совбез ООН?

– Обращалось, – сказал Колобков. – Но международные институты работают медленно, перепихивают проблему друг на друга: Совбез на Интерпол, Интерпол на правительство Баира, правительство – на ООН и так далее, замкнутый круг. Если они и решат что-то предпринять, будет уже поздно.

– Американцы?

– Тебе ли не знать, как работает Пентагон? Они ничего не знают.

По лицам присутствующих промелькнули улыбки.

– Никто не хочет ввязываться в африканский бардак, – сказал с отвращением Гусев. – Тем более там идёт война.

– Короче, товарищи, – постучал карандашом по столу Скорь. – Мы собрались, чтобы принять решение и установить взаимодействие. Главный ждёт доклада о принятых мерах. Координатором операции назначается Виктор Викторович.

Все посмотрели на Плащинина.

– А на вас, Сергей Макарович, – перевёл взгляд на Савельева начальник управления, – ложится оперативная реализация плана. Кого порекомендуете послать в... – он запнулся на мгновение, – в командировку?

Савельев ждал этого вопроса, но ответил не сразу:

– Майора Реброва и его группу.

– Но майор только три дня назад вернулся из Сомали.

– Он и его ДРГ лучшие в своём деле. К тому же Ребров бывал в Конго и знает реалии местных взаимоотношений. Владеет пятью языками, в том числе африкаанс и хуту. Мастер боя, снайпер, мастер выживания в экстремалке.

– После Сомали даже таким спецам положен отдых не меньше недели, – проговорил Колобков. – Он имеет полное право отказаться.

– Я лично поговорю с ним.

– Хорошо, я понял, Сергей Макарович, – сказал Скорь. – Комплектация ДРГ за вами. Давайте обсудим общие аспекты предстоящей операции. Виктор Викторович, у тебя есть что сказать? Ты получил всю инфу.

– Есть, – ответил Плащинин, разворачивая свой планшет.

Глава 2

Не ходите, дети, в Африку гулять

Запахи наплывали со всех сторон самые разнообразные, складываясь в настоящую симфонию, и по ним можно было ориентироваться не хуже, чем по навигатору. Оглушительно пахло ночными цветами, травяной зеленью, гнилью, грибами, болотом, ещё чем-то специфическим напоподобие кардамона, асфальта, сандалового дерева и человеческой крови. Пахло джунглями! Лесом, который накрыл эту землю бесконечным, непроходимым, живым саваном.

Вертолёт (использовали американский «Белл» УН-1 «Ирокез») улетел, высадив группу на берегу реки, точнее, прямо на отмель, так как найти окно в сплошном колючем пологе джунглей ночью было невозможно. Татаканье двигателей «Ирокеза» стихло, в лес вернулась шуршащая ночной жизнью тишина.

Замерли, ощетинившись стволами американских штурмовых винтовок LaRue и американских же карабинов М4³, вглядываясь в темноту сквозь очки ночного видения.

Издалика прилетел частый металлический стук, словно кто-то провёл палкой по металлическому забору. Стих.

Максим засёк направление, удовлетворённо кивнул сам себе. Группу высадили в пяти километрах от места расположения лагеря экспедиции, и стук раздавался именно оттуда, подтверждая правильность расчётов разведки и лётчиков. Это расстояние следовало преодолеть за полтора часа и выйти к лагерю перед рассветом. Не такая уж и сложная задача, если бы не джунгли. Местные жители свободно находили в них дорогу, пришельцам же приходилось рассчитывать на чудеса современной техники, знание приёмов передвижения по джунглям и на удачу.

– «Птичку»! – скомандовал Максим.

Лейтенант Иосиф Матевосян (оперативная кличка Софа), отвечающий за компьютерное обеспечение и информационное сопровождение группы, запустил с руки дрон «Стриж» размером с ладонь человека. Несмотря на миниатюрность, беспилотник имел две видеокамеры, в том числе работающую в инфракрасном диапазоне, и мог держаться в воздухе около часа. А так как четыре его винта питались от электрических аккумуляторов, летал он бесшумно. Через секунду его не стало видно.

Максим развернул на локте лейтенанта планшет видеокарты.

Экран показал лес сверху: сплошная колючая шкура, расцвеченная во все оттенки желтого и коричневого. Непосвящённому разобраться в ней было бы сложно, однако бойцы группы и сам Ребров имели достаточно опыта по оперированию с дронами и легко читали синтезированную картинку.

До цели напрямую было не больше пяти километров, и дрон преодолел это расстояние за две минуты.

– Поляна, – сказал Матевосян. – Палатки.

– А это что за хрень? – ткнул пальцем в экран капитан Хасан Керзоев (кличка Хасик).

У берега напротив палаток стоял катер. А чуть поодаль, метрах в сорока, приютилась овальная глыба с крестом лопастей.

– «Вертушка»! – хмыкнул Матевосян.

– Про «вертушки» нам не говорили, – проворчал сержант Чубченко (кличка Чуб).

Максим вскинул руку, растопырив пальцы.

– Погнали!

³ Винтовка LaRue Tactical OBR калибра 7,62 мм. М4 – вариант американской винтовки M16 A2 под патрон 5,56 мм. Магазин на 30 патронов.

Группа пришла в движение, обрабатывая императив боевой высадки, держа под прицелом береговую линию. Каждый имел так называемый электронный жилет – оптоэлектронный радиотехнический комплекс, распределённый по всему спецкостюму, а также компьютерный интерфейс, персональную рацию и спутниковый навигатор. Но это уже в нынешние времена никого не удивляло. Выставившие по всему миру, как грибы-поганки, ЧВК – частные военные компании – умудрялись комплектоваться лучшей военной техникой, создаваемой в разных странах мира, поэтому на вооружении боевиков ЧВК были спецкостюмы «Хамелеон» (США) и «Ратник» (Россия), карабины и пистолеты-пулемёты из Европы и Америки, немецкие пистолеты, финские ножи, бронежилеты производства Франции и компьютерные планшеты китайского производства.

Бойцы группы (семь человек, включая командира) бесшумно разбежались вдоль берега неширокой реки, в то время как Максим остался на отмели, дожидаясь выхода в зенит спутника. Вдоль русла реки дул ветерок, но облегчения не приносил. Температура воздуха в месте приземления держалась на уровне двадцати семи градусов. Если бы не специальное шведское термобельё под комбинезоном, бойцы уже не раз облились бы потом, а так только смахивали со лба капельки влаги.

Шлемы фирмы MICH сняли все (откинули на затылок), имея встроенные в воротники костюмов микрофоны, а в ушах – клипсы раций. На головы натянули чёрные, вязанные из нитей углепластика шапочки наподобие балаклав, защищавшие от острых шипов и летающих и ползающих паразитов.

Поскольку группу маскировали под одно из подразделений известного во всём мире ЧВК Багнера, то и экипировка бойцов представляла собой «сборную солянку» (с миру по нитке, как говорил друг Максима Хасан Керзоев), и оружие у каждого было своё. По нему невозможно было вычислить, посылала группу какая-то государственная спецслужба или нет.

Так, пистолеты у бойцов ДРГ были бельгийские и немецкие. Новейшие российские «удаваы» брать не разрешало командование, во избежание упреков при (не дай бог!) потере за рубежом.

Максим на все задания брал пристрелянную «беретту М9» под девятимиллиметровый патрон. Взял и на сей раз.

Микролазерные дальномёры у всех были японские.

Рации AN/PRC-154 с закрытым протоколом радиосвязи (недоступные для прослушивания) – штатовские, поддерживающие связь на расстоянии до семи километров.

GPS-приёмники – английские.

Комбезы – американские «Хамелеоны», экваториальный вариант.

Рейд-рюкзаки – шведские.

Броники – австрийские.

Берцы – немецкие.

И так далее, и тому подобное.

А ещё у Максима был «шёпот смерти» – дальнобойная снайперская винтовка российской фирмы Lobaev Arms под патрон 40LWM, превосходящая по своим параметрам все существующие снайперские комплексы других стран. На дальности до километра у противника не было шансов остаться в живых при попадании в него пули, пробивающей на этом расстоянии и каску, и бронежилет.

Так как масса переносимой «спецухи» – собственно костюма, жилета-разгрузки, рюкзака, оружия – достигала двадцати пяти килограммов, и таскать её, да ещё по пересечённой местности в условиях влажной жары мог далеко не каждый, парни в группе Максима были рослые, жилистые и выносливые, способные выживать там, где большинство отдало бы богу душу.

В ушах пискнуло: появился спутник.

Максим вытащил из плеча усик антенны, дождался ответа.

– Я Маугли, сел на маршрут.

– Удачи, Маугли, – ответили ему. – Пока всё тихо. Видим лагерь плюс два борта: один катер и одна «вертушка». Движение отсутствует.

– Ждите доклада.

Максим прижал к губам дугу маски.

– В том же темпе!

Группа устремилась прочь от реки по заранее рассчитанному маршруту. Можно было идти вдоль реки, на изгибе которой и располагался лагерь экспедиции, но речной меандр увеличивал путь вдвое, и решено было пройти от места высадки до лагеря кратчайшим путём, по прямой, минуя неизбежные переправы, завалы и особо густые лиановые крепи.

Максим хорошо знал джунгли в силу специфической подготовки и проведения операций в Африке, Бразилии, Центральной Америке и на Мадагаскаре. На языке хинди и маратхи словечко джунгли (джангал) как раз и означает непроходимый лес, густые заросли. Воздух под пологом его густых крон горяч и насыщен водяными парами до почти предельных значений в девяносто процентов. В результате гниения опавшей листвы и влажной почвы содержание углекислого газа в приповерхностных слоях воздуха значительно возрастает. Кроме того, он насыщен испарениями муравьиной кислоты и микроскопической пылью из волосков, чешуек, волоконцев и спор. Поэтому дышать в таком воздухе трудно, не говоря уже о какой-то работе или физической активности. Именно на этот случай каждый боец группы имел маску с запасом кислорода, которой мог воспользоваться в случае необходимости.

Но и почва джунглей мешала движению не меньше, чем спёртый воздух. Присесть на кочку или на подстилку и отдохнуть было невозможно не только из-за сырости и рыхлости, но и из-за наличия насекомых – муравьёв и термитов. Даже практически герметичные спецкостюмы с отталкивающим насекомых (в том числе летающих) слоем не всегда защищали людей от укусов, от чего отдых в джунглях превращался в особую операцию по удалению москитов, пауков, термитов и змей.

Не отстаёт в деле организации препятствий и растительность джунглей. Она многоярусна. Первый ярус формируют одиночные многолетние деревья-гиганты высотой до шестидесяти-восьмидесяти метров с широкой кроной и лишёнными сучьев стволами, такие как секвойи и гинкго. Второй ярус образуют деревья высотой в двадцать-тридцать метров: дубы, гевеи, эбеновые и красные деревья. Третий ярус – это сравнительно невысокий подлесок из бамбука, кустарников и папоротников, перекрывающих чуть ли не всё пространство между лесными великанами. Без мачете здесь обойтись не получится, и прогулка по такому лесу превращается в сплошную рубку лиан и папоротников.

Различаются два вида тропических лесов – первичный и вторичный. Первичный, несмотря на великое множество лиан-бегоний и мальпигий, эпифитов – бромелий и орхидей, переплетающихся меж собой, вполне проходим. Заросли в большинстве случаев встречаются по берегам рек, в прогалинах, на участках вырубки и лесных пожаров. Вторичные леса менее проходимы, так как их заполняет по большей части кустарниково-лианный подлесок. К счастью, в долине Чуапы, где высадился десант, таких непроходимых буреломов не было, и группа двигалась к цели достаточно быстро, не обращая внимания на вспугиваемые тучи москитов и голоса зверей.

К намеченному сроку вышли на излучину реки, за которой и должен был располагаться лагерь экспедиции, посланной для изучения найденных в джунглях строений.

Максиму сообщили, что развалинам, по оценкам археологов, не меньше трёх тысяч лет, что они принадлежат исчезнувшей цивилизации укулеле, возможно, исследователям удалось найти что-то ценное, из-за чего их и захватили местные жители или одна из боевых команд «Союза освобождения Африки», не признающая ни баирской власти, ни полиции, ни международных правил. Группа остановилась, вслушиваясь в звуки ночной жизни джунглей. Издалека

доносились визги обезьян, трубные звуки, издаваемые потревоженными буйволами, рычание пантер, треск лиан, разрываемых бегемотами. Но в радиусе сотни метров ничего особенного не происходило. И это красноречиво говорило о присутствии неподалёку самых опасных зверей – людей.

Пахнуло дымком.

– Кухня, – прошептал лейтенант Мерадзе (кличка Мир).

– Подходим! – скомандовал Максим.

Пробрались сквозь кусты, обошли тростниковую крепь в низинке, наткнулись на тёмные уступчатые громады, напоминающие терриконы.

– Пирамиды, что ли? – спросил лейтенант Редошкин (кличка Дом). – Здесь, наверно, и колупались археологи.

Сквозь заросли блеснул огонёк. Снова послышался металлический стук, указывающий на присутствие какой-то техники.

Надвинули шлемы с приборами ночного видения.

Мир вокруг окрасился в призрачный зеленоватый цвет со множеством оттенков жёлтого, зелёного и синего.

Шедший правее и чуть сзади Женя Чубченко тихо выругался.

Максим мгновенно остановил отряд условным сигналом – дважды щёлкнул ногтем пальца по усилку микрофона.

– Что у тебя?

– Сидит...

– Кто?!

– Змея.

– Замри!

Максим осторожно приблизился к Чубченко, стараясь не делать резких движений. Змеи – холоднокровные пресмыкающиеся, инфракрасные очки не годятся для их поисков, но Максим интуитивно угадал расположение змеи, а потом увидел над слоем травы нечто вроде толстой петли. Судя по рогу, вырастающему из широкой плоской морды змеи, это была габонская випера, змея ядовитая и опасная. Очевидно, она пряталась под низким кустарником, и движение лейтенанта её встревожило. Он шёл в полуприседе, и змея встала прямо перед его лицом. Не стоило сомневаться, что при малейшем движении сержанта она бы его укусила.

– Я... её...

– Не шевелись!

Ладонь легла на рукоять мачете.

С тихим свистом рассекаемого воздуха голова змеи отделилась от туловища, исчезнувшего в траве.

Чубченко выдохнул, распрямился.

– Спасибо, командир!

– Смотреть по сторонам внимательнее, здесь полно пауков и змей.

Выбрались на край прогалины, спускавшейся к берегу реки.

«Стриж» по-прежнему висел над берегом реки на высоте полусотни метров, но его задача была уже не нужна. Возвращать его Максим не стал, дрон должен был записать всё происходящее на земле.

Прогалина шириной в полсотни и длиной в сто метров была очищена от кустарника и травы. Чуть ближе к лесу стояли палатки: одна большая, класса «Терма», вмещавшая не меньше десяти человек, и три поменьше, класса «Тур-Эко». У входа в большую горел тусклый жёлтый фонарь на мачте. У груды ящиков стояли два рослых парня в камуфляже и о чём-то беседовали. Над их чёрными головами (оба были африканцами) расплывались дымные струйки. Ветерок донёс сладковатый запах марихуаны.

Где-то неподалёку взревел буйвол.

Африканцы повернули головы в том направлении, но остались неподвижными. Судя по всему, это были местные жители, представители «Союза освобождения», прекрасно ориентирующиеся в обстановке.

От глыбы вертолёт с обвисшими лопастями (Максим по очертаниям и деталям корпуса определил его марку⁴ – «Киова»: два пилота, два комплекса НУР, шестиствольный пулемёт, может перевозить до 6 солдат) послышался негромкий окрик:

– Каунда!

Один из негров направился к вертолёту.

Началась возня на катере. Это был старенький австралийский «Пацифик», неизвестно каким образом попавший в сердце Африки, управляемый экипажем из четырнадцати матросов. Его вооружение состояло из пулемёта калибра двенадцать и семь и скорострельной двадцатимиллиметровой пушки GAM, что в условиях вечной межплеменной войны было не лишним.

С катера на берег сошли несколько человек в камуфляже и направлись к большой палатке. Двое зашли внутрь, там начался шум. Затем брезентовый полог палатки поднялся, и из неё начали выходить люди, мужчины и женщины, одетые преимущественно в универсальные экспедиционные костюмы, используемые как в тропиках, так и в северных широтах. Очевидно, это были разбуженные члены экспедиции.

– Что они делают?! – послышался шёпот Мерадзе.

Камуфляжные парни, вооружённые винтовками и автоматами, начали загонять пленников на катер.

– Командир, если они погрузят всех на эту посудину и увезут, мы их не догоним!

– Спокойно! Чуб, Софа – на берег слева! Вера (лейтенант Вершинин), Мир – справа! Дом – следи за «вертушкой»!

– Есть!

Бойцы разделились, обходя палатки.

– Может, подгоним сюда буйволов? – предложил Редошкин. – Судя по рёву, стадо совсем близко. Буйволы их отвлекут.

– Поздно. Перебежками!

Максим, Редошкин и Чубченко подобрались поближе, прислушиваясь больше к «шумелке» – микрокомплексу датчиков, определяющих излучение радаров и полей электрических заграждений. Но «шумелки» молчали. Лагерь не был окружён линией электронной и акустической защиты.

Компьютер Максима, выводящий на стекло шлема все необходимые для операции данные, в том числе и характеристики целей (он имел персональный идентификатор), высветил цифровое обозначение попадавших в луч ИК-лазера людей. Африканцы вывели уже десятых мужчин и женщин, но россиян среди них пока что не было.

Появились ещё двое пленников, после чего произошла какая-то заминка. К неграм подбежал пилот вертолёта, что-то стал им объяснять на повышенных тонах. Один из негров нырнул в палатку и вывел сразу троих: двух мужчин – постарше и помоложе, и женщину.

Компьютер Максима запищал, фиксируя личность пленников: это были российские специалисты.

Всех троих повели не к катеру, а к вертолёту.

– Командир! Они разделились!

Максим застыл на мгновение, решая новую задачу.

⁴ Bell OH-58 Kiowa.

До высадки он надеялся, что им удастся вызволить соотечественников без особого шума. Опыт имелся, в Бразилии группа выкрала резидента ЦРУ, затевающего очередную «оранжевую революцию», и переправила в Россию. А охрана у цэрэушника была крутая. Но то было в Бразилии.

Инструктируя бойцов, начальник ССН полковник Савельев предупредил, что они отправляются не в тыл врага, где не возбраняется мочить всех встречных-поперечных без разбора. Правда, и ликвидировать при железной необходимости пару-тройку боевиков «Союза освобождения» он не запрещал. Но такого развития событий никто из стратегов, разрабатывающих план операции, не предусмотрел. Боевики явно решили передислоцироваться в другое место, забрав пленников, и, чтобы остановить их, требовалось привести убедительные аргументы.

– Численность противника?

– Если с катером, то не меньше шестнадцати человек, – доложил Матевосян.

– Чуб, Софа – подойдите к катеру снизу! Взять на ствол всех, кто на берегу! Вера, Мир – за вами сам катер. Не заденьте пленников! Хасик – берёшь негров у палатки! Дом со мной! На счёт три!

Однако начать атаку группа не успела.

Внезапно что-то изменилось вокруг. Максиму показалось, что весь берег реки и прогалину накрыло волной морозного воздуха.

Затем перестала поступать видеоинформация с дрона.

– Застыли!

Группа остановилась.

Тотчас же с неба начали стегать землю неяркие молнии! В их свете стало видно, как тёмную массу катера с торчащей на носу пушкой накрыла волна струения воздуха, после чего он исчез.

За ним тем же манером исчез вертолёт, к которому подвели троих россиян: вихревая воздушная колонна, напоминающая смерч, обвитая молниями, угодила прямо в него!

– Коман... – начал ошалевший от непонятного явления Редошкин, отставший от Максима на несколько метров.

Ребров хотел скомандовать: отходим! – но на голову упала призрачная колонна струящегося воздуха.

В глазах потемнело...

Глава 3

Ну и кто ответит президенту?

Погода испортилась ещё с ночи, заморосил мелкий дождик, и Савельев отказался от утренней пробежки по аллеям парка, не желая мокнуть. В хорошую погоду он почти каждое утро совершал пробежку, поддерживая если и не спортивную форму, то здоровое мироощущение. Вместо этого он занялся приготовлением оладий, обожаемых женой, которая выходила на работу лишь в понедельник, в то время как наступила суббота.

Сергей Макарович возился на кухне не часто, пропадая на работе с раннего утра до позднего вечера, мотаясь по командировкам, но готовить любил, а его блинчики с капустой и грибами обожали все друзья.

Однако в это утро двадцать восьмого сентября насладиться приятным делом ему не довелось. Раздался звонок мобильного, и голос дежурного по штабу ГРУ сообщил:

– Товарищ полковник, срочное сообщение!

Между лопатками протёк холодок предчувствия.

– Слушаю.

– В Баире произошло нечто странное. Группа Маугли не вышла на связь, а спутник зафиксировал исчезновение некоторых объектов.

– То есть как исчезновение? – не понял Савельев. – Каких объектов? Кто исчез?!

– Со спутника наблюдали передвижение по лагерю каких-то людей. Люди исчезли. Подробности не знаю. И вас вызывает первый.

Сергей Макарович выдохнул сквозь стиснутые зубы, досчитал до пяти и сказал:

– Еду.

Пришлось будить жену, извиняться, каяться («Сам не понимаю, что случилось, что за срочность, суббота же?») и мчаться в штабной комплекс, гадая, что произошло.

В холле «стекляшки» его перехватил Гусев.

– Макарыч, ты в курсе переполоха?

– Бред какой-то! Группа исчезла. Тебя-то зачем подняли?

– Насколько мне известно, не только меня, Плащинин уже здесь, скоро Колобок прикатитя. Идём в кинотеатр.

Направились в ситуационный зал, называемый сотрудниками штаба кинотеатром.

В зале, стены которого представляли собой экраны всех калибров и назначений, царил деловая атмосфера.

У подковы пультов с десятком компьютерных мониторов, за которыми сидели с дугами наушников офицеры – операторы штаба, стояла небольшая группка людей в штатском, среди которых выделялась могучая глыбистая фигура начальника 4-го Управления. Его спутниками были Плащинин, Долматовский и начальник дежурной смены полковник Сонин.

Обменялись рукопожатиями.

– Повтори, – кивнул Сонину Скорь, имея в виду подошедших.

Полковник склонился к оператору-лейтенанту.

– Покажи.

По почти метровой диагонали монитору с эффектом глубины пробежала сыпь белых цифр, сменилась мешаниной тёмно-зелёных и более светлых пятен. Из угла в угол экрана пролегла синяя петля реки. На более светлом пятне, сбегая к реке широким клином, протаяли пятнышки прямоугольных форм жёлто-коричневого цвета. Это были палатки экспедиции. Снимок был сделан, судя по орнаментовке и обозначениям с краю экрана, из космоса.

– То, что стало, – сказал полковник. – Никакого движения. А вот то, что было.

Контуры природных объектов на экране остались теми же, но теперь стали видны чёрные закорючки – люди, видимые сверху, а также катер на реке и вертолёт в центре поляны.

– Ну и что? – осведомился Долматовский. – Боевики улетели и уплыли, забрав людей. Наши погнались вдогон.

– Разница во времени между снимками – двадцать секунд, – сухо сказал Сонин. У Сергея Макаровича перехватило дыхание.

– Двадцать секунд?!

– Так точно. Есть и ещё снимки и даже видео, но спутник ушёл из зоны наблюдения и появится через час.

Скорь посмотрел на часы.

– Задействуйте все каналы, делайте что хотите, но разберитесь. Я буду у себя.

Генерал вышел из зала.

Савельев и Долматовский переглянулись.

– Я думал, он меня одного к стенке поставит, – с кривой улыбкой сказал Плащинин. – Но раз нас четверо – справимся. Одна голова хорошо, две – лучше, а три...

– Это Змей Горыныч, – пошутил начальник электронной разведки. – Я тоже к себе, буду на связи.

Шагая, как журавль, на своих длинных ногах, генерал удалился.

За ним ушёл Гусев.

– Идём ко мне? – предложил Плащинин.

– Подойду через пару минут, – сказал Сергей Макарович.

Разошлись по отделам и кабинетам.

Больше часа потратили на нервное выяснение обстоятельств происшествия с подключением всех разведок и спецслужб Минобороны, в том числе космической и агентурной. К десяти часам утра стала вырисовываться общая картина случившегося, после чего все ответственные за проведение операции генералы и руководители подразделений собрались в кабинете Плащинина.

Картина эта получалась фантасмагорическая, если не сказать – бредовая.

Спутник, пролетающий над Африкой в момент развёртки операции, записал удивительное явление: точно над прогалиной на берегу реки Чуапы внезапно родился грозовой фронт – при полном отсутствии облаков! К земле потянулись вихри тусклых фиолетовых молний, накрыли лагерь экспедиции и часть реки, а когда странная гроза кончилась, оказалось, что за это очень короткое время (прошло буквально не больше полуминуты) исчезли катер боевиков, вертолёт и, самое главное, люди!

Спутник проходил над Баиром минут десять, но группа Маугли, то есть майора Реброва, на связь не вышла и с тех пор вестей о себе не подавала.

На следующем витке спутник снова сделал запись района действия группы, однако не увидел ни одного человека. Зато обнаружил, что поляна, сходящая к реке, изрыта странными круглыми следами – ямами диаметром до десяти метров и глубиной до полуметра. Словно там потоптался гигантский слон. Уцелели две палатки и груда ящиков – всё, что осталось от лагеря.

И ещё одно немаловажное обстоятельство отметили датчики спутника: резкий всплеск электромагнитного поля в районе лагеря. С одной стороны, всплеск мог объяснить рождение молний, но его характеристики поставили в тупик экспертов ГРУ, подключённых Плащининым, и этот феномен остался неразгаданным.

Сергей Макарович тоже даром стул не протирал, внося свою лепту в расследование инцидента. По его приказу с базы «миротворцев» в Конго был направлен в район Чуапы вертолёт со спецотрядом, однако никаких следов группы Маугли обнаружить не удалось. Тайнственным образом семь здоровых мужиков, великолепно тренированных бойцов ССН, способных справиться с целой ротой спецназа иностранных армий, растворились в джунглях, как привидения.

Молчали и власти Баира, и руководство «Союза освобождения Африки», словно их это происшествие не касалось. Правда, криптослухачи Долматовского перехватили переговоры боевиков между собой, но переговорами всё и закончилось. Базировавшийся в пригороде столицы Баира штаб СОА посылать к Чуапе своих следователей не стал. Хотя там тоже не понимали, что случилось. Потеря пары десятков боевиков для командования «Союза» ничего не значила.

Обсудили сделанное Плащининым резюме, поспорили.

Генерал оглядел лица приглашённых экспертов: Рощина из научно-технического отдела, доктора технических наук, и Кондратюка, уфолога, специалиста по НЛЮ, кандидата физико-математических наук.

– Что скажете, боги науки? Есть идеи?

– НЛЮ, – буркнул бородатый Кондратюк.

Плащинин сморщил нос, кивнул.

– Я в вас не сомневался, Тарас Гаврилович.

– Это единственное объяснение, судя по эффектам. Прилетели инопланетные товарищи, можете ржать сколько угодно...

– И забрали всех, кто попался.

– Именно так, Виктор Викторович. И смешного тут мало. Задokumentировано уже свыше двух тысяч похищений людей экипажами НЛЮ. Нашим парням просто повезло.

– Ну, это куда и как посмотреть, – сказал Долматовский. – Упаси нас бог от такого везения.

– Тарас Гаврилович, у вас всё? Вы серьёзно считаете, что НЛЮ всё объясняет?

– У меня нет сомнений. И лучше синица в руках, чем журавль в небе. Я имею в виду моё предположение.

– С точки зрения экологии, – улыбнулся Долматовский, – лучше журавль в небе, чем синица в руках.

Плащинин перевёл взгляд на Рощина, седого, большеголового, с лицом, испещрённым морщинами.

– А вы что скажете, Глеб Константинович?

– Он технарь, – поморщился Кондратюк. – Что он может сказать?

– Мы тоже не на 3D-принтере деланы, – добродушно проворчал Рощин. – В районе лагеря произошёл странный электромагнитный выброс, от него и надо плясать. Хорошо бы сделать замеры на месте.

– Ага, нас очень ждут африканцы-головорезы, – скривил губы Гусев.

– И что это даст? – спросил Плащинин.

– Мы бы уточнили характер воздействия неизвестного фактора на природу района. Возможно, станет понятен и эффект этого воздействия на людей.

Долматовский с сомнением покачал головой.

– Вряд ли это возможно. По каким каналам мы туда попадём? По дипломатическим? Как настоящие летучие мыши?

Все посмотрели на Сергея Макаровича.

Он откашлялся.

– Мне бы хотелось выяснить, что там делали американцы.

Головы повернулись к хозяину кабинета.

– То же, что и всегда, – сказал Плащинин. – Поддерживали террористов «Союза освобождения». Судя по шевронам Delta force UA Army на рукавах пилотов, спутник разглядел их, это парни из корпуса спецопераций.

– Не боятся огласки? – проворчал Гусев.

– Плевать они хотели на любую огласку, – сказал Долматовский. – Она им никогда не мешала подкармливать террористов по всему миру.

– Вы не договорили, Сергей Макарович, – сказал Плащинин.

– Я подумал, не провели ли американцы какой-нибудь эксперимент наподобие телепортирования эсминца «Элдридж» в сорок третьем.

– Телепортации никакой не было, – возразил Роцин. – Это миф.

– Но ведь эксперименты велись?

– Телепортация выдумана досужими журналистами времён войны.

– Китайцы уже всю экспериментируют с квантовой запутанностью и телепортацией атомов, – брюзгливо заметил Кондратюк.

– О перемещении массивных физических объектов речь не идёт. В этих экспериментах делаются попытки передать информацию.

– В конце концов дойдут и до физических объектов, законы физики это не запрещают. А в космосе наверняка существуют цивилизации более высокого уровня, где телепортацией пользуются как мы велосипедом.

В кабинет без стука вошёл Скорь.

Присутствующие дружно встали, кроме спорящих экспертов. Начальнику 4-го Управления подвинули стул. Он сел, оглядел притихшую компанию.

– Итак, что мы имеем, господа разведчики?

Плащинин сжато изложил генералу свою точку зрения, закончил идеей Кондратюка.

– Молодцы! – с чувством сказал Скорь. – Отличная идея – свалить всё на пришельцев! Умнее ничего не придумали? Что я скажу главному? Что нашу лучшую ДРГ захватили инопланетяне с НЛО?!

Все молчали.

Глава 4

Рай

То, что случилось, можно было назвать ударом по голове, если бы не одно «но»: удар сотряс не только голову, но и весь организм от макушки до пяток.

Сотрясение оказалось столь сильным, что Максим ослеп, оглох и какое-то время не мог не только соображать, но и просто дышать.

Затем начали просыпаться органы чувств, экстренно подключённые сторожем организма.

Первым заработало обоняние: волна запахов обрушилась на нос волной цунами, пугая и удивляя! Потому что запахи эти хотя и относились к лесным ароматам, однако вовсе не соответствовали обстановке джунглей. В них не было ни гнилостных оттенков, ни горчичных, ни кислых, ни аммиачных, ни каких-либо неприятных вообще! Пахло травой, мхом, кустарником, ягодами, древесной корой и цветами, хотя ансамбль цветочных обертонов был другим, не принадлежащим джунглям.

Заработала нервная система, сообщая, что вокруг резко изменились температура и влажность воздуха. Если до этого момента в лесу было душно и жарко, то теперь воздух стал хотя и ненамного прохладнее, но ласковее, перестал быть парилкой, и из него совершенно ушла влажная духота.

Наконец, очнулось зрение, тьма вокруг рассеялась.

Максим протёр глаза и с недоумением заворочал головой, не понимая, почему вокруг светло. Операцию группа начала ночью, и до рассвета ещё оставалось время.

Включились остальные системы тела, сигнализируя, что он сидит, прислонившись спиной к стволу могучего дерева, уходящего вверх на немыслимую высоту, что небо в просветах между кронами таких же гигантов синее, глубокое, летнее и что лес вовсе не напоминает джунгли с их чудовищно густыми зарослями лиан и кустарников.

Последним напомнил о себе слух, словно из ушей вынули пробки: на голову обрушилась невероятная, глубокая, чуть ли не вселенская тишина, заставив Максима напрягаться и ловить опасность в лесных шёпотах: шелесте листвы, поскрипывании стволов, шорохах и писках в густой зелёной траве по колено человеку. Вроде бы тишина как тишина, свойственная природе средней полосы России. Но в этой глобальной естественной тишине не чувствовалось угрозы, как в джунглях! Ни малейшей! Не кричали звери, убегая от хищников, не ворочались в чаще медведи и лоси, не верещали обезьяны, не стреляли по лесным жителям охотники и не пели птицы. Об этом Максим подумал в последнюю очередь, после того как заметил мелькнувшее между деревьями яркое пятно, подумав, что это птица. Но не угадал, это была крупная, размером с ладонь, бабочка.

Поворочавшись, взявшись за приклад винтовки, он встал, откинул за спину шлем, с наслаждением вдохнул чистейший воздух и начал осматриваться, изумляясь всё больше. Заметил под ногами кучу щепок, мелких, как опилки, а также коричнево-жёлтых крошек, оказавшихся кусочками коры. Поднял голову, обнаружив на стволе дерева глубокую, сантиметров тридцати, борозду, прочертившую весь ствол от основания до вершины. Понял, что борозду проделал своим телом он сам, хотя было непонятно, почему остался при этом цел и невредим. Даже если представить, что он летел со скоростью снаряда (какая пушка им выстрелила?!), человеческое тело не сделано из металла и повредить так ствол дерева не могло. Его просто разорвало бы на куски! Но ведь факт налицо? Он прилетел с неба и пробороzdил дерево на всю его высоту!

Ладно, разберёмся.

Отступив от ствола на несколько шагов, Максим осмотрелся.

Такого леса он ещё в своей жизни не видел!

За пятнадцать лет учёбы и службы в спецназе ГРУ ему посчастливилось побывать в десятках стран мира на разных континентах, не считая путешествий по России. Он был в горах Афганистана, пустынях Катара и Саудовской Аравии, в сельве Южной Америки, в саваннах Африки, парился в джунглях Бразилии и Перу, жил месяцами в болотах Мадагаскара, умирал от жары в Австралии и замерзал на Аляске, бродил по самым разным лесам, порой разительно отличавшимся друг от друга. Однако в таком чистом, ухоженном, а главное – гигантском и необычном лесу оказался впервые.

Деревья и в самом деле были великанами наподобие мамонтовых деревьев, баньянов и секвой в парках США, однако не в пример последним выглядели величественнее и массивнее. Диаметр ствола гиганта, к которому выбросило Максима, доходил у основания до тридцати с лишним метров, высоту же на глаз определить было невозможно. Скорее всего, она достигала метров ста пятидесяти.

Стояли эти растительные великаны, украшенные самой настоящей иероглифической резьбой коры, в сотне метров друг от друга, а между ними росли деревья потоньше и поэзотичнее, образуя своеобразный светлый подлесок. Берёзами или соснами назвать их было нельзя, но стволы у многих буквально светились белизной, другие же покрывала светло-зелёная и голубоватая хвоя.

И ещё одно потрясение ожидало путешественника: здесь не было ни лиан, ни непроходимых кустарниковых крепей, ни упавших и сгнивших стволов!

Прошумело в кроне ближайшего великана, словно там вспорхнула птица.

Он машинально вскинул ствол винтовки... и вспомнил о товарищах. Постучал по усика микрофона пальцем, позвал:

– Чуб, Дом! Ответьте Маугли!

Тихое шипение в наушниках.

– Вера, Софа, Хасик!

Никакой реакции. В этом месте даже радиэфон рации был иным, тусклым и слабым, в отличие от фона в Африке, заполненного излучением множества источников (цивилизация добралась и до глухих диких племён), и вообще от земного. Всплыла мысль: не кинуло ли его в какой-нибудь параллельный мир? Столько говорят об этом нынче по ТВ, заполняя эфир рассказами «очевидцев» и «переселенцев».

– Чуб, отзовись!

Мёртвое молчание.

Максим стиснул зубы, унимая нервную дрожь и сдерживая вспыхнувшую в душе неизвестно на кого злость.

Что ж, товарищ майор, принимаем изменение условий как вводную какого-то учебного теста. Тебя закинули в параллельное измерение? Изучи, найди методы воздействия, измени положение! Были ведь инциденты? То разведка недоработала, то нашлись предатели среди своих, возникали вроде бы абсолютно безнадёжные ситуации, смерть казалась неизбежной, и что? Выжил ведь? Так и сейчас включай программу выживания... если только это не сон или какая-то игровая виртуальность.

Помучив рацию ещё несколько минут, он начал осматриваться более детально, прикидывая, в какую сторону податься, чтобы уточнить местоположение.

Перед началом похода он тщательно изучил кучу щепок, опилок и крошек коры дерева, под которым оказался. Но ничего не нашёл. Очевидно, какая-то сила швырнула его с большой высоты, и он действительно телом прочертил неглубокую борозду по стволу.

Никаких других обломков или следов воздействия под деревом не нашлось.

Возникла мысль взобраться повыше и посмотреть вокруг. Но Максим быстро отбросил эту идею, так как никакого альпинистского снаряжения у него не было, как не было и уверен-

ности в том, что дерево возвышается над другими. Дрон значительно облегчил бы ему задачу ориентирования, но он отсутствовал, и мечтать об этом не имело смысла.

В конце концов Максим принял решение сделать круг, постепенно увеличивая радиус обследования района «приземления», определил направление и отправился в путь, подумывая, не скинуть ли «Хамелеон» и пойти налегке. Потом решил пока не расслабляться.

«Баньяны», обладавшие гладкой как шёлк зеленовато-серой корой, его удивили, так как издали казались стадом многолапых динозавров. Они и выросли «мордами» крон к центру низины, будто столпились у водоёма и замерли, отдыхая.

Однако никаких динозавров в этом лесу не водилось. Вообще не было крупных зверей. Хотя, возможно, они прятались где-то в глубинах леса и молчали. О том, чтобы сделать окончательный вывод об их отсутствии, нужно было обследовать существенную его часть. А вот мелких зверьков было множество, хотя первая же встреча с ними привела Максима в замешательство.

Сначала он подумал, что в ветвях встреченного «кедра» застряла бабочка, коих вокруг порхало множество, причём очень крупного размера. Потом показалось, что на верхушке «кедра» возится белка, ярко-рыжая, с пушистым хвостом, юркая и ловкая. Но вблизи «белка» размером с локоть человека оказалась неизвестным животным с длинным клювообразным носом и шестью лапками. Она заметила человека, но никак на него не отреагировала, как ни в чём не бывало занимаясь своим делом.

Лишь приглядевшись, Максим понял, что «белка» не лущит кедровые шишки, как он решил вначале, а... отгрызает сухие веточки и скидывает их вниз, к подножию, у которого возятся другие зверьки, напоминающие помесь ежа и змеи. Эти «змееёжики» собирали ветки и уносили прочь, словно работали в одной команде по уборке леса.

– Обалдеть! – вслух проговорил Максим.

Понаблюдав за деятельностью «артели», он отправился дальше, постепенно привыкая к умиротворяющей атмосфере леса.

Шагать было легко. Сила тяжести в этом удивительном мире была чуть-чуть меньше, чем на Земле.

Как оказалось, лесной ландшафт представлял собой равнину с редкими и невысокими холмами, свободными от гигантов, но поросшими другими видами деревьев, образующих своеобразные рощи. Некоторые были насквозь светлыми и чистыми, как российские берёзовые колки, некоторые поросли стройными «соснами». Углубившись в «берёзовую» рошу, Максим даже вспомнил поговорку: в берёзовой роще – жениться, в сосновой – веселиться, в еловой – удавиться. Правда, еловых здесь не было, вообще не встречалось такого бурелома, какой существовал в лесах Сибири и Дальнего Востока.

Лишь однажды Максиму встретился холм, свободный от деревьев, покрытый ровной изумрудной, словно сеяной, травой. Он взбирался на его пологий склон минут пятнадцать, отмечая однотипность травы (домашние луга были намного многообразнее), зато, когда влез на вершину, ему открылся такой потрясающий вид, что захватило дух.

Лес вокруг расстилался до неблизкого, размытого дымкой атмосферы горизонта! Никакой инфраструктуры, ни одного здания, башни или технического сооружения, ни одной антенны, указывающей на присутствие цивилизации! Только лес, наполненный невероятным покоем и тишиной, от которой звенело в ушах!

– Рай! – выговорил он вслух, словно пробуя слово на вкус.

Потом, спустя ещё несколько минут, добавил, сомневаясь в собственной трезвости:

– Где я, чёрт побери?! Если это игра – отключите!

Никто не ответил. Тишина завладела этим миром прочно и навсегда.

Вернулась способность мыслить.

Здесь нет городов и поселений, не видать линий электропередачи и не летают самолёты. Но должны же быть реки и озёра? Может, стоит поискать чистый водоём и хотя бы искупаться? Да и напиться бы не мешало. Фляга полна, однако надолго ли её хватит?

Из леса вылетела целая стая бабочек, вытянулась вереницей и направилась к холму.

Рука сама потянулась к прикладу винтовки.

Усмехнувшись, Максим опомнился и отнял руку. Где бы он ни оказался, бабочки не представляли для него опасности. Если только они не были снабжены нанобоеприпасами и не взрывались при прикосновении к телу.

Последняя мысль позабавила. Затем пришла другая, более практичная: интересно, куда направляется эта странная летучая кавалькада? Что ищет? Не воду ли?

Цветы, ответил он сам себе.

Нужно проверить, пришло умное решение. Всё равно они летят в нужном направлении.

Бабочки облетели человека и устремились в прогалину между деревьями.

Максим поспешил за ними, прикинув численность «стаи»: не меньше тысячи особей! Цветов здесь действительно немного, в отличие от родных полей, так, может, они растут семьями? В каких-то особо комфортных зонах?

Загадка разрешилась через полчаса.

Передвигаться пришлось быстро, переходя на бег, чтобы не отстать от «летучего полка», и, когда взопревший «неизвестно-куда-попаданец» готов был сдаться, изрядно устав, за деревьями высветилась некая голубизна.

Это была река.

Бабочки, правда, не обратили на неё внимания, перелетев через реку и отправившись по своему маршруту, а Максим выбежал на опушку леса и увидел песчаный берег, настоящий пляж, заросли кустарника, похожего на тростник и камыш, и остановился, переводя дух.

Неистово захотелось нырнуть в воду!

Но инстинкты всё же заставили его внимательно оглядеть «периметр охранной зоны», прежде чем он сбежал на берег. На миг душу охватило ощущение ирреальности происходящего: ещё час назад он находился в центре ночной Африки, на берегу другой реки Чуапы, полной природных опасностей, и не думал ни о каких путешествиях по другим мирам! Что же всё-таки произошло? Где он оказался? Кто затеял этот паскудный эксперимент с «параллельным перемещением»?! Узнаю – убую!

Вода в реке оказалась зеленоватого цвета, но кристально прозрачная до самого дна и чистая. Никаких хищников наподобие крокодилов, змей и пираний в ней вроде как не водилось. Вообще не было видно рыбёшек или головастиков, словно реку пропустили через огромные фильтры, задерживающие всю речную живность, в том числе микроскопическую, такую как рачки и водоросли. Во всяком случае, Максим не заметил ни клочка грязи или гниющих мхов, только кружевные пятна ряски. Берег реки (ширину её он определил в полсотни метров) благоухал чистотой, сверкал крупным, оранжевого цвета песком и манил прилечь.

Не в силах больше терпеть, Максим сбросил с плеч поклажу, всю амуницию, освободился от костюма, снял обувь и, оставшись в плавках, бросился в воду.

Она оказалась достаточно холодной, но исключительно бодрящей и вкусной. Для пробы майор сделал глоток, потом с наслаждением напился, почуяв прилив сил, будто опорожнил флягу с родниковой водой. Проплыв не менее двухсот метров вверх и вниз по течению, он сделал круг, вернулся на берег и растянулся навзничь на песке, раскинув руки и подставив лицо солнцу, втрое больше земного, но не столь яркому и жгучему.

Пригревшись, задремал на пару минут. Очнулся от подземного, как ему показалось, гула. Сел, приводя организм в боевое состояние.

Спохватился, что ведёт себя непрофессионально, снял с себя плавки, выжал досуха, быстро натянул костюм.

Бойцы по-прежнему не отвечали, и это лишь подтверждало вывод о том, что он и в самом деле стал «попаданцем» в мир, исключительно похожий на земной и в то же время совершенно отличный от него.

Захотелось есть.

Подумав, достал флягу, сделал глоток, но вода показалась невкусной по сравнению с речной, поэтому он вылил привезенную из дома и набрал полную флягу прямо из реки. Постоял на берегу, вглядываясь в прозрачные струи, ожидая увидеть хоть какую-нибудь рыбку мелкоту, но так и не дождался её появления. Вода оставалась девственно чистой, будто недавно сотворённая Богом.

Снова откуда-то прилетел непонятный слабый гул.

Максим замер, ловя направление звука, подумал о взрывах, с помощью которых люди ломали породу в карьерах. Неужели всё-таки тут кто-то есть, кроме него? Но тогда почему так безмятежна и спокойна природа? Почему не мечутся по лесу звери, убегая от взрывов? Не валяются тут и там груды валежника? Не летают в облаках птицы? Почему молчит интуиция, уснув от потрясающего отсутствия опасности? Или он попал в колоссальных размеров заповедник?

Вернулись бабочки, всё так же сохраняя порядок «походной колонны».

Интересно, что это означает? Каким образом им удаётся сохранять строй? Что это, некая традиция, подчинённая генетике? Или кто-то пасёт бабочек, направляя их к цветущим лугам?

Кстати, где другие насекомые? Мухи, пчёлы, оводы, комары? Муравьи или термиты, наконец? Ау! Отзовитесь, хозяева!

Ответом его мысленному воззванию была тишина.

Впрочем, он и не рассчитывал на ответ, интуитивно полагая, что всё в конце концов разъяснится и он проснётся дома, в постели, либо в клинике Минобороны после получения черепномозговой травмы.

Последняя мысль развеселила. Чувствовал себя майор прекрасно, ничего не болело, сердце билось ровно, глаза видели далеко, тело подчинялось мысли, как процессор командам оператора, посторонние мысли голову не туманили. Почему бы не поверить в то, что ему предложили испытание с полным погружением в виртуальность? Начиная с самой экспедиции в Баир? И если это тест, то почему длится так долго, не предъявляя испытуемому экшна, как давно бы уже это сделала программа игры?

Далёкий гул всколыхнул воздух.

Максим взялся за винтовку. Драйв его вполне устраивал, так как отсутствие экстрима, вообще каких-либо внешних проявлений интереса к его особе, начало утомлять. Он привык работать в условиях быстро меняющихся боевых ситуаций и чувствовал себя в процессе схватки как рыба в воде. Отсутствие изменений напрягало. Пришла мысль, что вся эта идиллия с лесом является подготовкой к личному апокалипсису и его стоит ожидать в скором времени.

Бабочки сделали третий заход на реку и понеслись порхающей яркой колонной в глубь леса.

Максим свернул за ними. Красивые создания летели в направлении на возникший на «юго-западе» звук.

Он усмехнулся: впечатление создавалось такое, будто ему дали проводника. Что ж, товарищи местные наблюдатели, последуем за ним, посмотрим, какой сюрприз вы приготовили «попаданцу».

– Чуб, Дом!

Тихий шелест в наушниках. Местная природа не обменивалась радиосигналами.

Гирлянда бабочек облетела скопление лоснящихся темнокорых «мангров», столпившихся вокруг мшистого болотца.

Снова в голову толкнулась интуиция, сравнив это растительное «стадо» со стадом динозавров на водопое. Может, время здесь идёт по-другому, в отличие от земного? И это просто застывшие во времени живые существа? Но тогда почему оно не действует на него? Потому что он прибыл из другого времени и другого пространства, с другими физическими законами? Поэтому и не подчиняется местным законам?

Кто-то посмотрел на него со всех сторон, оценивающе и с сомнением.

Максим споткнулся, озираясь.

Однако никого не увидел. Точнее, увидел мелькнувшее в зарослях «мангров» жёлтое пятно. Показалось, оттуда выглянула косуля. Значит, живность таки в лесу присутствует? А если это так, то и хищники могут где-то прятаться?

Лес отвёл от человека свой взгляд, будто разочаровался в нём и перестал интересоваться. В душе родилась обида. Сменилась здравым рассуждением. Может, и в самом деле лес реагирует на мысли? И поэтому посмотрел на гостя как учитель, не ожидавший услышать неправильный ответ? Тогда в чём он не прав?

Бабочки ускорили полёт.

Максим побежал было следом, маневрируя между стволами «асиновой» рощи, но долго бежать не смог, кончились силы. Пришлось остановиться.

Во-первых, потому, что всё чаще стали попадаться «стада мангров» и «баньянов», «пьющих воду» из небольших круглых болот, и «стада» эти приходилось обходить. Максим зашёл в одно из таких мест, увидел буйную поросль странной пузырчатой травы, толстый слой мха, водное окно в центре диаметром около десятка метров, даже издали кажущееся прозрачным и чистым, а также обнаружил целые заросли грибов, похожих на подосиновики, только с белыми шляпками. Присвистнул: ого! С такими запасами можно не беспокоиться о еде! Набрал, сварил – и ешь.

Вторая причина была связана с первой. Точнее, грибы напомнили ему о том, что у него уже почти полсутки маковой росинки во рту не было. Есть захотелось сильнее.

Он и перестал гнаться за бабочками. Уселся на бугорочке и стал проверять запасы жизненно необходимых вещей.

О воде можно было не беспокоиться, судя по наличию в этом мире чистых рек.

А вот сухпай и НЗ имели строго ограниченные размеры, и расходовать их теперь следовало экономно. ДРГ посылали не для долгой операции в тылу врага, поэтому в рейд-рюкзаке уместился лишь базовый ИРП (индивидуальный рацион питания) неплохой энергетической ценности: три палеты готовой к употреблению говядины тушёной, одна – мясо с горошком, пакет сухих витаминов, банка сельди, каша с говядиной, икра овощная, пакетики с чаем, галеты, повидло и три «Сникерса». Тушенка и «консервы мясорастительные» давно отошли в прошлое, оставшись только на гражданке. Нынешние сухие пайки выпускались в семи разновидностях, а для спецназа готовились под индивидуальные нормы довольствия.

Всё это богатство можно было растянуть на неделю при отсутствии подкормки. Однако теперь после обнаружения грибов (Максим не сомневался, что они съедобны) запас еды уже не казался скромным. Можно было растянуть его и на месяц, если использовать дары леса, тем более что здесь могли произрастать и плодовые деревья наподобие банановых пальм и ананасов. Впрочем, и без южных плодов можно обойтись, особенно если найти орехи и ягоды. А может быть, повезёт найти и хлебное дерево.

Он уложил банки и пакеты обратно в рюкзак, занялся оружием.

У него был «шёпот смерти» и к нему три магазина патронов по шестнадцать штук в каждом, рассованные по карманам разгрузочного жилета. Против армии слабовато, но при нужде спокойно можно будет положить полроты противника, не подпуская его ближе чем на триста метров.

Кроме того, имелся боевой нож Marc Lee Glory, так и оставшийся в ножнах, а также мачете с расширяющимся к концу лезвием, подрывной блок «Каштан» (жаль, что один) и «беретта» с магазином на тридцать патронов.

Медаптечку Максим проверять не стал, зная, что в ней находится. Снабженцы всем спецназовцам в операциях за рубежом давали один и тот же израильский комплект «Вог», учитывающий большинство случаев повреждений организма и поддерживающий человека даже при потере руки или ноги.

Вскрыв палету с тушёнкой, он опорожнил её, использовав треть пакета с хлебцами (смолил водичкой и жуй), кинул в рот таблетку мышечного активатора (усталость как рукой сняло) и направился дальше, не теряя прежнего направления. Увидел вереницу бабочек (ищут они его, что ли?!), припустил за ними и внезапно вырвался на край кратера в окружении не слишком высоких, но пузатых, как баобабы, деревьев. Сквозь частокол «тростника» между ними сверкнул металл. Сердце ёкнуло. Металлический отблеск мог означать присутствие техники. Может быть, это вертолёт? Или какой-нибудь инопланетный танк? Антенна связи, наконец? Почему бы для разнообразия не встретить в этом неземном заповеднике знакомые по компьютерным играм сооружения?

Он продрался сквозь заросли «тростника» между оплывшими к основанию складками пузатыми «баобабами» и остановился, готовый к любой неожиданности.

Это был не вертолёт, не танк и не антенна. На дне кратера глубиной не меньше двадцати метров и шириной около пятидесяти лежало металлическое, в заклёпках, смятое от удара и треснувшее яйцо с оперением наподобие ракетного. Длина его достигала метров пятнадцати, ширина в самой широкой части – около пяти. И оно очень походило на космический аппарат инженера Лося из романа Алексея Толстого «Аэлита», на котором Лось летал на Марс с товарищем Гусевым. Сравнение возникло в голове само собой. Максим читал в детстве этот роман и помнил его до деталей.

– Звездолёт! – пробормотал он с недоверием.

Глава 5

Мамаево побоище

Летели на предельно низкой высоте и с максимально возможной скоростью. Африканские государства практически не имели радиолокационных станций для прикрытия всей территории. Контролировались радаром только столицы и крупные города. Но на материке было полно американских и натовских баз с хорошо развитыми радарными системами, и группа получила задание обследовать лагерь археологов в Баире так, чтобы её никто не заметил. Вертолёт (МН-6 Little Bird) вылетел с базы на территории Конго сразу же после прохождения над Баиром американского спутника, в запасе у группы до его следующего появления было всего полтора часа, и пилоты «маленькой птички» торопились: надо было добраться до цели, в темпе изучить обстановку и взлететь.

Кроме пилотов, капитана Маринова и лейтенанта Почкина, на борту «вертушки» находилась спецгруппа российских Сил специального назначения под командованием майора Пушина, всего пять человек. Она участвовала в операции по охране российского посольства в Сенегале, где началась очередная затеянная американскими спецслужбами «оранжевая революция», но по приказу из центра её спешно перебросили в Конго. Экипировка на всех была американская – спецкомбезы «Хамелеон», и вооружены все были американскими, немецкими и израильскими винтовками. Это был необходимый камуфляж спецгрупп ГРУ, участвующих за рубежом в опасных операциях.

Обычно подобные задания спецназ выполнял ночью во избежание ненужной огласки. Однако на этот раз требовалось выполнить приказ в предельно сжатые сроки, днём, соблюдая при этом все меры предосторожности. Внизу шла межплеменная война, оружия у противоборствующих сторон было немало, имелись в том числе и ПЗРК американского и европейского производства, и риск был максимален. По низко летящему вертолёту мог пальнуть кто угодно, даже ради спортивного интереса.

В район срединного течения реки Чуапы вышли в четырнадцать часов семь минут по местному времени.

Сделали круг над берегом реки, на котором одиноко торчали две жёлто-коричневые палатки. С высоты в сто метров обнаружили три десятка свежерытых круглых ям, выемку в песчано-глинистом берегу и не заметили ни одного живого существа.

Пушин тщательно заснял пейзаж на спецкамеру.

– Садимся!

Вертолёт легко, как парашютик одуванчика, сел на берег реки.

– Периметр!

Выпрыгнувшие бойцы рассредоточились таким образом, чтобы держать под дулами винтовок заросли и реку, а также прикрывать спины друг друга.

– Перебежками!

Двинулись к палаткам, вблизи выглядевшим так, будто их трепал сильный ветер. Наткнулись на ямы, окружавшие палатки и усеявшие берег реки. Диаметр каждой доходил до пяти-шести метров, а глубина не превышала полуметра, иногда и меньше. Причём дно каждой было ровное, как у могилы. Пушину невольно пришло в голову сравнение ям со следами, оставленными гигантской женской расчёской, прокатившейся по поляне. Штырьки этой расчёски размером с газовые трубы и оставили вмятины.

– Осмотреть палатки! Ястреб, Гусь – обследуйте опушку леса!

Двое бойцов побежали к палаткам, ещё двое, лейтенант Почкин и сержант Утолин, свернули к стене джунглей, окаймлявших поляну.

Пушин сфотографировал ямы, достал датчик ионизирующих излучений. Но экранчик прибора остался бледно-зелёным, сигнализируя об отсутствии радиации.

– Вебрь, – позвал его Почкин, – посмотри.

Пушин подошёл к нему, вглядываясь в просветы между деревьями и направив на зелёную стену ствол своей «Кар-15».

– Ну?

– Деревья.

– Что деревья? – Пушин осекся, только теперь разглядев, что стволы стоящих на опушке леса деревьев все как один искривлены, наклонены в глубь леса, будто их развернула туда какая-то сила да так и оставила.

– Что за хрень?!

– Видно, здесь бабахнуло что-то в воздухе. Вся поляна окружена таким вывороченным лесом.

– Если бы бабахнуло, от палаток бы ничего не осталось. Да и спутники не зафиксировали взрыва.

– А как ещё можно объяснить этот бихевиоризм?

Пушин помолчал.

– Осмотрите лес, но глубоко не забирайтесь, ищите следы.

– Есть.

– Вебрь, здесь никого, – послышался голос сержанта Хавтоева (кличка Мирзо). Он выбрался из палатки. – Спальники и личные вещи на месте, разбросаны. Следов борьбы и крови нет.

Майор вернулся к палаткам, заглянул внутрь, снял всё на камеру, сделал несколько фотоснимков.

– Ещё раз пройдите по поляне.

Бойцы начали ходить кругами, обходя странные ямы, обнажавшие почву с миллионами мелких кустарниковых и травяных корней.

Пушин спустился к воде, напрягая зрение, чтобы не пропустить какой-нибудь важной детали. Однако ничего интересного не обнаружил, кроме стёсанного, словно лезвием бульдозера, песчаного бугра. Вода из реки уже заполнила образовавшуюся десятиметровую ложбину, мутная, коричневого цвета. Уголок ложбины был покрыт пятном перламутровой слизи, и Пушин понял, что это след солярки: в этом месте стоял катер.

Что же здесь произошло, чёрт побери? Куда подевались люди, инструмент, аппаратура, техника? Неужели правы уфологи, давно твердившие о реальности НЛЮ, приводящие примеры похищения пришельцами подвернувшихся под руку свидетелей их появления? Может, и здесь произошло то же самое? Сели на берег, похватили всех, забрали катер и «вертушку» и убрались в космос. А ямы – следы опор их корабля...

– Чушь! – вслух пробормотал майор сердито. Подумал: был бы здесь корабль, его бы засекли и американцы, и наши локаторщики. Никакие пришельцы сюда не сажались.

Вернулись бойцы, обследовавшие лес.

– Никаких следов, – доложил Почкин. – Метров на сто вообще никого нет, ни зверей тебе, ни птиц, ни змей. Словно всё вымерло. К развалинам в самой чашобе проложена тропа, но и она пуста.

Подошли остальные бойцы. Один держал зелёный прорезиненный брезентовый лоскут.

– Нашёл на краю ямы. От палатки, наверно.

– Здесь их должно было три стоять.

Бойцы переглянулись.

– Больше ничего нет, только пустые ящики и гора мусора.

– Мистика какая-то, – проворчал Почкин.

– Может, развалины осмотрим? – предложил Хавтоев.

– Не успеем, – отрицательно мотнул головой Пушин. – У нас не больше двадцати минут.

– Мы быстро, глянем и назад. Вдруг они все там?

– Одна нога здесь, другая там! – скомандовал майор, не привыкший колебаться. – Остальным пройти по берегу и поляне ещё раз.

Из кабины вертолётa спрыгнул в траву лётчик в комбинезоне ВВС США. Он был молод и белобрыс.

– Что тут произошло? – любопытствовал он, ворочая головой.

– Мамаево побоище, – буркнул Пушин.

Пилот засмеялся.

– Сильно крупный у Мама конь был, судя по следам. Вон какие дырки копыта оставили. Второй пилот высунулся из кабины, замахал рукой.

– Алярм, парни! С запада сюда летит армада «вертушек», Совбез ООН сподобился направить команду для расследования инцидента. Велено немедленно сниматься с якоря!

– Мирзо, возвращайтесь в темпе! – связался Пушин по рации с бойцами, ушедшими к развалинам.

Через две минуты показались бегущие во всю прыть спецназовцы.

– Грузимся!

Ещё через минуту вертолёт взлетел и понёсся низко над джунглями на север, к базе.

Глава 6

Люди, ау!

В боевом комбинезоне при полной экипировке было не очень удобно ворочаться в теснинах чужого аппарата (звездолётом назвать его не поворачивался язык), но Максим не стал раздеваться, лишь сбросил рюкзак, разгрузку и оставил под бортом аппарата винтовку.

Яйцеобразная машина вблизи создавала впечатление музейного экспоната. Мало того что её треснувший корпус проела коррозия, все её обводы, геометрия, дизайн и особенно круглые заклёпки вызвали у Максима усмешку. Вспомнились детские компьютерные «стрелялки», создатели которых с удовольствием рисовали ретротехнику, приспособив её для иных цивилизаций, летавших по космосу чуть ли не на паровозах и допотопных ракетах. Разбитое яйцо к тому же действительно напоминало аппарат инженера Лося, на котором он волей писателя Алексея Толстого полетел на Марс. У Максима даже мелькнула мысль, не реализовался ли такой вариант в этом мире и не лежит ли в кабине высохший труп Лося.

Но опасения майора оказались напрасными.

Внутри аппарата, куда он не без труда проник через трещину, царил полный разгром, однако трупа не оказалось. Вполне возможно, пилот яйца уцелел, выбрался из аппарата, но обратно так и не вернулся. Иллюминаторов в отсеках ракеты не было, но не обнаружили и экраны, что наводило на мысль о наличии неких нетрадиционных форм связи и наблюдения за пространством. Однако кресло в передней кабине присутствовало, вполне определённой геометрии, намекавшее, что владельцы яйцевидной ракеты чем-то походили на людей, хотя и были покрупнее размерами.

В связи с обнаружением этой яйцеобразной реликвии у Максима возникло немало вопросов ещё до его обследования. Но главным был один: если планета, на которой он оказался (да и планета ли?), заселена, то почему разбитый аппарат так и остался лежать в районе падения? А изучив внутренний интерьер древней развалины, он сформулировал ещё один важный вопрос: не прилетела ли она с другой планеты на эту, где нет разумной жизни, а есть лишь один бесконечный лес?

На оба вопроса ответов у него не было.

Чужепланетная ракета удивила обилием прикреплённых к стенкам двух отсеков похожих на лошадиные крупы вместилищ. Многие из них оказались разбитыми и смятыми, в остальных обнаружилось множество цилиндров со сплюснутыми концами, которые, как оказалось, играли роль своеобразных упаковок и контейнеров. Вскрыв с десятков разных по размеру пакетов, Максим ознакомился с их содержимым.

Зернистые «пирог» и желеобразные пластины его не заинтересовали, поскольку, скорее всего, принадлежали к пищевым концентратам. А вот свёртки с самой настоящей одеждой и обувью обрадовали. Ему вдруг пришла в голову идея переодеться, если хозяин аппарата был похож на человека, а не мучиться в боевом камуфляже, таская на себе по местным буеракам кучу ненужных в суперстерильном лесу прибабасов.

Недолго думая, Максим снял костюм и начал примерять чужие наряды, вскрывая один пакет за другим. Несмотря на возраст самого аппарата (он наверняка пролежал в кратере не один год, а сделан был вообще сто лет назад по общему впечатлению), костюмы в пакетах, преимущественно свободного кроя, сохранились прекрасно.

Нашлись и на его размер: серые комбинезоны со стоячими воротниками и молнией-липучкой на груди, жёлтого цвета слаксы ниже колен, имеющие вместо ремня сжимающиеся кольчатые пояса, самая настоящая бейсболка с длинным козырьком (что говорило о наличии у пилота ракеты человеческой головы), тоже цвета тусклого золота, и нечто вроде куртки синего цвета с толстыми пузырьчатыми, как у пуховика, рукавами. Застёжек она не

имела, но стоило Максиму нацепить её, как куртка упруго сжалась вокруг торса, а её полы срослись так, что не стало видно ни шва, ни рубца. Он даже испугался, не придётся ли разрезать удивительный костюм. Однако стоило взяться за полы, чтобы попытаться разнять их, как с тихим треском они разошлись сами собой.

Максим невольно покрутил головой, отдавая должное изобретательности инопланетных портных.

Переодевшись таким образом (берцы решил не менять, они были крепкими и удобными и ноги не натирали), он задумался, не оставить ли боевой комбез в переднем отсеке аппарата. Африканские джунгли с их смертельными опасностями остались где-то далеко, а лес вокруг не таил никаких угроз, и оружие попаданцу было не нужно. К тому же он мог в любой момент вернуться сюда, поскольку убежище, судя по всему, было надёжным, раз к нему за всё время нахождения в кратере никто так и не приблизился.

Решение созрело окончательно.

Он осмотрел остальные «шкафы», найдя множество других банок, пакетов, контейнеров и каких-то непонятных деталей, похожих и не похожих на земные, но вскрывать все не стал. Успею, подумал, осмотрю, когда вернусь. А пока надо определяться окончательно, есть ли тут живые обитатели, умеющие мыслить и разговаривать.

Рюкзак решил не брать, так же как и жилет-разгрузку. Поколебался немного, но винтовку всё же оставил. Взял с собой только нож и мачете.

Выбравшись из кратера, склоны которого успели зарастить густой, но очень короткой травой, на обрыв, он вдруг заметил, что ближайших к месту падения аппарата растений, между которыми он прошёл, спускаясь, напоминающих молодые баобабы, на самом деле не пара, а по крайней мере больше двух десятков. Они располагались цепочкой вокруг кратера, повернув к нему лоснящиеся выпуклости «животов», и казалось, внимательно наблюдали за разбитым яйцом.

Максим вспомнил, что видел такие круги не раз, обнимавшие низменности с болотцами, хотя те «мангры» и были крупнее. Может быть, это какие-нибудь пожиратели гниющих остатков листьев и травы? Недаром же болота не пахнут, как выгребные ямы, не выглядят свалками мусора и гнилыми источниками комарья и прочих кусачих тварей.

Он подошёл к ближайшему «баобабу».

С виду он представлял собой гладкий лоснящийся пузырь розового цвета высотой в полтора метра и шириной «живота» до двух метров. Его кора была покрыта редкой сыпью выступов, похожих на берёзовые почки. Веток у него было всего три, выходящих из макушки пузыря и несущих пучок не то перьев синеватого цвета, не то листьев. А ещё он опирался на корни толщиной с ногу человека, напоминающие оплывшие слоновьи ноги. Они отходили от основания ствола на метр-два и углублялись в землю, исчезая под слоем травы. Причём все эти корни почему-то вырастали с одной стороны странного растения, а именно с той, что была обращена к кратеру.

Максим осмотрел ещё несколько «баобабов», удивляясь их типичности и похожести, словно они были выращены по одной технологии, но опасности они не представляли никакой, и он выбрался из зарослей «тростника», стеной окружавших кратер с «баобабами».

Солнце, сверкнувшее сквозь кроны деревьев, показалось ему бледнее и меньше по размерам, в отличие от того диска, который встретил его «утром».

Он выбрался на прогалину между «секвойями», пригляделся к дневному светилу и понял, что оно ушло на «север» далеко от того места, в каком майор застал его в момент пробуждения. Оно всё так же стояло высоко в синем небе, однако успело покинуть зенит и постепенно удалялось не за горизонт, а к горизонту, не клонясь к нему, как это делало земное светило. Очевидно, планета, на которую свёрзился попаданец, была намного больше Земли, несмотря на одинаковую силу тяжести, либо, – Максим невольно рассмеялся про себя, –

вообще не являлась шарообразным космическим телом. Возможно, она имела форму куба, а то и вовсе представляла собой бесконечную равнину. Где-то он читал о таких объектах, существующих, по мысли учёных, в глубинах Мультивселенной.

Гул больше не нарушал лесной тишины, но Максим запомнил направление, откуда прилетал звук, и направился в ту сторону, лавируя между великанами-«секвойями».

Звери по-прежнему не показывались человеку на глаза, исключая «белок» и «змееёжиков». Один раз мелькнула пятнистая «лань» с V-образными рожками, да в кустах показался на миг полосатый, с чёрной спинкой шестилапый «енот».

Зато встретился муравейник, возле которого Максим постоял в задумчивости несколько минут, наблюдая за деловой суетой муравьёв, больше напоминавших многоножек. Муравейник был высотой в рост баскетболиста, а в диаметре достигал не меньше трёх метров, эдакая зубчатая башня, сложенная из разного древесного материала. Но не его размер и формы привлекли внимание майора. Он заметил, что муравьи-многоножки ручьями окружили одно из деревьев «саксаульного» вида и роются в его корнях. И лишь спустя какое-то время понял, что они делают.

«Саксаул» с тысячью коленчатых голых ветвей, обвитый шпагатом фиолетового цвета лианы, засох! И муравьи чистили его, поедая лиану, точнее, откусывая фиолетовые крошки и унося их куда-то.

– Хитро! – пробормотал Максим, оценив изобретательность местной природы.

На его глазах лес демонстрировал, почему он такой чистый, светлый и ухоженный.

Ещё раз Максим убедился в своих выводах через полчаса, встретив на краю оврага упавшее дерево. Оно было наполовину источено чьими-то зубами, и смешные «ёжики» грызли его, превращая ствол в труху, деловито унося опилки и щепки, не обращая внимания на человека.

Мысль показалась очевидной: лес представлял собой развитую экологическую систему, превратившую его жителей в лесников и чистильщиков. Но тогда на первый план выходила проблема контакта с разумными обитателями мира. Поскольку разбитая ракета осталась нетронутой, а лес заботился о себе сам, можно было предположить, что встреча с инопланетянами попаданцу не светит. И что ему тогда остаётся делать? До конца жизни скитаться по лесу, ожидая, пока не прилетит кто-то ещё? Или попробовать подать сигнал с помощью рации в аппарате, если она уцелела? Но почему этого не сделал пилот? Рация таки повреждена?

Один из «ёжиков», щипавших дерево, отклонился от прежнего маршрута, наткнулся на Максима, поворочал бусинками глаз на усиках, потыкался носом в ботинок, попытался укусьить.

Максим отшвырнул его ногой, погрозил пальцем.

– Я тебе не трухлявое дерево!

«Ёжик» пискнул и припустил к своим копошащимся в гуде трухи собратьям, смешно перебирая лапками.

Издали прилетел щелчок, настороживший Максима. Звук был слишком похож на выстрел из карабина или винтовки, и расстояние до стрелка не превышало пяти километров.

В душе родилась надежда.

Наконец-то! Может, ему повезло, и не один он бродит по чудеснейшему из лесов, которому нет равных на Земле? Да хотя бы пилот разбившегося яйца! Какая разница?

Он проверил, легко ли вынимается нож из ножен, и рысцой устремился «искать друзей».

Глава 7

Сумасшедшая физика

Савельев не считал себя суеверным человеком и ни в какие привидения не верил. Однако от случившегося в Баире пахло мистикой, и отделаться от мысли, что в ситуацию вмешались именно «потусторонние» силы, он не мог.

Группа Вепря, побывавшая на месте происшествия спустя три часа, не обнаружила в районе реки Чуапы ни бойцов Реброва, ни членов экспедиции, ни местных жителей. Как доложил Вепрь – майор Пущин, в округе исчезли не только звери и птицы, но даже змеи, что не укладывалось ни в какие теории, кроме одной: всех захватили пришельцы с НЛО. К тому же и подтверждение нашлось: спутник засёк на берегу реки Чуапы электрическую бурю, перед тем как связь с группой Реброва оборвалась. Самых НЛО, однако, не зафиксировали ни российские, ни американские локационные станции. Странную сухую грозу отметили только спутники. Но это не помешало экспертам военных лабораторий, подключённым к решению проблемы, сделать окончательный вывод: на берег Чуапы высадился десант пришельцев, перебил группу Маугли (вряд ли бойцов спецназа удалось захватить врасплох, а так называемая сухая гроза на самом деле представляла собой момент боя), погрузил живых и мёртвых на борт НЛО и умчался в космос.

Когда Плащинин, в очередной раз собрав командиров подразделений ГРУ и экспертов, предложил им эту версию событий в качестве основной, возражать ему решил только Рошин. Учёный настаивал на необходимости проведения дополнительных исследований местности и учёта всех климатических, географических и погодных факторов в этом районе Африки. Идею десанта НЛО он не поддержал и остался при своём мнении, которое звучало так: проявилось неизвестное науке явление.

Тотчас же послышались голоса уфологов, предлагавших заменить НЛО открывшимся «иноселенским» порталом, в который и затянуло людей.

Разгорелся спор, закончившийся решением Плащинина ещё раз подумать над проблемой, собрать дополнительный материал и попытаться направить в Баир, добившись разрешения его властей (Совбез ООН, естественно, отказал России помочь в расследовании дела), группу исследователей с соответствующей аппаратурой.

Савельев, принимавший участие в совещании как основной докладчик (на месте происшествия дважды побывали его спецгруппы), вернулся к себе в кабинет в минорном настроении. С одной стороны, его вины в том, что произошло с группой Реброва, никакой не было. Утечки стратегически важной информации не произошло. Ни одна спецслужба мира не знала об участии российского спецназа в операции в Баире. Об этом же говорило и отсутствие претензий к России со стороны официальных лиц Госдепа США и НАТО. С другой стороны, ситуация напоминала анекдот с кражей серебряной ложки: впоследствии ложка нашлась, а осадочек остался, и к гостям, на которых упало подозрение, стали относиться настороженно. Именно по этому поводу и переживал Сергей Макарович, понимая, что у руководства «остался осадочек» – мысли об отсутствии компетенции командующего корпусом Сил специального назначения.

С час после встречи у Плащинина Савельев размышлял о мерах, предпринятых его ведомством для выяснения всех обстоятельств пропажи группы, ничего компрометирующего в своих приказах не нашёл и решил посоветоваться с приятелем.

Приятель – Егор Левонович Карапетян, доктор физико-математических наук, работал в Институте ядерных исследований РАН, был знаком с Савельевым с детства, и его иногда привлекали к участию в обдумывании некоторых проблем, решаемых ГРУ. В данном деле он

замешан не был, но совет мог дать дельный, и Сергей Макарович надеялся, что Карапетян посмотрит на проблему с другой стороны.

Встретились дома у полковника, в среду вечером.

Сначала посидели втроем: хозяин, хозяйка – жена Сергея Макаровича Елена Петровна, – и гость. Съели предложенное Еленой Петровной овощное рагу, побаловались зелёным чаем с творожной запеканкой, после чего полковник увёл гостя в свой кабинет.

– Ну, рассказывай, – сказал седобородый, с породистым лицом наследного графа Егор Леонович. – Я же вижу, что ты ёрзаешь на стуле, хочешь чем-то поделиться. Опять небось с твоими «летучими филинами» что-то стряслось?

– Угадал, – не принял шутивого тона Савельев, – стряслось.

Сжато рассказал приятелю всё, что знал сам.

Карапетян долго молчал, катая по столу карандаш, поглядывая то на хозяина, то на полку с полусотней слоников разного калибра: Савельев собирал статуэтки слонов, среди которых были и фарфоровые, и деревянные, и каменные – из яшмы и малахита, и металлические, и даже глиняные.

Наконец он не выдержал:

– Что молчишь как рыба об лёд? Давай, фантазируй.

– Только фантазировать и осталось, – усмехнулся в седые усы физик. – Мне бы посмотреть на замеры полей, излучений и материальные пробы. Или их никто не делал?

– Не было времени брать пробы, мы там были на птичьих правах, никаких замеров, разумеется, не делали и проб не брали.

– Но там сейчас, по твоим словам, работает комиссия Совбеза ООН.

– Наших специалистов в неё не включили.

– Плохо.

– Я попробую договориться кое с кем из федералов, чтобы они послали своих людей, но на это потребуется время. Скажи хотя бы, что ты об этом думаешь. Неужели и вправду НЛЮ?

– Ловушка судьбы, – хмыкнул Егор Леонович.

– Что?

– Тебе не понравится моя версия.

– А ты постарайся, чтобы понравилась.

– Что-нибудь слышал о М-теории?

Сергей Макарович выпятил губы, наморщил лоб.

– Что-то связанное с физикой струн...

– Одномерные объекты или суперструны входят в М-теорию как частный случай общей концепции бран.

– Бран? Честно говоря, никогда особо не интересовался физикой.

– М-теория оперирует бранами, то есть многомерными объектами, среди которых есть и нуль-браны – точечные объекты, и одномерные – струны, двумерные – плоскости, и так далее.

– При чём тут браны? Речь идёт о Баире...

– Наша Вселенная считается 3-браной, так как имеет три развёрнутых измерения, эволюционирующих во времени. Но в Мультивселенной бесконечное количество других «мелких» вселенных наподобие нашей с разным набором измерений. Есть и 4-браны, и 5, и 11-браны, и тому подобное.

– Откуда это известно?

– Так утверждает М-теория.

– А-а... то есть никому ни хрена не известно, а все эти разговоры о других вселенных – досужие вымыслы теоретиков.

Карапетян засмеялся.

– Я смотрю, ты не любишь теоретиков.

– Я практик. К чему ты завёл разговор об М-теории?

– Поскольку вселенных типа нашей в Мультиверсе бесконечно много, они могут сталкиваться друг с другом. Астрофизики недавно обнаружили след такого столкновения в нашей Вселенной, так называемый Большой Аттрактор.

– И что?

Егор Леонович посерьёзней.

– Я думаю, что происшествие в Баире можно объяснить с позиций столкновения нашей Вселенной с какой-то другой.

Сергей Макарович разочарованно отмахнулся.

– Да ладно, ни в какие ворота не лезет твоя версия. Это какая-то сумасшедшая физика. Если бы вселенные, эти твои браны, столкнулись, от Земли не осталось бы и камешка!

– Столкновения бывают разные, особенно если браны имеют разное количество мерностей. Если столкнувшаяся с нашей каким-нибудь «углом» вселенная является 4-браной или развёрнута в пяти и более измерениях, столкновение вполне могло произойти типа рикошета с прорывом каких-то её измерений в наш мир, а наших – в её. В результате кусочек нашего пространства мог быть захвачен континуумом соседки.

Сергей Макарович впал в ступор, молча глядя на приятеля.

Тот с извиняющейся улыбкой развёл руками.

– Теоретически такое возможно.

– И где теперь мои ребята? – сипло выговорил Савельев.

– Не знаю, – виновато ответил гость.

Глава 8

Утро вечера мудренее

Вечер наступил внезапно, будто светило нырнуло к горизонту, собираясь скрыться за бугром планеты. При этом оно ни капли не опустилось вниз, просто отдалилось на тысячи километров от попаданца и превратилось в слабое размытое пятно света размером с половину земной Луны. Максим, взобравшись на попавшийся на пути холм, долго смотрел на эту «луну», ища подходящие случаи из своего жизненного опыта, потом смертельно захотел спать и отложил анализ местной природы на утро, если оно, конечно, существовало в этом мире.

Сначала пришла идея вернуться к «базе», каковой стал разбитый ракетный аппарат неизвестной принадлежности. Но возвращаться не хотелось, ни физических, ни моральных сил не осталось, погода стояла великолепная, хищных особей и кусачих насекомых по-прежнему не наблюдалось, и Максим решил заночевать там, куда ляжет взгляд.

Ему не впервой приходилось сооружать ночлег в условиях, далёких от комфортных. В сельве Бразилии группа майора использовала свисающие к земле густые ветви деревьев, обвязывая их лианами и приспособившая получившийся шатёр в качестве шалаша.

На северных островах России, за Полярным кругом, не имевших поселений, ночлег сооружали из снежных блоков. Крыша такого убежища тоже делалась из блоков, опиравшихся на установленные с наклоном стены и вырезанных в форме клиньев.

В сибирской тайге группа укрывалась в двускатных шалашах, сложенных из срезанных тонкоствольных деревьев и накрытых кустарником и травой.

В болотах Украины временное укрытие делалось из связанных вместе ивовых кустов, которые также накрывались ветками кустарника, тростником и травой.

В пустынных местах, в Ираке и Ливии, приходилось пользоваться специальными плащ-накидками, маскируясь под песчаные холмы.

В горах в дело шли каменные карнизы с козырьками, обломочный материал, а если повежёт – группа пряталась в нишах или в пещерах.

Но в этом лесу можно было не опасаться нападения хищных животных, змей и насекомых, поэтому Максим нашёл болотце, окружённое многоходульными «манграми», нарубил с помощью мачете «тростника», уложил ветки слоем под одним из многоножек со стволом, изогнутым чуть ли не параллельно земле, забросал ветки листьями и получил достаточно мягкую и удобную, даже ещё и вкусно пахнущую постель.

Единственный неприятный момент он пережил, когда рубил кустарник: показалось, что лес вокруг насторожился, перестал изучать дружелюбие и посмотрел на него неодобрительно, «сдвинув брови». Длилось это ощущение недолго, но Максим перестал расчищать заросли, устраивая себе уголок отдыха, и взгляд леса растаял.

Надо будет проверить, подумал Максим, растягиваясь на ложе из листьев, лес в самом деле реагирует на моё поведение или это просто сказывается усталость. И если он так тревожится из-за рубки травы и кустов, то что произойдёт, если свалить крупное дерево?

Вторая мысль тоже несла практический смысл: сколько здесь длится ночь? Может быть, солнце теперь вернётся только через полгода?

С этим он и уснул, чувствуя гудение всех мышц тела. По его расчётам, с момента падения на лес прошло не меньше четырнадцати часов.

Разбудило Реброва мокрое прикосновение к щеке.

Максим давно научился просыпаться незаметно для окружающих, оставаясь совершенно неподвижным. Вот и сейчас он даже не пошевелился и не открыл глаза, прислушиваясь к тишине вокруг.

Влажное прикосновение повторилось, теперь уже к уху, лёгкое, осторожное, будто кожу лизнул язычок мышки.

Максим приоткрыл глаз, оставаясь лежать в той же позе, увидел рядом с собой яркое пятно и невольно отодвинул голову.

Бабочка (а это была бабочка с огромными, в две ладони, крыльями), сидевшая рядом на изголовье импровизированной постели, убрала хоботок и взлетела, исчезая за частоколом «ног мангра».

– Спасибо, что разбудила, – пробормотал Максим ей вслед, удивляясь своему спокойствию. Будь он на Земле, реакция была бы другой, да и условия были бы другими. Уснуть в земном лесу в таком же положении не удалось бы, а если бы и удалось, проснуться он мог от укуса либо змеи, либо ядовитого паука.

Сел под стволом дерева, гладкая кора которого имела цвет асфальта. Заметил, что вокруг стало светлее. Глянул на часы: проспал восемь часов как младенец! М-да... и уже светает? Значит, ночи здесь не длинные, как в Заполярье?

Передёрнул плечами, выбрался из-под дерева, размялся, чувствуя, как по жилам бодрее побежала кровь. Подкрепился остатками галет, запив водой из фляги, попытался интуитивно оценить состояние леса. Снова показалось, что лес посмотрел на него, теперь уже с ожиданием.

Интересно, может, ты и разговаривать умеешь? Хотя бы мысленно?

Голову пронзил лёгкий холодный ветерок, насыщенный запахами снега и льда, которых здесь не было и не могло быть.

Замерший Максим прислушался к себе, понимая, что лес и в самом деле ответил. Только мысленным этот ответ назвать было нельзя, скорее – чувственным, тонко-полевым. Но всё равно это был ответ. Причём ответ скорее на грани сомнений и недоверия, чем доброжелательный и одобрительный.

– Я понял, – пробормотал Максим. – Постараюсь быть послушным мальчиком.

Сориентировался по солнцу – судя по всему, оно сделало круг и теперь возвращалось, знаменуя начало дня в этом мире, – и двинулся в путь. Заблудиться не боялся, здешний лес не был столь густым и непроходимым, как земные джунгли, и давал множество ориентиров.

Потянуло свежестью.

Максим понял, что приближается к реке, которая сделала петлю и свернула в ту же сторону, куда шагал и он. Подумав, решил двигаться вдоль её берега до тех пор, пока она снова не свернёт в сторону.

Лес стал больше походить на смешанный средней полосы России. В нём появились «берёзовые» и «кленовые» рощи, стало больше низин, окружённых не «манграми», а густолиственными «ивами» с шарообразными кронами.

Ради любопытства Максим свернул к такой низинке и обнаружил в поясе негустой травы целые заросли грибов. Больше всего они походили на земные дождевики размером с голову человека и больше, только были не белого или серого, а зеленоватого цвета, все в пупырышках и с выступом на макушке, напоминающим хоботок. Пахли «дождевики» вполне съедобно, приятно.

Он хотел было срезать один «дождевик», чтобы посмотреть, каков он внутри, даже за рукоять мачете взялся, но вспомнил «голос» леса, недовольного агрессивностью попаданца, и трогать гриб не решился. Хотя подумал, что ему ещё придётся заняться сбором грибов по мере расходования запасов земной еды.

Послышалось тихое многострунное жужжание.

Он выбрался из «берёзовой» рощи и увидел пролетающий мимо, в метре над землёй, длинный, не менее десяти метров, хвост насекомых. Это были самые настоящие пчёлы, полосатые, жёлто-чёрные, размером с палец, но с четырьмя крыльями, как у стрекозы. На человека этот отряд не обратил никакого внимания, сосредоточившись на не слишком быстром полёте,

явно имея какую-то цель. Отряд можно было сравнить с разведывательно-диверсионной группой, выполнявшей ответственное задание и не отвлекавшейся на посторонние объекты.

Максим усмехнулся, оценив сравнение, проводил рой странных пчёл взглядом и направился следом. Стало любопытно, куда он летит с такой сосредоточенностью.

Цель роя оказалась прозаичной.

Преодолев примерно один километр, майор вышел к роще цветущих деревьев (ну, прямо-таки сакура, ей-богу!) и увидел, как пчелиный рой рассосался по веткам, усыпанным крупными розово-белыми цветами, прогнав лакомящихся нектаром бабочек. По-видимому, главными опылителями местной флоры эти пчёлы и бабочки и являлись, за неимением птиц и других насекомых.

Мелькнула мысль, что он мог просто не увидеть других летунов, так как не обследовал большую территорию.

А поскольку полян в лесу встречалось мало, цветущие поля и луга вообще отсутствовали, то питаться нектаром пчёлы могли только с деревьев. Максим даже подумал о разумной направленности пчелиного рейда, уж слишком целеустремлённо они летели, не обращая внимания на окружающую действительность. Интересно, кто в таком случае командует парадом? Неужели местный хозяин? Кто он по виду? Где заседает? Какой-нибудь кластер насекомых? Пчелиная матка? Кто-нибудь посерьёзнее?

Голову пронзил почти неслышимый гул.

Максим повертел головой, определяя направление звука, и сообразил, что он доносится со всех сторон. Возможно, это в самом деле был ослабленный расстоянием звук, порождённый подземными процессами этого мира, но Максиму показалось, что лес услышал его мысль и ответил на своём языке. Главным хозяином здесь являлся он.

Майор обошёл рощу «сакуры» и слева от неё, за стеной других деревьев, увидел возвышающуюся над всеми растениями тёмно-зелёную округлую гору. Сначала подумал, что наткнулся на башнеобразный холм, поросший травой, куполом нависший над лесом. Но по мере приближения к нему в очертаниях холма стали проявляться более мелкие детали, и уже выходя на опушку леса, обозначавшую распаивающуюся поляну, полого понижавшуюся к центру, понял, что холм на самом деле представляет собой дерево.

Он остановился, сдерживая восхищение.

Это было Дерево с большой буквы! Не секвойя и не эвкалипт с их колоновидными стволами. Его скорее можно было сравнить с дубом – по узловатому в основании стволу диаметром не менее восьмидесяти метров, по мощной массе ветвей, образующих гигантский купол кроны, уходящей в небеса метров на двести, по ощущению величия и дремлющей силы, какое всегда у людей вызывали земные дубы. Он молча взирал на лес, как полководец на своё войско, и лес так же молча, с подчёркнутым уважением и готовностью служить, смотрел на властелина.

Вспомнилась сейва – дерево аборигенов из фильма «Аватар». Не родственница, часом, этому «дубу»?

– Привет! – хрипло пробормотал Максим, вытирая вспотевшие ладони о штаны. – Ты здесь главный?

«Дуб» не ответил. Вполне возможно, он даже не заметил человека, думая какую-то глобальную вековую думу.

Подождав немного, Максим двинулся к дереву, всё больше ощущая стеснение в груди, будто приближался к бездонной пропасти, готовой поглотить его как песчинку.

Через голову снова протёк холодный ручеёк: лес не одобрял любопытства попаданца. В конце концов, не дойдя до ствола метров двадцать, Максим вынужден был остановиться, чувствуя, как колотится сердце. Что-то возбуждало его, мешало идти, словно невидимая стена упёрлась в грудь и оказывала всё большее сопротивление.

– Я иду с миром, – выговорил Максим, для наглядности вытягивая над головой пустые руки. – Познакомиться хочу.

Дуб передёрнул ветвями вверху, где-то высоко в небесах, и на землю со стуком посыпались жёлуди.

Вернее, так сначала показалось Максиму. Но эти жёлуди, каждый величиной с нехилую мышку, внезапно обрели подвижность и с отчётливым шорохом поползли к человеку, словно тоже хотели познакомиться поближе.

Максим застыл в нерешительности, не зная, что делать. С одной стороны, он не представлял возможностей здешних инсектов, вполне способных защищаться ядами неизвестной этимологии. С другой – всё поведение лесных обитателей до сих пор говорило об отсутствии у них враждебных намерений. Тем более что среди них не было самых неприятных земных видов: гнуса, мошки, москитов и комаров. И он остался на месте, решив проверить, что будет дальше.

«Жёлуди» оказались многолапыми жуками, обладавшими приличной длины – до десяти сантиметров – зубчатыми рогами, по одному на голову. Этим они здорово напоминали земных жуков-геркулесов и носорогов. Их было много, не меньше сотни, что превращало эту массу в самое настоящее войско. Что они делали на «дубе», понять было нельзя (вряд ли питались его листвой, дерево не потерпело бы), и в голову невольно пришла мысль, что жуки являются защитниками дерева. Уж очень угрожающе гиганты шевелили своими рогами. Один из «геркулесов» добрался до мыса ботинка, потыкал в него рогом, застыл, приподняв зад.

– Но-но, – сказал Максим, размышляя, не отбросить ли назойливого роконосца ногой. – Кусаться не надо, я тебе не враг. Скажи своему боссу, что я не причину ему вреда.

Жук ещё раз ткнул рогом в носок берца.

Максим убрал ногу.

Остальные жуки придвинулись ближе, выставив внушительные рога. Настроены они были решительно.

Максим посмотрел на ствол гиганта.

– Отзови своих защитников, дружище. Я тебе не опасен.

Тихий гул прошёл через голову.

Снова показалось, что на него смотрит множество глаз, а земля под ногами шевелится, как живая, будто из неё начинают вылезать корни дерева.

Максим отступил, сдерживая крепкое словцо. Он был чужаком, нарушающим экологическую стабильность ареала, говоря научным языком, и лес давал понять, что человек должен подчиняться его правилам.

Рука соскользнула с рукояти мачете.

Жуки-великаны остановились. Не стадо – отряд!

Максим помахал рукой гигантскому дереву, кора которого, ромбовидно иссечённая, отливала тусклым золотом.

– Будь здоров, владыка. Надеюсь, мы подружимся.

Оглядываясь, он побрёл вверх по склону котловины, в центре которой обосновался «дуб». В голову пришла мысль, что вес этой махины должен быть величиной в тысячи тонн, и земля под ним прогнулась под тяжестью исполина, образуя низину. Такого гиганта должны были поддерживать не менее мощные корни. Приглядевшись, он даже увидел места, где они выступали из-под почвы, образуя своеобразные верхушки трубопроводов наподобие вен на руке человека. Деревья и кустарник под сенью гигантской кроны не росли, даже трава была короткая и негустая, не скрывая неровностей почвы. И всё это говорило о том, что «дуб» рос в этом месте много-много лет, пока не достиг исполинских размеров, и врагов у него – птиц, зверей, насекомых и человека (самого страшного врага) – не было.

– Владыка! – пробормотал Максим.

Издали прилетела очередь щелчков, похожая на автоматную.

Максим напрягся, вслушиваясь. Стреляли не слишком далеко, всего в паре километров. А это означало, что вчерашний щелчок, который он услышал вечером, тоже был выстрелом. Дьявол! Всё-таки здесь есть люди? Или, по крайней мере, те, кто имеет оружие? Не пилот ли разбитого яйцевидного корыта, который действительно уцелел и теперь охотится на местную фауну, чтобы прокормиться? На тех же «косуль», одна из которых попала на глаза.

Глядеть в оба, майор! Хватит прохлаждаться, возвращаемся к привычному образу жизни. Организм послушно восстановил боевой режим.

Максим перестал обращать внимание на красоты лесного ландшафта с его «секвойе-эвкалиптовой» колоннадой. Зрение раздвинуло диапазон охвата мелких деталей пейзажа и незаметных ранее движений, не нарушавших величественный покой леса. Психика сосредоточилась на выявлении опасных тенденций в этом движении и на поиске необычных процессов.

Стали отчётливее слышны шорохи листвы, скрип коры деревьев, шелест кустарника, возня «белок», «змееёжиков» и ещё не выявленной живой мелочи в траве.

Максим превратился в боевую машину, готовую отреагировать на любую угрозу, на взгляд в спину, на дрожь паутины между кустами и на изменение запаха.

Взгляд...

Он невольно оглянулся.

«Дуб» смотрел на него, так же оценивающе и подозрительно, как весь лес иногда, хотя в этом безглазом взгляде растительного великана появились и дополнительные нотки. Показалось, что в этом взгляде присутствуют не только сомнения, но и странная надежда, хотя причина её и осталась непонятной. В ответ захотелось сказать что-то ободряющее, красивое, значительное, соответствующее ситуации, типа – «не подведу!». Но говорить ничего не потребовалось, голову просквозило холодным ветерком, и стало ясно, что «дуб» его понял. Что рождало иную надежду – на продолжение общения.

«Я вернусь!» – мысленно пообещал майор, устремляясь в глубины леса.

Через полчаса бесшумного бега он выбрался к реке и приостановился, заметив, что она делает петлю диаметром в несколько сотен метров и очерчивает своеобразный полуостров, почти свободный от деревьев. Перешеек длиной метров двести зарос негустым кустарником и «тростником», а перед этим частоколом росли знакомые «баобабы», точно такие же, какие окружали кратер с разбитым яйцевидным аппаратом. Только эти «баобабы» были совсем маленькие, величиной с бочку, но и они образовывали целую шеренгу растений, как бы отгораживая полуостров от остального леса.

Но не это привлекло внимание Максима. Над купой деревьев он увидел сначала зеленоватый металлический горб с повисшими лопастями (вертолёт!), а затем людей.

Послышался треск, кусты зашевелились, и в просветах появились двое мужчин в камуфляже, вооружённые винтовками, с мачете в руках. Африканцы. Живые и здоровые, словно только что прилетели сюда из Африки на вертолёте. Один был худой и высокий, комбинезон болтался на нём как на вешалке. Второй был на голову ниже и вдвое шире, плотного сложения, с расплюснутым до безобразия носом и каким-то красным шевроном на рукаве. Оба держали в руках американские М-16 и мачете. Они прорубили в «тростнике» проход, остановились перед одним из «баобабов», из макушки которого торчали три пучка серо-коричневых листьев.

Приземистый что-то проговорил. Его жердеобразный спутник заржал, с силой пнул «баобаб», прodelывая в его опухолевидном стволе пролом, из которого брызнула не жидкость, а струйка белого пара.

Африканцы оглядели опушку леса, не заметив Максима, успевшего спрятаться за стволом «клёна», и направились к излучине реки, помахивая мачете. При этом они то и дело сшибали попадавшиеся на пути головки-свечки «рогоза», практически не отличимого от болотных растений на Земле, ошибочно называемых камышом. В этом не было никакой нужды, «камыш» не мешал африканцам двигаться, но, судя по всему, их просто забавлял процесс

рубки чёрно-желтых «голов» «рогоза», равно как и рубка всего, что попадалось под руку. Один раз высокий даже рубанул по тонкому стволу «берёзки», тихо упавшему в траву. При этом Максиму показалось, что «берёзка» издала слабый вскрик, хотя, скорее всего, это было только эмоциональное ощущение, покоробившее душу майора.

Проследив за движением обоих негров, он решил выяснить, кто ещё расположился на полуострове возле вертолётки. Оттуда изредка доносились голоса, треск, металлические скрипы и звон.

Стало окончательно ясно, что не только Максима перенесло в мир большого леса, но и боевиков, захвативших в Баире археологов, и покровителей банды, прилетевших к ним на вертолётке. В связи с этим у Максима родилась надежда на встречу со своими бойцами, пусть даже их и разбросало по округе при перемещении в иное измерение.

Он пожалел, что оставил рацию вместе с костюмом в разбитом «яйце». Можно было ожидать, что пришедшие в себя бойцы (дай бог, чтобы все остались живы!) начнут вызывать командира.

Тенью перебежав открытое место к перешейку, он протиснулся сквозь стену «тростника» и в привычном ритме пересёк половину расстояния до центра полуострова, оставаясь невидимым и неслышимым для его обитателей. Засел в кустах, вглядываясь в просветы между раскидистыми «ивами», образующими шарообразные кроны зеленовато-жёлтого цвета.

Вертолёт полностью всё ещё не был виден, зато в поле зрения появилась корма катера, наполовину вытасченного на берег.

Чуть выше катера возвышалась палатка, а рядом стояли два шалаша, срубленные из «ивовых» стволов и кустарника. Перед палаткой дымил костёр, над которым один из негров поворачивал металлический прут с нанизанной на него, как на вертел, тушей небольшого животного. Ветерок принёс запахи горелого мяса и обуглившейся шерсти.

Из палатки выбрался ещё один африканец, настоящий гигант двухметрового роста, обладавший широченными плечами. В руке он держал нечто вроде термоса. Подойдя к негрупповарю, он брызнул на тушу (судя по копытцам, это была либо косуля, либо небольшой оленёнок) из термоса. Костёр зашипел, покрываясь дымками. Очевидно, в термосе был спирт или какой-то алкогольный напиток.

Ещё один африканец вылез из шалаша, продирая глаза, что-то проворчал.

Ему кинули термос.

Так как больше никого возле стоянки африканцев не было видно, Максим сместился левее, к вертолётке, рассчитывая увидеть археологов. Но и возле вертолётки никого, кроме двух негров и белого (очевидно, пилота), не было. Все трое возились под хвостовым пилоном воздушной машины, занимаясь его ремонтом.

Только теперь Максим обратил внимание на многочисленные невысокие, в полметра высотой, холмики свежей земли, разбросанные по всей поляне. Выглядели они кротовыми кучами, только диаметр холмиков был не меньше двух метров, а некоторые достигали и десяти.

Он ужом скользнул к катеру, раздвинул траву и увидел на берегу, рядом с грудой растерзанных ящичков, девушку в жёлто-коричневом полевом костюме. Она сидела на бугорке, обняв колени, и безучастно смотрела на воду.

Сердце прыгнуло в груди.

Максим узнал незнакомку: это была Вероника Соловьёва, племянница президента, цель группы, заброшенной в Баир для спасения российских специалистов из рук боевиков «Союза освобождения Африки».

Из небольшой рубки катера выглянул парень в камуфляже, смуглолицый и бородатый, скорее всего, араб или какой-нибудь метис, крикнул что-то девушке.

Она не ответила.

Парень закричал громче, ломая слова английского языка.

Максим понял, что боевик требует, чтобы пленница поднялась на борт катера.

Видя, что на его крик реакции не последовало, араб выругался, спрыгнул на песок, побежал к девушке и грубым рывком за плечо поставил её на ноги.

В груди похолодело: первой мыслью Максима было метнуть нож, схватить девушку и попытаться убежать. Но эту идею он усилием воли отогнал. Далеко убежать он бы не смог, да и других пленников не смог бы освободить. Надо было действовать иначе, подождать ночи и лишь потом атаковать. А пока что оставалось сидеть тихо и вести разведку. Спокойно, майор, ещё не вечер, они тут, очевидно, чувствуют себя в безопасности, этим и воспользуемся.

Максим дождался, пока африканец уведёт девушку в трюм катера, и пробрался к катеру с другой стороны.

На реку никто из хозяев катера не смотрел. Можно было просто нырнуть в воду и спокойно уплыть...

Глава 9

Браной по бране

Начальник 4-го Управления ГРУ генерал-лейтенант Скорь слыл человеком жёстким и решительным, но даже он побаивался командующего ГРУ генерал-полковника Колесниченко, способного одним взглядом осадить оппонента. При этом Колесниченко выглядел мягким интеллигентом, лицо генерала всегда было чисто выбрито, а глаза смотрели на людей с выражением бесконечного терпения и добродушия. Кроме тех моментов, когда он вынужден был смотреть иначе.

Вот и сейчас, вызвав начальника 4-го Управления, он ничем не показал своего недовольства, оставаясь до поры до времени застенчиво-вежливым и приветливым. Но взгляд его бледно-голубых глаз был таким конкретным, что Скорь поёжился и встал чуть ли не по стойке «смирно».

– Товарищ генерал-полковник...

– Садитесь, Геннадий Дмитриевич, – кивнул на стулья хозяин кабинета. – Не до церемоний. Есть новости?

Скорь кое-как уместился за небольшим столиком.

– Наши спецы... то есть парни федералов, попавшие в состав комиссии Совбеза, обследовали местность в районе высадки ДРГ, но ничего интересного не обнаружили, кроме разве что двух десятков странных ям в земле, происхождение которых неизвестно.

– Это всё?

Скорь помолчал.

– Радиации нет, других следов тоже нет, от лагеря археологов остались две палатки... эксперты пришли к единому мнению: высадка десанта НЛО.

Колесниченко усмехнулся.

– Значит, мне так и доложить президенту? Мол, ваша племянница захвачена инопланетянами?

Геннадий Дмитриевич сжал каменные губы.

– Есть другое мнение... но оно не менее фантастично.

– Чьё?

– Полковник Савельев поделился информацией с физиком из Курчатówki, Карапетяном...

– Он имел на это право?

Скорь поколебался несколько мгновений.

– В принципе я дал задание разобраться... Сергей Макарович проявил инициативу.

– Вы понимаете, что произойдёт, если слухи о нашей операции в Баире станут достоянием общественности?

– Не станут, – боднул воздух мощным лбом Скорь. – Карапетян привлекался нами для консультаций в операциях по полигонам как спец по ядерным процессам. Савельев за него поручился.

Колесниченко пожевал губами, разглядывая глыбистое лицо начальника 4-го Управления, но продолжать упрекать генерала не стал.

– Что говорит этот ваш... специалист?

– Я вызвал его на всякий случай, он ждёт в моей приёмной вместе с Савельевым.

Директор ГРУ качнул головой.

– Предусмотрительно, Геннадий Дмитриевич. Что ж, в таком случае пригласите обоих ко мне.

Скорь достал айфон, коснулся панельки пальцем, сказал негромко:

– Паша, пригласи ждущую меня пару в кабинет Виктора Афанасьевича.

Полковник Савельев и его спутник вошли в кабинет через три минуты. Командующий корпусом ССН выглядел бесстрастным, седой физик из Курчатовского института казался смущённым, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Их усадили за стол напротив Скоря. Колесниченко оглядел обоих визитёров, сказал тихим интеллигентным голосом:

– Надеюсь, товарищи, вы понимаете, в каком положении мы оказались? Где гарантии, что утечки секретной информации не произойдёт?

Савельев побагровел, но глаз не опустил.

– Егор Леонович предупреждён об уровне секретности.

– Хорошо, позже поговорим об этом. Егор... э-э...

– Леонович.

– Егор Леонович, слушаю вас. Что за идея пришла вам в голову?

Карапетян с ещё большим смущением пощипал седые усы, покосился на Савельева, поёрзал.

– Мы говорили о возможном взаимодействии бран...

– Простите? Бран?

– Это физический термин, – сказал Скорь. – Сокращение слова «мембрана». Нужно небольшое вступление.

– Хорошо, готов выслушать ваше вступление.

Физик приободрился и заговорил об М-теории, оперирующей объектами многомерных пространств и суперструн, являвшихся двумерными континуумами. Закончил он свою лекцию словами:

– По имеющимся косвенным данным, я прикинул характеристики браны, столкнувшейся с нашей в районе Баира. Они весьма экзотичны.

– Но ведь прямых данных мы не получили.

– Я говорил о косвенных. В момент исчезновения группы в этом районе зафиксирована необычная электрическая буря, выглядевшая из космоса, с орбиты, как частокол воздушных столбов, пронизанных молниями. Думаю, именно они и оставили странные ямы в земле на берегу реки Чуапы. Кроме того, бортовыми датчиками спутника отмечена повышенная ионизация воздуха в месте расположения лагеря археологов. Поскольку исчезли не только люди, но и катер, и вертолёт, корабль пришельцев, – Карапетян сморщился, – или НЛО, должны быть очень большими, а спутник не засёк ни одного объекта в воздухе. Кроме того, пришельцы не заинтересовались развалинами древнего храма в сотне метров от лагеря, где обнаружены ценные артефакты. Их и не было, пришельцев. Столбы же представляли собой эффект столкновения бран: чужая углом, так сказать, врезалась в нашу и отскочила, попутно захватив членов экспедиции и группу спецназа. По моим прикидкам, эта брана имеет нецелочисленное количество измерений, а именно – три и четырнадцать сотых.

– Число «пи», – хмуро сказал Скорь.

– Число «пи»? – приподнял брови Колесниченко. – Количество измерений равно...

– Три и четырнадцать сотых.

– Как это может быть? И почему вы решили, что чужая брана имеет нецелочисленное количество измерений?

Карапетян смутился.

– Это всего лишь моё предположение. Чтобы последствия удара были такими, какие остались, столкнувшаяся с нашей Метавселенная-брана должна иметь именно такую мерность.

– Спорить с наукой не берусь. Но почему чужая брана врезалась углом, как вы говорите, в Землю? Да ещё в одном месте – в Африке? Ведь эта ваша брана – целая Вселенная, разве не

так? Если уж столкновение галактик приводит к звёздным катастрофам и появлению чёрных дыр, то столкновение вселенных должно порождать гораздо более масштабную катастрофу.

Карапетян вопросительно посмотрел на Савельева.

Полковник дёрнул плечом, как бы поддерживая учёного.

Колесниченко понял причину замешательства физика, сказал с добродушной усмешкой:

– Не переживайте по поводу нашей компетенции, Егор Леонович. Нам тоже приходится знакомиться с научной литературой, времена такие, тем более космос становится ареной сражений спецслужб.

Физик приободрился.

– Другая Мета вселенная, она же брана, может находиться от нашей буквально в миллиметре, образно говоря, но не взаимодействовать с ней вследствие разной мерности и разного набора констант и физических законов.

– С какой стати им сталкиваться?

Карапетян развёл руками.

– Мы живём в континууме квантовых флуктуаций, товарищ генерал. Теория допускает такие эффекты. Браны сталкиваются на квантовом уровне и прежде всего измерениями, я сказал – «углом» – образно. А вот последствия могут быть реализованы материально. Что-то от нас переходит в другой мир, что-то от него к нам. Кстати, такие прорывы уже были, если принять во внимание статистику странных пропаж людей и материальных объектов.

Колесниченко поморщился.

– Но ведь это недоказуемо. Вы повторяете гипотезы уфологов, уверенных в правильности своих концепций.

Карапетян потерял усика.

– Извините, доказать мою версию действительно трудно. Но ведь и версия уфологов небезупречна? Да и других версий нет.

Скорь хмыкнул.

Колесниченко перевёл взгляд на него.

– Хотите что-то добавить, Геннадий Дмитриевич?

– Только одно, – сказал начальник 4-го Управления. – Если Егор Леонович прав, мы потеряли людей. Едва ли та брана, – генерал скривил губы, – вернётся после отскока и сбросит их обратно. Боюсь, мы не можем на это рассчитывать. Хотя поиски продолжим.

Колесниченко откинулся на спинку кресла, поправил галстук, проговорил с разочарованием:

– Президент ждёт реальных объяснений. А у нас только сугубо теоретические предположения: НЛО, пришельцы, удар браной по бране... и вера в бойцов. Так?

– Я могу ошибаться... – сказал Карапетян.

– Будем работать! – угрюмо пообещал Скорь.

Глава 10

Побег

Он просидел в засаде два часа, наблюдая за действиями африканцев и пилотов американской «вертушки», пока не сосчитал точное количество «борцов за свободу Африки» и определил местоположение членов экспедиции, захваченных «борцами».

Археологов держали в трюме катера, и сколько там их было, выяснить не удалось. Но катер был военный, его размеры не позволяли иметь на борту достаточно большие помещения. И в трюме, и кубриках судна едва ли поместилось бы больше пятнадцати человек. То есть пленники должны были набиться туда как кильки в консервной банке. Хотя зачем надо было загонять их в трюм, Максим не понял. Убежать они не могли (да и куда?). Очевидно, боевики СОА просто решили не отвлекаться на охрану пленников, занятые своими делами.

Впрочем, вели они себя абсолютно беззаботно, даже безбашенно, словно находились на курорте. Охранения не предусмотрели, часового не поставили, занимались охотой (Максим видел, как пара «камуфляжей» притащила к лагерю с десятков «ёжиков») и развлекались стрельбой по «белкам» и сшибанием мачете головок «камышаша».

Американские пилоты, единственные белые среди этой чёрно-смуглой компании, в развлечениях коллег участия не принимали, чинили вертолёт, но изредка позволяли себе включать музыку в пилотской кабине и купались в реке, поверив, что ничего хищного в ней не водится.

Веронику Соловьёву Максим увидел ещё раз, когда её вместе с тремя другими женщинами разного возраста вывели из трюма и разрешили сходить «в кустики». При этом африканцы со смехом хватили пленниц за руки, прижимали к себе, мяли груди, щипали за мягкие места и даже пытались целовать.

Пленницы отбивались, и Максиму не раз хотелось выскочить из убежища и расправиться с насильниками, хотя начинать войну ещё было рано.

Выводили женщин «из кустиков» тем же манером, с хохотом лапая их, пытаясь поцеловать или ущипнуть. Вероника из всех пленниц была самая красивая: яркая, стройная, полногубая блондинка с водопадом платиновых волос ниже плеч, с большими серыми лучистыми глазами, – и ей «ухаживаний» доставалось больше всех.

Внезапно потемнело.

Максим поднял голову.

Солнце, повисшее над рекой, закрыла пелена туч. Впечатление было такое, будто их за несколько секунд согнали в одно место мощные вентиляторы.

Женщины вырвались из рук боевиков СОА, обративших внимание на небо, скрылись в трюме катера.

Максим тоже оценил намерения туч, обещавших близкое изменение погоды. И в этот момент пошёл дождь.

Впрочем, не просто дождь. Грянул настоящий ливень, словно в небесах открылся гигантский люк, и на землю обрушился водопад, сузивший видимость до одного метра.

Африканцы бросились под защиту шалашей, палатки и катера. Пилоты кинулись в кабину вертолёта. Один Максим остался на месте, так как бежать ему было некуда, и промок до нитки за пару мгновений.

Однако длился ливень недолго, буквально три минуты, и прекратился так же внезапно, как начался. Тучи почти мгновенно разошлись, подхваченные ветром, солнце засияло вновь, и в лес вернулась летняя благодать, напоённая свежестью и тысячами запахов, среди которых не было ни одного неприятного.

Шалаши не выдержали напора небесной воды и рухнули. Из-под обломков с ругательствами выбирались боевики, для которых ливень тоже оказался неожиданным, как и для Максима. Упала и палатка, установленная кое-как. Её сразу начали устанавливать вновь два чернолицых бородача. Видимо, в ней поселился командир отряда, тот самый великан, наоравший на своих подчинённых, отчего им на помощь поспешили другие боевики.

Всего Максим насчитал двенадцать «камуфляжей» вместе с командиром. Плюс двоих пилотов.

Так как одежда прилипла к телу, Максим решил сначала подсохнуть, прежде чем покинуть место своего укрытия в кустарниковой крепости. Надо было обдумать дальнейшие планы, а главное – переодеться в боевой «Хамелеон» и вооружиться. До ночи, пусть и условной, ещё было время, и он мог подготовиться к атаке на лагерь, ещё не представляя, каким образом удастся справиться практически со взводом хорошо вооружённых африканцев.

Сохнуть пришлось около часа.

Потом начались события, не предусмотренные планом действий, и Максиму пришлось менять его на ходу, сообразно обстановке.

Африканцы разбрелись кто куда, исчезнув из поля зрения. Возможно, большинство из них отправились на охоту или на осмотр местности. В лагере остались всего три боевика: один продолжил разжигать залитый дождём костёр и готовить пищу, двое вернулись к вертолёту, чтобы помогать пилотам.

На катере не осталось ни одного члена экипажа.

Этим не преминули воспользоваться пленники. Каким-то образом им удалось открыть люк трюма, и на палубе появились люди – двое мужчин в светло-коричневых полевых костюмах, седая женщина средних лет в джинсовой безрукавке и Вероника Соловьёва. Они сначала высунули из люка головы, осмотрелись и поползли друг за другом к носу катера, опущенному в воду.

Максим понял, что пленники задумали побег.

Он ветром перемахнул открытое пространство от своего схрона к полосе кустарника на берегу, решая, показаться беглецам на глаза сейчас или сделать это позже.

Первый мужчина, на вид лет пятидесяти, сполз в воду, подставляя руки, помогая спуститься женщинам.

Второй, совсем молодой, белобрысый, заросший соломённой щетиной, не стал дожидаться остальных, с шумом сорвался в воду и поплыл на другой берег.

Возившиеся у вертолётки верзила ничего не заметили, время от времени стуча металлом по металлу, а вот африканец-повар у костра услышал плеск. Он повернулся к катеру, вытянул шею, прислушиваясь к возне на палубе судёнышка, и метнулся к реке, хватая лежащий на груди веток автомат.

Максим, не дожидаясь развязки событий, нырнул в воду и поплыл под водой к катеру, не закрывая глаз. Речная вода была прохладная, но прозрачная, и берег реки был виден из-под воды отчётливо.

Африканец вскочил на палубу катера, подбежал к носу и заорал что-то на своём языке. Максим уловил знакомое слово «ухту» – «застрелю».

Пожилой мужчина, помогавший женщинам спуститься в воду, отпустил беглянку в безрукавке, замахал руками:

– Не стреляйте! Я выхожу!

Женщина в безрукавке начала тонуть.

Африканец поднял автомат, направляя ствол на уже почти пересекших реку молодого парня и Веронику, снова заорал. Потом, видя, что его крик не возымел действия, дал короткую очередь. Три всплеска легли поперёк реки в метре от головы Вероники. Она нырнула. Африканец повёл стволом, ловя голову парня.

И в этот момент вынырнувший у борта Максим выпрыгнул по пояс из воды и рывком за ноги сбросил боевика в реку. Нырнул следом, вынимая нож, нанёс один удар ножом в горло противника, вырвал из его рук автомат (израильский «узи») и всплыл.

К берегу от вертолёта бежали африканцы, готовясь к стрельбе.

Максим оценил их положение, дал очередь по костру, так что в воздух взлетели угли, дымящиеся ветки и струи дыма.

Боевики с ходу сунулись носами в траву.

Пожилой мужчина застыл, изумлённо глядя на спасителя.

– Плывите за ними! – рявкнул на него Максим, ещё одной очередью заставляя преследователей отползать назад, не поднимая головы.

Где-то неподалёку раздались крики и треск: возвращались остальные боевики.

Женщина в безрукавке нащупала ногами дно, однако вслед за тремя товарищами не поплыла. В ответ на жест Максима она только беспомощно развела руками и покачала головой.

Уговаривать её времени не было, боевики выскочили бы на берег и расстреляли плывущих, и Максим крикнул:

– Я вернусь за вами!

Послышалась стрельба: африканцы пришли в себя и вели огонь в направлении реки, вслепую, не видя цели.

Максим прицельно повёл стволом «узи», дал короткую очередь. Послышался вскрик, пуля нашла одного из противников. Тогда он выдал длинную очередь по всему лагерю, по кустам, опустошая магазин автомата, бросил оружие в воду и рванул через реку в темпе пловца на соревнованиях в «короткой воде».

Ему понадобилось всего десять секунд, чтобы пересечь реку и скрыться в густой крепи «тростника» на той стороне. Все чувства майора обострились, благодаря умению создавать искусственное стресс-состояние он видел, слышал и ощущал мир вокруг как живой компьютер, не упуская ни одной мелочи, и двигался намного быстрее, подчиняясь другим уровням психики, не допускающим ошибок в отличие от сознания.

Сзади грянули автоматные очереди: африканцы добежали до берега и начали поливать заросли на другой стороне реки ручьями пуль.

К счастью, сразу за береговым откосом начиналась неглубокая ложбинка, и Максим, определив по смятой траве и проломам в стене кустарника направление движения беглецов, нырнул в эту ложбинку и нагнал троицу в полусотне метров от берега.

– Стойте! – вырос он перед белобрысым парнем, за которым бежал пожилой седовласый бородач. Вероника замыкала отряд беглецов.

Мужчины отпрянули: пожилой – молча, помоложе – с испуганным вскриком.

Остановилась и Вероника: глаза на пол-лица (ни тени страха, только решимость и азарт), красивые резные губы, румянец во всю щеку... лесная фея во плоти, мелькнуло у Максима в голове.

– Я свой! – добавил он негромко, одним ухом прислушиваясь к стихающей за рекой стрельбе. – Вы Вероника?

Взмах длинными ресницами, удивление.

– Да...

– А это?

– Вениамин Витальевич, профессор, – кивнула девушка на пожилого. – И Костя. Мы бежали...

– Я заметил, – усмехнулся Максим. – Надо же, все россияне.

– Нас было четверо, Мария Ивановна отстала...

– К сожалению, её, скорее всего, вернули на катер. Что же остальные ваши спутники? Сколько вас всего?

– Двенадцать человек. – Вероника опечалилась. – Двух убили. Остальные не захотели бежать, побоялись.

– Русские не сдаются?

Она кивнула, начиная оживать.

– Мы ещё вчера хотели... А вы кто?

– Потом, – остановил Максим беглянку, – надо поскорее убираться отсюда. За мной!

Он сориентировался по солнцу, припустил бегом, оглянулся, чтобы убедиться в правильной реакции беглецов (все трое не растерялись, находясь в возбуждённом состоянии), и повернул в сторону своей «базы», надеясь оторваться от преследования.

К его удивлению, погоня явно запаздывала. Стрельба в районе лагеря стихла окончательно, однако боевики не рискнули броситься за сбежавшими пленниками. Это был не их мир, не джунгли, к которым они давно приспособились и знали там каждую змею. Чистый, опрятный, светлый, ухоженный лес пугал их больше, чем мрачный ад родных джунглей, кишащий опасными тварями и заросший не менее опасными растениями.

Бежали больше часа, забирая к югу, с небольшими остановками. Молодой человек по имени Костя выбился из сил раньше остальных, и приходилось ждать, пока он отдышится.

Максим дважды менял направление, чтобы сбить предполагаемую погоню со следа, но она так и не дала о себе знать.

Наконец добрались до кратера в окружении «ив-берёз» и толстопузых «баобабов».

Майор провёл беглецов к кратеру, и они опешили, увидев на дне воронки разбитую «ракету».

– Что это?! – прошептала Вероника.

– Ха! – хрипло выговорил Костя. – Я так и знал!

– Что ты знал?!

– Это тарелка пришельцев.

Вероника с недоверием посмотрела на него, перевела взгляд на Максима.

– Это... ваша... тарелка?

Он рассмеялся.

– Не моя, и я не пришелец. Давайте спустимся, попьём водички и обменяемся информацией.

– Обалдеть! – выдохнул Костя.

Мужчина, которого Вероника назвала Вениамином Витальевичем, промолчал. По всей видимости, он был неразговорчивым человеком.

Спустились к яйцевидному аппарату.

Костя сразу кинулся осматривать потерпевшую катастрофу развалину, но Вероника остановила его:

– Подожди, торопыга, сначала поговорим.

– Так интересно же, – отмахнулся молодой человек, жадно разглядывая дюзы ракетного корабля, оглянулся на Максима. – Можно я посмотрю, что внутри?

– Посмотри, – разрешил Максим. – Только ничего не трогай.

Костя скрылся в трещине, разорвавшей аппарат.

– Он тоже археолог? – кивнул парню вслед Максим.

– Нет, он биолог, точнее, ботаник, ассистент профессора Бурцева, которого убили. Экспедиция была комплексная, больше половины археологи. – Вероника посмотрела на задумчивого бородача. – Вениамин Витальевич – доктор исторических наук, завкафедры Института истории и археологии Уральского отделения Академии наук. Я его помощник. Костя – аспирант, из Москвы.

– Какой-то он чересчур торопливый. Если бы он не свалился с катера в воду, как бетонная тумба, обошлось бы без стрельбы. Вас бы не услышали.

– Да уж, – глухо проговорил Вениамин Витальевич. – Вы вовремя подоспели. К сожалению, Константин имеет всех в виду. Для него важно только то, чем он занимается, чужое мнение его не интересует. Так воспитан.

– Ну, почему, – неуверенно возразила Вероника. – Костя невнимательный, это правда, зато много знает и умеет ухаживать...

Вениамин Витальевич усмехнулся.

Вероника поймала взгляд Максима, покраснела.

– И вообще он хороший специалист.

Из аппарата донёлся стук.

Все трое посмотрели на пробоину в корпусе «яйца».

– Подождите минуту, я его выведу. Эта машина вполне может хранить опасные вещи, я не успел её изучить досконально.

Костя с азартом возился в носовом отсеке аппарата, пытаясь поднять свёрнутое кресло пилота и сесть перед панелью управления, имевшей вполне земной вид.

– Сказал же, не трогай, – взялся за его плечо Максим. – Потом вместе пройдемся по отсекам и разберём ящики.

– Я хочу включить...

– Прежде надо разобраться, что за этим последует.

– Да ничего не последует, техника паровозной эры, примитивная конструкция.

Максим взял молодого человека под руку и повёл к выходу, не обращая внимания на сопротивление. Сказал ему в ухо, чтобы слышал только он:

– Оставь свои гопстопные замашки, ботаник! Будешь спрашивать разрешения на любое действие и выполнять мои команды! Не понял, куда попал? Мы не на Земле и даже не в компьютерной игре, в этой реальности убивают вполне конкретно, и дополнительных жизней у тебя нет! Уяснил?

– Да что вы себе поз... – начал Константин, пытаясь освободиться, и ойкнул, когда Максим сжал его бицепс сильнее. – Отпусти... те...

– Уяснил, спрашиваю?

– Хорошо, хорошо, – торопливо закивал ботаник, – не дурак, буду предупреждать.

Он неожиданно хихикнул.

– И в туалет надо будет отпрашиваться?

– В первую очередь! – Максим вытолкал парня наружу.

Обходившие «яйцо» беглецы повернули к ним, поглядывая, как Константин, морщась, разминает бицепс.

– Кто вы? – повторила вопрос Вероника. – И как здесь оказались?

– Так же, как и вы, – ответил Максим. – Я майор спецназа Максим Ребров. Моя группа была послана выволить соотечественников из плена баирцев. Где мои бойцы теперь, я не знаю, но в радиусе пяти-шести километров их нет. Возможно, остались на Земле. Мы же с вами попали в этот мир.

– Попаданцы, мля, – хрюкнул Константин.

– Не смешно, – буркнул Вениамин Витальевич.

– А что, я не прав? Про попаданцев столько макулатуры издано, что море засыпать можно! И компьютерных игрушек полно. Не думал, что сам стану попаданцем, прямо инконгруэнтная фрактальность какая-то!

Максим встретил смущённый и вместе с тем тревожный взгляд девушки. Она передёрнула плечами.

– Ужас, что могло быть!

Максим вопросительно посмотрел на неё.

– Что вы имеете в виду?

– Эти скоты устроили концлагерь, – угрюмо проговорил археолог. – Мы уже два дня не ели, нам только воду давали пить. Да ещё выводили женщин...

– Не надо, Вениамин Витальевич.

– О чём речь?

Вероника прикусила губу, отвернулась.

– Бандиты выводили женщин и насиловали. Сегодня как раз была очередь Вероники.

Максим пошипел сквозь стиснутые зубы.

– Понятно.

– Надо освободить остальных! – повернулась к нему девушка.

– Ага, с ножиком мы легко справимся с автоматчиками, – язвительно проговорил Костя. Он уже отошёл от хватки Максима и поглядывал по сторонам с растущим интересом, явно желая заняться исследованиями мира, в котором оказался.

– А это что, «рогоз»? – сказал он, ткнув пальцем в «тростниковые» заросли над кратером.

– Не отвлекайся, – осадила его Вероника.

– Там, на берегу, где катер, тоже рос «рогоз». Если это другой мир, почему его растения так похожи на наши? Вам это неинтересно?

– Ты не исправим. Товарищ майор, Максим... э-э...

– Просто Максим.

– Вы говорите, что вас послали...

– Уж послали так послали! – издал смешок Константин.

– Помолчи!

– Давайте по порядку, – предложил Максим. – Сначала я задам свои вопросы, потом вы свои.

– Хорошо.

– Что вы нашли в Баире, из-за чего вас захватили местные боевики?

Вероника нерешительно посмотрела на археолога.

– Это можно назвать святилищем или храмом, – ответил за девушку Вениамин Витальевич. – Культура мгембе, третье тысячелетие до нашей эры. С культурой пирамид не связана никак, потому ЮНЕСКО и заинтересовалась. Мы не успели ничего особенно раскопать, развалины заросли джунглями, работать трудно. Обнаружили ряд статуй, точнее, несколько гигантских каменных голов высотой больше метра. По расплюснутости носов и форме черепа можно утверждать, что это какая-то боковая ветвь чернокожих аборигенов Баира.

– Странно. Если вы ничего не нашли, зачем вас потребовалось брать в плен?

– Может быть, это были потомки мгембе, охранявшие храм, – сказала Вероника. – Во всяком случае, наши захватчики очень похожи на головы, найденные внутри храма.

– Не все.

– Большинство.

Вениамин Витальевич покачал головой, но возражать не стал.

– Зачем вам знать подробности нашего пребывания в Баире? – хмыкнул Константин. – Вы же не специалист.

Тактом он тоже не отличался.

– Хочу найти причину, по какой мы оказались здесь, – сказал Максим.

– Может быть, боги этих уродов рассердились на то, что их потревожили, вот и зашвырнули нас к чёрту на кулички.

– Не ёрничай, – укоризненно поморщилась Вероника. – Если негры охраняли храм, зачем понадобилось зашвыривать их вместе с нами?

– За плохую службу.

– Чушь! – засопел археолог. – Не стоит искать причины нашего похищения в магическом недовольстве каких-то богов.

– Я вас понял, – согласился майор. – Итак, на катере осталось, если не ошибаюсь, девять человек.

Вероника погрузилась.

– Жаль, что Мария Ивановна не смогла убежать. На катере остались немцы, француз, бельгиец и англичане. Один канадец, очень вредный и злой, он как раз руководитель экспедиции. Всё требовал себе место получше. Они долго не выдержат без еды. – Девушка невольно проглотила слюну.

– Вы голодны! – спохватился Максим. – У меня остался нетронутым НЗ и вода, сейчас принесу. Кстати, в местных лесах полно грибов, с голоду не умрём.

– Подождите, Максим, ответьте на наши вопросы, чтобы не возвращаться к теме.

– Слушаю.

– Где мы?

– В раю! – развеселился Костя.

Вероника сдвинула брови, но Максим её опередил:

– Очень близкая к действительности оценка. По моим наблюдениям, хищников в этом лесу нет, как нет ни комарья, ни мошкар. Рыба в реке не водится. И ещё нет птиц. Зато много бабочек, есть пчёлы, есть муравьи и мелкие смешные зверьки наподобие наших ежей и белок. Видел косулю.

– Не может быть! – засомневался Константин.

– Что видел косулю?

– Нет, что нет птиц. Они играют огромную роль в опылении деревьев, без них лес вообще не выжил бы.

– На Земле.

– Где бы то ни было. Законы размножения флоры едины.

– Тем не менее констатирую факт. Вы ботаник, как мне сказали, вот и поищите разгадку. Как видите, здешний лес живёт себе и здравствует, превосходя все известные мне леса по количеству гигантских деревьев. Вы видели «секвойи», высота каждой превосходит сто метров.

– Это не «секвойи».

– Но очень похожи. Есть ещё «мангры», «баньяны», «дубы» и тому подобное. Я заметил, что местная флора буквально копирует земную, хотя и с некоторыми отличиями, дополнениями и нюансами. Воздух здесь чистейший, должны чувствовать, воду можно пить прямо из реки как бальзам, лесных завалов я не встретил, ничто не гниёт, сила тяжести практически равна земной, даже, может быть, чуть меньше.

– Говорю же – рай, – не выдержал Константин.

– А эта машина откуда? – кивнула Вероника на «яйцо».

Максим развёл руками.

– На этот вопрос у меня ответа нет. Мне почему-то кажется, что она здесь лишняя, как и все мы. Судя по ржавчине, пролежала она в кратере много лет. А это значит, что в этом мире, который я назвал бы Заповедником с большой буквы, разумной жизни нет.

– Почему это?

– Пилота никто не искал. Возможен вариант, что лес и вправду является заповедником, созданным кем-то, кто находится далеко отсюда. Но в этом случае за его территорией должно вестись наблюдение, а я не заметил никаких контролёров, даже замаскированных. Да и если бы они были, то наверняка обнаружили бы упавшую ракету и не оставили бы здесь ржаветь. Вот, пожалуй, всё, что я могу сказать на данный момент.

– То есть вы не знаете, куда мы попали, – разочарованно проговорила Вероника.

– Не знаю. Всё знакомо и незнакомо одновременно. Однако точно могу сказать, что это не Земля. Солнце здесь не заходит и всходит, а делает круг и возвращается.

– Параллельное измерение, – хмыкнул Костя.

– Не берусь ни утверждать, ни опровергать. Самое плохое, что мы здесь не одни. Баирцы принадлежат к ультраправой организации «Союз освобождения Африки», на счету которого десятки терактов. К тому же им помогают американцы. Они не дадут нам жить спокойно, особенно когда окончательно поймут, что лес не таит никакой опасности. Они уже сейчас живут в этом мире так, как привыкли: охотятся, убивают, жгут, мусорят, – Максим посмотрел на девушку, – и так далее.

– Астероид им на голову! – злобно процедил сквозь зубы Константин.

В этом Максим был с ним совершенно согласен.

– Минуту.

Он вынес из разбитого аппарата рюкзак с НЗ и нечто вроде брезентовой накидки красного цвета, найденной в одном из шкафов хвостового отсека.

– Располагайтесь.

Расстелили накидку под боком ракеты, на бугорке, заросшем сине-зелёной травой. Максим выложил на импровизированную подстилку две палеты с говядиной, пакет с галетами и пакет с сухофруктами.

– Вилка одна, придётся есть по очереди.

– Я и руками могу, – потянулся к мясу Константин.

– По очереди, я сказал. – Максим открыл палету, протянул вместе с вилкой девушке, непроизвольно сделавшей глотательное движение. – Вы первая, мадемуазель.

Начали есть, передавая вилку друг другу.

Константин норовил подцепить кусок побольше, но встретил предупреждающий взгляд майора, переменялся в лице и стал есть аккуратнее.

Опорожнили обе палеты в течение двух минут. Закусили сухофруктами – курагой и черносливом, запили трапезу водой из фляги Максима.

Он закрыл рюкзак, взвесил в руке, проговорил с простодушной ухмылкой:

– Остались одна палета и каша, судари и сударыни, плюс «Сникерс» и галеты. Побережём НЗ на крайний случай, до худших времён. С этого момента переходим на подножный корм: грибы, орехи, ягоды, если таковые найдутся.

Спасшиеся от расправы бандитов беглецы переглянулись. Они явно не наелись, заморив червячка, но понимали, что никто не принесёт им избавления от голода и что заботиться о себе придётся самим.

– Эх, только аппетит разыгрался! – сказал Константин разочарованно.

– Ничего, лес прокормит нас без проблем.

– А что это за костюмчик на вас? Спецназ теперь щеголяет в таких?

Максим озадаченно глянул на свои штаны, усмехнулся.

– Спецназ щеголяет в том, что удобно носить. Этот наряд я нашёл в «яйце». Там много одежды. Видимо, пилоты были людьми или, в крайнем случае, гуманоидами. Можете выбрать себе по размеру.

– Так я пойду пороюсь?

– Не спеши, – проворчал Вениамин Витальевич, вытирая руки о траву. Поднял глаза на Максима. – Товарищ майор, у вас есть какой-то план? Что нам делать дальше?

Ответить Максим не успел.

Издали донеслось слабое тарахтенье, приблизилось, и он узнал лопотание вертолётных лопастей.

Замерли и беглецы, прислушиваясь.

– Вертолёт! – прошептала Вероника с испугом. – Они его починили...

– В машину, быстро! – Максим сдёрнул с травы подстилку, сунул девушке в руку. – Может быть, не заметят.

Вскочили в яйцевидный аппарат.

Максим метнулся в переднюю кабину, цапнул винтовку, выглянул в дыру в корпусе «яйца». Взмолился в душе: пронеси, нелёгкая!

И в этот момент лес загудел!..

Глава 11

На разведку

Роберт Рэдклиф, тридцатилетний лейтенант Сил специальных операций, пилот вертолёта «Киова», никогда не думал, что попадёт в ситуацию, подобную популярной компьютерной игре Left 6 Dead с выходом в дополненную реальность, обладающую иными законами бытия, экзотической природой и геометрией.

Ночью двадцать третьего сентября командир корпуса ССО вице-адмирал Бранденмауэр дал экипажу задание слетать из Судана в Баир, забрать у повстанцев СОА группу русских специалистов, принимавших участие в экспедиции ЮНЕСКО к древнему храму, и доставить их на авианосец «Стар Трамп». Ничто не предвещало никаких экшнов и погонь со стрельбой. В Баире шла межплеменная война, развязанная мастерами тайных операций ЦРУ, и русские в неё не вмешивались, предпочитая действовать через международные структуры – Совбез и ООН.

Но как только вертолёт сел на берегу реки Чуапы и африканцы подвели к нему русских, на берег обрушилась волна тьмы, погасившая сознание пилотов. Когда же они пришли в себя, вокруг наблюдалась совсем другая картина, принципиально отличимая от африканских джунглей.

Паника среди африканских «борцов за свободу» возникла приличная. Многие попрыгали в реку, парочка открыла огонь по зарослям вокруг, убив при этом двух членов экспедиции. Командир отряда повстанцев по имени Мигомберо, имевший звание казембе (генерал-правитель, опереточный, разумеется, хотя сам он считал себя истинным командующим «армии Баира»), гигант ростом выше двух метров, пришёл в себя первым, и подчинённые вскоре начали устраиваться на новом месте, нарубив «тростника» и кустарника для сооружения шалашей. А потом пошли на разведку, принеся добычу в виде животного, похожего на лань.

Впрочем, его мясо оказалось вполне съедобным.

Пилоты в экспедициях повстанцев не участвовали. Важно было поскорее поставить вертолёт «на винты», поэтому они сразу принялись его чинить, обнаружив, что машина пострадала несильно.

Поначалу повстанцы им не помогали, занятые суетой разбивки лагеря и рубкой кустарника на берегу реки. Потом Рэдклиф объяснил «генералу», что обследовать территорию вокруг лагеря без вертолёта будет намного сложнее, и Мигомберо дал согласие на участие своих головорезов в ремонте винтокрылой машины.

На второй день пребывания в совершенно незнакомом мире, если считать удаление солнца «закатом», а возвращение «рассветом», повстанцы примирились со своим положением и вернулись к привычному образу жизни, который можно было охарактеризовать четырьмя словами: тупое удовлетворение собственных потребностей. Пленников они почему-то загнали в тесный трюм катера и тешились тем, что издевались над ними, не давая есть, и по очереди насиловали женщин экспедиции, отводя их в кусты.

Рэдклиф, в общем-то не будучи поборником морали и везде находивший исполнительниц своих желаний, вынужден был сделать замечание казембе, чтобы африканцы не трогали русских. За них повстанцам было заплачено отдельно, и они должны были быть доставленными в распоряжение командования ССО целыми и невредимыми. Возможно, готовился какой-то обмен с русскими, в последнее время начавшими успешно задерживать за рубежом американских граждан, обвиняя их в нанесении ущерба России. Точно так же, как это делали американские спецслужбы на протяжении полусотни лет. Но эта догадка недолго занимала мысли лейтенанта, привыкшего без колебаний выполнять приказы командования. Внезапный переход в

мир с иным порядком вещей заставил и его переосмыслить действия ССО и напрячь усилия для того, чтобы не свихнуться и не удариться в панику.

События, происшедшие на третий день после «сброса в экзореальность», произвели на пилотов «Киовы» впечатление взорвавшейся бомбы. Они вдруг осознали, что мир вокруг не так безобиден, как показалось вначале, что здесь есть другие обитатели, кроме мелких животных, с азартом расстреливаемых африканцами, и эти обитатели вовсе не настроены мирно смотреть на бандитское поведение «переселенцев». Кто-то из них явно помог бежать троим пленникам, как раз тем самым русским, за головы которых и было заплачено.

Догнать сбежавших по горячим следам не удалось. Тот, кто помог им, а это был профессионал высокого класса, судя по тому, как он действовал и справился с повстанцем, игравшим роль повара, хорошо знал местность и увёл беглецов куда-то за пределы обследованной неграми территории.

Вернувшиеся из погони повстанцы были злы и выместили свою злобу на пленниках, устроив допрос и избив всех, в том числе женщин. Русскую, отставшую от группы беглецов, они вообще избili до полусмерти. Спасло её только вмешательство Рэдклифа, угрюмо предъявившего «генералу» права на пленницу.

Гигант поколебался немного, но просьбе уступил, заметив:

– Зарубите себе на носу, лейтенант: здесь я командую! И пленники все мои! Ещё раз сунете нос не в свои дела – пожалеете!

Рэдклиф вспыхнул.

Гиганта он не боялся, пройдя хорошую подготовку в рядах «морских котиков», и, наверно, в открытом бою справился бы с ним, но африканцев было больше – чёртова дюжина, все вооружены, и для каждого из них убить противника было что раз плюнуть. И всё же Рэдклиф считал, что его положение выше «генеральского».

– Не будь гориллой, казембе! – сказал он, демонстративно берясь за рукоять штатного Р-226. – Ни ты, ни твои люди не умеют пилотировать «вертушку». Это первое. Второе: здесь не ваши джунгли, где вы были хозяевами, мы попали в чужой мир, и без разведки с воздуха вам не обойтись. И третье: не повышай на меня голос, казембе, пожалеешь!

Иссиня-чёрное лицо африканца с расплюснутым носом осталось неподвижным, но в глазах на миг вспыхнула такая угроза, что Рэдклиф поёжился. Не дожидаясь ответа гиганта, он торопливо добавил:

– Предлагаю поискать беглецов с воздуха, они не могли уйти далеко.

Выпятивший квадратную челюсть «генерал» помедлил, кивнул нехотя, остывая.

– Согласен. Когда мы сможем вылететь?

– Через полчаса. Возьмите с собой пару парней пока, проверим, как «вертушка» будет вести себя в воздухе. И ещё раз напоминаю: пленники нужны мне живыми! Другое дело спец, который помог им бежать. Он опасен, и его надо будет уничтожить. Но будьте осторожны. Он явно наблюдал за вами, а вы его не заметили.

– Раздавлю, как скорпиона! – презрительно сплюнул «генерал».

Собрались взлететь через сорок минут.

Вместе с Мигомберо в десантный отсек вертолёта сели ещё трое повстанцев. «Генерал» сразу подсел к пулемёту, расположенному в отсеке «Киовы». Было заметно, что он видит себя чуть ли не повелителем Вселенной, хотя за ручки шестиствольного «Минигана» он взялся умело. Впрочем, по убеждению Рэдклифа, оружие в руках недоразвитых дикарей не делало их умнее и значимее, чем они были на самом деле. Но стоило признать, что убивать они умели.

– Заводи, – сказал лейтенант второму пилоту, белокрысому шутнику Полу Donovanу, сержанту, приунывшему в последнее время.

Рэдклиф его понимал. Пол собирался жениться после возвращения из Баира на базу, и незапланированный вояж в «соседнее измерение» подействовал на него угнетающе.

С настороженностью прислушались к нарастающему рокоту лопастей. К счастью, основной винт не был повреждён, когда вертолёт свалился на землю, а погнутый малый им удалось выпрямить, и он тоже начал вращаться без особой вибрации.

Взлетели, набрав двухсотметровую высоту.

Под ними распростёрлась панорама удивительного великанского леса, и даже привыкшие ко всему повстанцы, давно отучившиеся удивляться и любоваться красотой природы, застыли, разглядывая необычный, слегка всхолмлённый ландшафт, покрытый лесом от горизонта до горизонта.

– Бургер вам в глотку! – произнёс обалдевший от масштабов открывшегося леса Доно- ван. – Это куда же нас занесло?!

Рэдклиф поднял вертолёт на километровую высоту.

В пейзаже под ним ничего не изменилось. На тысячи и тысячи миль вокруг раскинулся чудовищный, невероятный лес, сверкающий под лучами солнца втрое больше земного множеством оттенков зелёного, жёлтого, коричневого и синего цвета. И не было ему ни конца ни края!

– Боб, где мы?! – на дождался ответа пилота Донован. – Может, я сплю?!

– Успокойся, – мрачно проворчал Рэдклиф. – Мы живы и невредимы, а это уже удача. Могу сказать точно: это не Африка и не родная Калифорния.

– Как же мы теперь вернёмся?

– Подбери сопли, сержант, что-нибудь придумаем.

В пилотскую кабину всунулась голова Мигомbero.

– Давайте к реке, начнём оттуда.

Вертолёт повернул к речной петле, увенчанной корпусом катера, как рогом голова носорога.

Глава 12

Адаптация

Вертолёт пролетел где-то в километре от кратера с разбитым яйцевидным аппаратом, невидимый из-за густых крон деревьев, гул винтов стих, и Максим расслабился.

– Можем вылезать.

Выбрались из душной ракеты, вслушиваясь в лесную тишину.

– Хотел бы всё-таки вернуться к вопросу, что вы собираетесь делать, – сказал Вениамин Витальевич, подойдя к майору. – Или это военная тайна?

– Никаких тайн, – пожал плечами Максим. – Наша стратегическая задача – выжить! Поэтому будем планировать решения сообразно с поступившими вводными. Первое, что надо сделать, – проанализировать общую ситуацию, после чего начать исследовать местность, то есть лес и его обитателей. Второе условие выживания – нейтрализация мешающей стороны, то есть боевиков, и освобождение остальных пленников. Не менее важная проблема – еда. НЗ закончился, у нас только вода, что уже хорошо, от жажды страдать не будем, и лесные богатства. Грибов много, придётся собирать их и готовить. Хорошо бы отыскать орехи и ягоды.

– А если здешние грибы ядовиты? – засомневался Костя.

– Я видел два вида, пахнут хорошо, что уже является некой гарантией съедобности. Будем их варить и жарить. Ещё проблема – жилище. Пока наш схрон не обнаружен, будем ночевать здесь. Но до лагеря боевиков по прямой всего пять километров, этого мало, придётся подыскать базу подальше и поукромнее.

– Надо связаться...

– С кем?

– Ну-у... с местными... кто тут всем заправляет.

– Ракете много лет, а раз её до сих пор не нашли и не забрали, в Заповеднике никто не живёт. Я имею в виду людей или разумных обезьян.

– В Заповеднике? – недоумённо вскинула брови Вероника.

– Это моё предположение, что лес представляет собой огромный заповедник. Я пытался вызывать своих парней, однако никто не откликнулся. Полная тишина. Эфир шипит и молчит, будто здесь вообще никто не переговаривается по радио. К тому же ресурс радиации не бесконечен. Будем беречь, хотя я попытаюсь ещё не раз позвать бойцов группы. Однако рассчитывать на какую-то помощь со стороны не стоит.

– Вы думаете, нас не будут искать?

Максим усмехнулся.

– Оглянитесь вокруг. Здесь только мы и плохие чёрные парни с парой не менее плохих белых, имеющие вертолёт и кучу оружия.

– Вертолёт тоже недолго будет летать, – ухмыльнулся Костя. – Вряд ли у них много бензина.

– Согласен, запасы топлива кончатся, и он станет на прикол. Но пока что «вертушка» представляет собой реальную угрозу, которую нельзя сбрасывать со счетов. Ещё вопросы имеются?

– Можно я поднимусь наверх? – Костя ткнул пальцем в заросли «тростника» по краю воронки.

– Только не отходи далеко и не высовывайся, особенно если заметишь подозрительное движение. Сразу зови меня.

– Ладно, ладно. – Ботаник смешно – на четвереньках – побежал по склону кратера вверх. Вениамин Витальевич проводил его недобрый взглядом.

– Зря вы дали ему свободу, товарищ совершенно непредсказуемый, пустоголовый, несмотря на высшее образование.

– Посмотрим, как он себя будет вести. Начнёт самовольничать – приструним.

– Я тоже хотела бы осмотреться, – несмело проговорила Вероника.

– Не дайте ему увлечься и сами не увлекайтесь.

Девушка просияла и полезла из кратера к его валу.

– Так что вы собираетесь делать? – спросил археолог, пребывая в нерешительности: то ли ему следовать за товарищами, то ли остаться со спасителем.

– Вооружусь и схожу к лагерю боевиков. Скоро наступит местная ночь, и к этому моменту хотелось бы понять, каким образом освободить остальных пленников.

– Если они ещё захотят пойти с вами.

– Выбор у них невелик: либо сбежать от этих головорезов, либо умереть в заточении.

Свободы им никто добровольно не предоставит.

Археолог кивнул.

– Наверно, вы правы. Могу пойти с вами.

Максим улыбнулся, проведя ладонью по лицу и уколотившись о выросшую за почти трое суток щетину. Озабоченно подумал: надо привести себя в порядок.

– В этом деле вы мне не помощник.

– А если вас заметят?

Максим не выдержал, засмеялся.

– Нас обучали много лет быть незаметными и неслышимыми в любом районе земного шара, даже в пустыне и на ледяном поле. Хотите убедиться?

– Что вы имеете в виду?

– Закройте глаза, досчитайте до десяти и откройте.

Археолог послушно закрыл глаза, начал считать, закончил и спросил, не открывая глаз:

– Можно открыть?

Никто ему не ответил.

Вениамин Витальевич открыл глаза. Рядом никого. Только громада ракеты с разорвавшей её трещиной да склоны кратера, поросшие густой невысокой травой. Стоявший в трёх шагах десять секунд назад командир группы спецназа исчез.

Хмыкнув, Вениамин Витальевич обошёл «яйцо», заглянул внутрь, пошарил в отсеках и снова никого не обнаружил. Для верности обошёл аппарат ещё раз, попытался отыскать следы в траве, взгляделся в стену кустарника наверху кратера.

– Сдаюсь, Максим.

Над ним сгустилась тень, и майор, как фокусник, возник в метре от археолога, спрыгнув с горба аппарата.

Учёный покачал головой.

– Я не слышал, как вы взбирались. Очень убедительно!

– Подождите минуту. – Максим влез в аппарат.

Костюм надевать не стал, нацепил только поверх инопланетной ветровки жилет-разгрузку. Взял винтовку, пистолет и шлем, в корпус которого была вмонтирована рация.

– Идёмте, я дам кое-какие распоряжения вашим коллегам.

Вениамин Витальевич с уважением глянул на оружие Максима.

– Это снайперская винтовка?

– «Шёпот смерти», – сказал Максим. – Лучший бесшумный снайперский комплекс в мире.

– Вы снайпер?

– И снайпер тоже.

– Это что? Пистолет? – Археолог указал на парализатор.

– «Беретта», калибр девять миллиметров, хороший пистолет, хотя и уступает нашим «ПЛ-14» и «Стриж», но за рубежом мы их не применяем.

– Seriously!

– Пошли.

Один за другим они выбрались из кратера в полосу кустарника, за которым начинался лес. Вероники и Кости нигде не было видно, и Максим выругался про себя, подумав, что действительно напрасно доверился ботанику, не знакомому со словом «ответственность». Потом из-за купы «ив-берёз» послышались тихие голоса, и он обнаружил пару в полусотне метров от кратера. Костя что-то азартно втолковывал спутнице, размахивая руками, она слушала.

– Повтори мне, – подошёл Максим.

Костя обернулся. Лицо у него было оживлённое, в глазах плыл флёр лёгкого безумия.

Ботаник ткнул пальцем в «баобабу», торчащий ближе к воронке с яйцевидной ракетой. Влево и вправо от «баобаба» уходили цепочкой по кругу другие пузатые растения, вблизи вызывающие впечатление живых существ.

– Знаете, на что это похоже?

– На бочки с запасами воды.

– На плантоидов!

– Каких плантоидов? – удивился Вениамин Витальевич.

– Не плантоидов, а плантоидов, древовидных автоматов для исследования глубин земли и других планет. Их уже начали конструировать для освоения космических пространств, в частности – Марса. Плантоидом же этот автомат назвали по аналогии с «андроидом». Они должны запускать свои корни в почву Марса для исследования подпочвенных слоёв, наружные же антенны, – Костя ткнул пальцем в пучок перистых листьев на макушке «баобаба», – обеспечивают им неиссякаемый источник энергии.

Вениамин Витальевич скептически pokrutil головой.

– На автоматы они похожи мало.

– Потому что у них нет манипуляторов?

– Потому что непонятна цель установки этих плантоидов.

– Плантоидов.

– Что в лоб, что по лбу. Во-первых, кто их здесь посадил? Во-вторых, зачем?

– Зачем – как раз понятно. Сюда грохнулась чужая ракета. Хозяева заповедника решили дистанционно изучить новый для них объект и заодно соорудить защитный периметр. Вот и высадили цепочку плантоидов вокруг кратера. Видите, как они все повернуты? Пузом и пучком корней к яме.

Максим встретил озадаченный взгляд археолога.

– Такие низины в окружении «баобабов» и «мангров» я встречал неоднократно.

– Это не «баобабы», – возразил Костя. – Помесь пузырчатых кактусов с «баобабами» и суккулентами типа «адения».

– Хорошая идея, – признался Максим. – В части защиты периметра. В этом лесу много болотистых низин, и все окружены «манграми», как я их называю, или «баньянами».

– Наверняка ни то, ни другое.

– Роли это не играет, возможно, цепочки деревьев действительно защищают лес от распространения фитозаразы с болот, не уничтожая их и не высушивая до конца. Такая интересная экология.

Костя поднял вверх оттопыренный большой палец.

– Гениально, майор! Даже я не сказал бы лучше!

– Почему же эти псевдобаобабы маленькие, в то время как «мангры» в сто раз крупнее? – заметил Вениамин Витальевич.

– Потому что возраст болот, которые стерегут «мангры», намного больше возраста кра-
тера, – уверенно сказал ботаник.

Вероника засмеялась.

– У него на всё ответ имеется.

– На мой взгляд, нельзя сравнивать функции фауны и флоры, – сказал Вениамин Вита-
льевич. – Мы люди, в геноме которых заложены принципы животной организации. Растения
на нас абсолютно не похожи. Во всяком случае, они не имеют возможности создавать какие-
то технические системы.

– Технические – нет, технологически необходимые – да. Конечно, растения – иные орга-
низмы, иная форма жизни, чей последний общий с животными предок жил шестьсот милли-
онов лет назад, в эпоху, когда жизнь только начала выходить из морей на сушу. Растения и
животные разделились навсегда, чтобы пойти разными путями. Пока вторые учились передви-
гаться по суше, первые приспособлялись к неподвижности в новой среде, укореняясь в почве
и используя световую энергию.

– Но это было на Земле.

– Какая разница где? Здесь было то же самое, разве что природа пошла дальше, создав
механизм коллективного развития и соорудив нечто вроде экологической очистной автома-
тики. – Костя застыл, озарённый идеей. – А ведь, пожалуй, это тема для диссера! В Африке
джунгли сложнее, но организованы проще. Здесь иное дело.

– Ты ещё многого не видел, – сказал Максим. – Рано садиться за диссертацию. Я оставлю
вас часа на два. Никуда отсюда не уходите, эксперименты не устраивайте, не шумите. Доешьте
говядину с кашей, пластик в рюкзаке, попейте водички. Приду, сделаю горячий чай.

– А вы куда? – Костя только сейчас обратил внимание на экипировку майора, глаза его
загорелись. – Ух ты, какая базука! Дальнобойная, да? Вы туда, в лагерь?

– Я с вами! – заявила Вероника.

– Нет.

– Я кандидат в мастера спорта по лыжам!

– Но не профи боя, – проворчал Вениамин Витальевич. – Мы ему будем мешать.

– Правильно, – кивнул Костя, – каждый должен заниматься своим делом.

– Отвечай за себя. Товарищ майор, Максим, я не подведу, вот увидите!

– Нет! – повторил Максим. – Плохие парни не станут разбираться, кто комбатант, кто
нет, и стрелять будут на поражение, если обнаружат. Вам придётся ждать меня здесь.

Вероника разочарованно понурилась.

В этот момент издали снова прилетел звук вертолётных винтов, начал приближаться.

Максим замер, угадывая направление полёта винтокрылой машины.

– Прячьтесь под эти «ивы», быстро!

– А вы?

– Я уведу их подальше.

– Но это... опасно!

– Прячьтесь! – Максим метнулся навстречу приближавшемуся рокоуту, краем уха услы-
шав, как Вениамин Витальевич проговорил Веронике:

– Не переживай, он умелец в таких делах.

Метров двести Максим бежал во всю прыть, пожалев, что не взял медаптечку с мышеч-
ным активатором. Одна таблетка «кайфа» позволяла пробегать пару километров по пересе-
чённой местности с быстротой спортсмена-стайера.

Вертолёт показался над очередным болотцем, окружённым «баньянами», через
несколько минут. Завис над ним, лопоча, как огромная соковзбивалка. Сквозь открытый люк
в его десантном отсеке был виден установленный на треноге пулемёт, в глубине сидели трое
боевиков в камуфляже, вооружённые автоматами.

Первая мысль была – грохнуть пилотов и добить остальных на земле после падения «вертушки».

Но Максим отмёл эту идею, база с разбитым яйцевидным аппаратом находилась слишком близко отсюда, и боевики из лагеря могли при прочёсывании местности наткнуться на неё. Если бы он был один, непременно рискнул бы затеять небольшую партизанскую войну, обученный её приёмам в спецлагерях ГРУ. Однако с ним теперь были гражданские, ни сном ни духом не рассчитывавшие попасть на поле боя. Их следовало беречь и защищать, а не рисковать чужими жизнями, и Максим продолжил выполнять свой первоначальный план.

Метнулся в противоположную от схрона сторону, пробежал открытое пространство так, чтобы находиться в поле зрения пилотов «вертушки», и помчался дальше, прислушиваясь к рокоту винтов.

Звук изменился, ударив раскатистой волной. Его заметили. Но так как гигантские «секвойи», «дубодендроны» и «фикусы» не давали возможности вертолёту опуститься ниже ста метров, он то и дело терял беглеца из виду и вынужден был делать дополнительные круги. Максим легко мог спрятаться от преследователей в тени густых «раakit», однако продолжал бежать до тех пор, пока не вырвался на берег петлявшей реки, поросший «ивами» и необычного вида раскидистыми деревьями, обсыпанными прямоугольными кожистыми коробочками жёлтого цвета. От порывов ветра, порождённых винтами вертолёт, эти коробочки одна за другой взрывались, выбрасывая жёлтые облачка не то семян, не то пыльцы, но от рёва двигателей их хлопки слышны не были.

Максим застыл на пару секунд, оценивая, не может ли он получить какую-то пользу от этого процесса, и придумал. Он выдернул из земли камень величиной с пол-ладони, выстрелил из винтовки, целясь в пулемёт, и тут же швырнул камень в странное «коробочное» дерево.

Эффект от этих манипуляций превзошёл все ожидания.

Вертолёт сделал вираж и обрушил на дерево, вспухшее дымками, ураган свинца из пулемёта.

Коробочки взорвались почти все, отреагировав сначала на сотрясение ветвей дерева от попадания камня, а потом от пуль. От дерева потянулась полоса жёлтой пыли, подхваченной ветерком.

Максиму показалось, что в лесу зародился низкий гул в ответ на стрельбу, словно заворчала гигантская сторожевая псына, которой не понравилось приближение опасного незнакомца.

Стрельба прекратилась. Стрелок понял тщетность своих попыток попасть в беглеца, прячущегося под деревьями-исполинами, которого к тому же там не было.

Максим кинулся прочь, изредка выбегая на открытые пространства между «секвойями», так чтобы преследователи могли иногда замечать мелькавшее желтоватое – по цвету инопланетной футболки – пятно.

Так они и двигались, постепенно удаляясь от кратера с повреждённой ракетой. Максим менял направление бега, пробегал сто метров, выскакивал из-под деревьев, моментально прятался за стволами гигантов, переживал стрельбу, потом снова мчался в глубь леса, выскакивал, прятался, выжидал и бежал дальше.

Через полчаса стрельба с борта «вертушки» начала стихать. Запас патронов у преследователей быстро подходил к концу, они это поняли и стреляли всё реже.

Пробежав два с лишним километра, Максим решил, что увёл вертолёт достаточно далеко, и перестал показываться экипажу и его пассажирам на глаза.

Покружив над небольшой поляной в обрамлении пушистых «елей-сосен», вертолёт повернул назад. У преследователей заканчивались не только патроны, но и топливо. Достать его в здешних условиях они не могли, и летать им осталось совсем недолго.

Вернулся майор «на базу» спустя полтора часа после игры с вертолётom в «кошки-мышки».

Возле ракеты его встретила расстроенная Вероника. На мгновение просияв (Вы живы?! Слава богу!), она потускнела.

– Костя не вернулся.

– Что значит не вернулся? – напрягся Максим. – Он куда-то уходил? Я же велел ждать меня и не высовываться.

– Попросился в туалет... не захотел возле ракеты... поднялся наверх... и не вернулся.

– Давно?

– С полчаса, – вылез из аппарата хмурый Вениамин Витальевич. – Я говорил, у него мозги в другую сторону от правил повёрнуты.

Максим мысленно выругался, прикинул свои силы и спешить не стал. Снял разгрузку, прислонил к корпусу ракеты винтовку, сел на бугорок.

– Вика, я оставлял вам флягу.

– Да, она в кабине, принести?

– Будь добра.

– А... Костя?

– Костя никуда не денется. Посижу чуть-чуть, умаялся, бегаючи, как олень, и отправлюсь его искать. Он далеко не уйдёт, небось лес препарирует, ботаник как-никак.

Вика округлила глаза, но посмотрела на грозное оружие Максима, снабжённое лазерным и оптическим прицелами, кучей каких-то приспособлений, и возражать не стала. Нырнула в аппарат, вынесла флягу.

– Пейте. Как вам удалось убежать от вертолётa?

Он улыбнулся, сделал два глотка.

– Лес помог.

– Что?!

– Если честно, я всегда понимал реакцию леса, ещё когда малышом ходил с бабушкой по грибы. А этот лес-гигант очень негативно относится к тем, кто хозяйничает в его владениях, уничтожая деревья. А иногда он гудит.

– Гудит?! Как это?

Максим сделал ещё глоток, завинтил колпачок.

– Нам придётся подружиться с ним, иначе не выжить. В этом я абсолютно уверен.

Глава 13

Хочу в Баир

Звонок Карапетяна разбудил Сергея Макаровича в шесть часов десять минут утра. Спросонья он даже не сразу разобрал, кто звонит.

– Да, слушаю... Коля, ты?

Коля был сыном полковника и жил на севере, в Анадыре.

– Сергей, это я, Егор, – виноватым голосом проговорил физик. – Извини, что звоню рано. Кажется, я набрёл на интересное решение проблемы наших бран.

– Чего?

– Ну, помнишь, мы говорили о происшествии в Баире?

– А-а... – Сонное оцепенение прошло. – Что ты придумал?

– Давай не по телефону.

– Это терпит?

– Понимаешь, иномериана может закрыться в любой момент...

– Какая марина?!

– Иномериана, портал между бранами. Есть шанс, что при столкновении нашей 3-браны с чужой остался тоннель.

– Понял, подъеду к тебе через час.

– Хорошо, жду. – Мобильник сыграл похоронный марш.

Стараясь не разбудить жену, Сергей Макарович умылся, переоделся в обычный гражданский костюм, накинул куртку (начало октября выдалось холодным) и поспешил к машине, дожидавшейся хозяина на придомовой стоянке.

Было раннее утро, ещё только начинало светать, и машин на улицах столицы было в разы меньше, чем в дневные часы. Поэтому до старой девятиэтажки на Виноградова, где жил Карапетян, он доехал быстро.

Физик встретил гостя в свитере и спортивных штанах. Лицо у него было усталое и при этом возбуждённое, глаза сверкали, как у кошки.

– Чаю? Кофе только растворимый.

– Давай чаю, – согласился Савельев, вспомнив, что спозаранку не сделал ни глотка дома. Хотя ему не терпелось узнать, ради чего приятель не дал ему досмотреть утренний сон.

Карапетян соорудил чай, налил чашку гостю, предложил варенье.

– Рассказывай, – сказал Сергей Макарович, размешивая в чашке ложку варенья.

– Мы говорили о бранах, помнишь? – заговорил явно взволнованный физик, не спеша взяться за чай. – Соседняя может сталкиваться с нашей и не давать амплитудного отскока, порождая устойчивый переход. Процесс напоминает столкновение двух бутербродов, обмазанных мёдом: ударились, прилипли на мгновение и разошлись друг от друга на какое-то расстояние, сохранив клейкие нити мёда, соединившие их. Я назвал такие нити иномерианами.

– Мёд – это круто, – усмехнулся Сергей Макарович.

Егор Леонович сморщился.

– Не нравятся бутерброды, можно заменить их на керамические плитки, обмазанные клеем. Не важно, что собой представляют браны, главное, чтобы это были плоские поверхности.

– Но ведь наша, гм, гм, брана, то есть Вселенная, не плоская, а трёхмерная.

– Она плоская в смысле равномерного распределения материи и силовых полей в больших масштабах. Я сделал дополнительные расчёты и уточнил мерность столкнувшихся бран. Наша Вселенная, кстати, тоже не точно трёхмерна, существуют корреляции фундаментальных констант, указывающие на существование коридоров допустимостей физических постоянных.

– Не увлекайся.

– Не буду. Короче, Сергей, брана с общим набором измерений в три и четырнадцать сотых при соударении теряет доли мерности. То есть имеются предпосылки портала или червоточины, кротовой норы, как модно нынче говорить. Хотя название «иномериана» больше соответствует процессу.

Сергей Макарович допил чай, не чувствуя его вкуса.

– Почему об этом никто раньше не говорил? Я имею в виду теоретиков.

– Говорили, и не раз, но М-теория или теория бран-суперструн пока что не является широкопризнанной и достаточно обоснованной.

– Но ты в неё веришь.

– Я дилетант, – криво улыбнулся Карапетян, – хотя и с научной степенью. М-теория для меня – хобби.

– Хорошо, допустим, в твоей идее есть рациональное зерно. Как это поможет нам отыскать пропавших?

Егор Леонович посмотрел в глаза приятеля.

– Может быть, никак. Но мы можем хотя бы попытаться с помощью полевых регистраторов и осцилляционных датчиков найти иномериану и запустить в неё зонд.

– Не забыл, что место действия находится в Африке, на территории чужого государства?

– А это уже ваша забота.

Сергей Макарович задумался, поглядывая на часы.

– Меня отправят в отставку.

– За что?

– За твои фантазии.

Егор Леонович слабо улыбнулся.

– Ты всегда утверждал, что, если есть хоть малейший шанс из тысячи, надо им пользоваться.

– Речь идёт не только о возвращении ДРГ, но и о спасении племянницы президента.

– Тем более стоит рискнуть.

– Что будет, если мы найдём эту... иномериану?

Карапетян оживился.

– Если зонд пройдёт на ту сторону и вернётся, у нас появится возможность послать...

– Ещё одну группу и потерять и её.

Физик смутился, пожевал губами, пощипал бородку, сказал неуверенно:

– Я сам могу пойти... но другого выхода у нас не будет, Серёжа.

– Понимаешь, чем мы рискуем?

– Ты учил меня думать не только о себе. Уж лучше тогда ничего не делать.

Сергей Макарович покачал головой.

– Дипломат... если бы я думал только о себе, работал бы в какой-нибудь чиновничьей структуре и в ус не дул бы. У меня сомнения другого плана. Почему из того ломтя с мёдом... то есть из другой браны к нам ничего не свалилось? Почему только наши объекты перескочили в тот мир?

– Возможно, из-за давления нашего физического континуума на чужой. Возможно, космологическая постоянная – лямбда, ответственная за ускоренное расширение нашей Вселенной, там меньше нашей. Возможно, у них вакуум осциллирует слабее. Можно придумать и другие варианты.

– Так как же мы заберём наших ребят, после того как попадём туда, если будет дуть встречный ветер, образно говоря?

Карапетян снова взялся за усы, в глазах его всплыло удивление.

– Хороший вопрос... Ты отлично схватываешь суть проблемы. Думаю, с этим можно будет справиться, привязав к зонду крепкую верёвку, с помощью которой его можно будет вытащить обратно.

– А если потребуется верёвка длиной с десяток километров?

– Не понадобится, соседняя брана где-то совсем рядом... в каком-то смысле... а если я не прав, можно будет что-нибудь придумать ещё.

– Что-нибудь... нужны конкретные предложения. К примеру, как мы найдём твой межбанный портал? На что он похож?

Карапетян потерял живость, поёрзал.

– Не знаю...

Сергей Макарович налил себе кипятку из чайника, залпом выпил без заварки. Махнул рукой, сгорбился.

– Меня же слушать не станут, объяви я начальству твою идею.

– Надо лететь в Баир, Серёжа, – тихо проговорил Егор Леонович. – С очень хорошей аппаратурой и оптикой. Выход чужой браны будет замечен по тонким природным эффектам.

– По каким ещё эффектам?

– По сдвигу эмиссионных линий водорода... по магнитному резонансу... по перепадам гравитационных полей... даже визуально он может быть замечен.

– В районе лагеря побывали не меньше полусотни человек, работает экспедиция Совбеза ООН, почему же они ничего не увидели?

– Не туда смотрели.

Сергей Макарович встал, походил кругами по комнате, заложив руки за спину, сел за стол, достал айфон. Ждал ответа долго, с минуту.

– Это я, Роман Силантьевич. Хочу в Баир. Срочно! Поможешь с протекцией?

– Подожди, я тут не один, – ответил Гусев, – отойду в сторонку. Перезвоню сам через пару минут.

Полковник выключил мобильный.

– Кому звонишь? – полюбопытствовал Карапетян.

– Начальнику управления военно-воздушных операций. Он меня всегда выручал, если поверит в идею, поддержит, и ты осуществишь свою мечту.

– Какую? – не понял Егор Леонович.

– Полетишь в Африку.

Глава 14

Мы здесь гости непрошеные

Костя нашёлся через полчаса.

Отдохнувший от долгой беготни Максим «взял след», определил направление, куда мог направиться ботаник, и вместе с увязавшейся за майором Вероникой они отыскиали молодого человека в трёхстах метрах от кратера, возле одного из малых болот по соседству, окружённого не многоходульными «манграми», как большинство встреченных ранее, а гигантскими «ивами», издали напоминавшими не то купола храмов, не то гигантские тридцатиметровые колокола.

Костя с увлечением занимался тем, что срывал с веток «ив» листья, изучал их, сравнивая один лист с другим, рвал на кусочки и нюхал. На то, что творится вокруг, он не обращал никакого внимания. Он и товарищей заметил только в тот момент, когда Максим схватил его за локоть.

– А, это вы?

– Максим! – умоляюще прижала к груди ладошки Вероника.

Максим, собиравшийся устроить выволочку человеку, не понимающему, какие опасности подстерегают гостей в ином мире, ограничился кратким:

– Ты, часом, не рехнулся, ботаник? Я где велел всем прятаться?

– Понимаешь, – не смутился Костя, – у них иной филлотаксис. Земные листья распределяются по веткам иначе. Некоторые располагаются по спирали с большим или меньшим шагом, другие – перпендикулярно веткам, чтобы улавливать солнечный свет равномерно в любое время светового дня. А эти листья все до единого имеют вертикально ориентированный алгоритм. Они не ловят солнечный свет! То есть ловят, но не подстраиваются под поток! Хотя здешнее солнце не такое яркое, как на Земле. А пахнут как!

Костя закатил глаза, втягивая ноздрями воздух.

– Понюхай. Это же почти наш ландыш!

Максим посмотрел на Веронику.

Девушка улыбнулась, разведя руками. Жест говорил: его не исправишь.

Максим думал иначе и ещё раз попытался образумить ботаника:

– Ты понимаешь, что, если бы тебя заметили боевики из лагеря, которые наверняка рыскают по лесу в поисках нас, ты бы уже был мёртв либо сдавал бы наш схрон?

Костя отмахнулся.

– Ничего бы они не заметили. Я видел грибы, там, сзади, по краю болота с порослью, похожей на наши берёзки и дубы. Вообще очень интересный вывод напрашивается: каждая такая низина поросла разными видами деревьев, будто лес весь состоит из семей-ареалов. Но ещё надо будет набрать статистику.

– Почему здесь так много болот? – заинтересовалась Вероника.

– Возможны два варианта. – Костя приобрёл вид профессора, читающего лекцию студентам. – Первый: такова природа заповедника в данном районе. Исторически сложилась. Вторая: равнину бомбили, а низины и воронки впоследствии стали болотцами.

– Как – бомбили?! – округлила глаза девушка.

– Была война, тысячи или миллионы лет назад, этот заповедник – её след. Цивилизация умерла, остался только лес. Может, и деревья такие большие из-за радиации. В Сибири тоже обнаружены тысячи мелких круглых озёр и болот, оставленных бомбардировкой во время древних войн. Весь индийский эпос Махабхараты говорит об этом. Сражались некие пандавы с кауравами, боги с великанами, а то и гиперборейцы с атлантами, не суть важно.

– Махабхарата – литературный миф, – сказал Максим.

– Кто доказал? – окрысился Костя. – Тогда и монголо-татарское иго – миф, и Куликовская битва, и пришельцы, научившие индейцев майя всяким технологическим приёмам, и многое другое.

– Куликовская битва была, только не на Куликовом поле. А вот монголо-татарское иго точно миф.

– Много ты знаешь, – презрительно сплюнул Костя. – Мы не с этого начали.

– Верно, повторяю для забывчивых и непонятливых: ещё раз позволишь себе самоволку – зубы выбью!

– Да кто ты такой, чтобы командовать? – возмутился Костя. – Я не боец твоей группы, что хочу, то и делаю.

Максим взял парня за отворот ветровки, притянул к себе, сказал почти ласково:

– Если бы ты был один, никто и слова бы не сказал. Но твои «что хочу, то и делаю» в один момент могут навлечь на всех нас беду. Нас просто убьют! Да и тебя не пожалеют. Понял?

Костя изменился в лице.

– Отпусти... понял.

– А теперь, поскольку мы всё равно вылезли из своей берлоги, давайте поищем орехи и грибы.

– Зачем? – осведомился Костя, поправляя куртку; он уже забыл, за что получил трёпку, и с интересом вертел головой, ища одному ему понятные достопримечательности местной флоры.

– Затем, что надо поужинать, – ответила Вероника вместо Максима.

– У нас же винтарь есть.

– Ну и что?

– Подстрелим какую-нибудь антилопу или олешка, сделаем запасы. Я белок видел.

– Никого подстреливать мы не будем! – твёрдо сказал Максим. – Выстрел могут услышать плохие парни, и тогда нам придётся улепёгивать из этих мест. Но не это главное. Мы попали в совершенно незнакомый мир, пусть и напоминающий земной, и начинать знакомство с ним, отстреливая его обитателей, – плохая затея.

– Подумаешь, подстрелим кабанчика, – фыркнул молодой человек. – Их тут пруд пруди, ничего не случится, если мы попользуемся случаем. Небось каждый день хищники убивают десятки зверушек.

– Это уж точно, – пробурчал подошедший к собеседникам Вениамин Витальевич. – Человек – самый страшный хищник на Земле, а то и во всей Вселенной.

– Не преувеличивайте, профессор, – отмахнулся Костя.

– Хищников здесь нет, – сказал Максим. – Я не успел обследовать всю территорию, но по всем признакам это край непуганых животных. Питаться будем тем, что соберём в земле и на деревьях.

– Придумываете проблемы, – недовольно проговорил себе под нос Костя.

– Идём шеренгой, чтобы видеть друг друга. Ты в это болотце не заходил?

– Не успел.

– Общем его и пойдём дальше. Грибы в основном растут в траве, в низинках, окружённых «берёзками» и «дубами», я уже убедился.

– Никакие это не берёзы.

– Отставить споры, пошли.

Продрались сквозь заросли «тростника», очутились в самом настоящем земном лесу где-нибудь на Брянщине. Деревья здесь росли группами по пять-шесть экземпляров, образуя своеобразные букеты: белоствольные «берёзы», «ивы» и «осины» с серо-зелёной гладкой корой, и раскидистые «дубы» высотой метров под тридцать-сорок, игравшие роль как бы пастухов отдельных «семей». Эта странная иерархия была так заметна, что Костя ошалел от своего же

предположения и вместо того, чтобы собирать грибы (здесь росли «подосиновики» с фиолетовыми шляпками), начал метаться от «клана» к «клану», восторженно бормоча что-то в микрофон ноутбука. Пленившие экспедицию ЮНЕСКО боевики почему-то не отобрали у него мини-компьютер.

– Костя, не увлекайся, – позвала ботаника Вероника.

– Оставь его, – сказал Максим. – Без него наберём на хорошую жарёнку.

– Во что собирать-то?

– Снимайте ветровки, свяжите рукава, вот и получите корзины.

– Неудобно...

– Пока придётся обходиться тем, что есть под рукой, потом придумаем что-нибудь.

– А вы уверены, что грибы съедобны?

Максим усмехнулся.

– Не читала роман Стругацких «Обитаемый остров»?

– Нет.

– Там герой попадает на другую планету, набирает грибов, не зная, съедобны они или нет, запекает на прутиках над костром, как шашлык, и предлагает аборигенам.

– Не отравился?

– Аборигены не дали попробовать. Но ставлю зуб об заклад, что эти «подосиновички» съедобны. Во-первых, они вкусно пахнут, понюхай.

Он разломил упругую шляпку гриба, протянул девушке.

Вероника понюхала, удивилась.

– Молоком пахнет... честное слово!

– И хлебом. Это первый признак того, что гриб не опасен. Удивительно, но вообще в этом лесу нет ядовитых растений. Говорю же – это некий заповедник радостной экологии. А грибы вообще-то можно есть любые.

– Некоторые только один раз?

Максим засмеялся.

– Нет, просто надо знать, как их готовить. Любая активная ядовитая органика распадается при длительной варке или обработке огнём.

Вениамин Витальевич, присоединившийся к компании и ворочавшийся у самого края болотца, повернулся к ним, поднимая вверх оранжево-полосатый гриб размером с крышку кастрюли.

– Этот брать?

– Рыжик! – удивился Максим, подходя. – На Земле эти млечники – одни из самых вкусных грибов.

– Самый вкусный – трюфель, – возразила Вероника.

– Для кого как. Может, мы ещё и трюфелей наберём.

Через четверть часа своеобразные корзины были полны «подосиновиков», «рыжиков» и «лисичек», после чего Максим скомандовал возвращаться.

Костя заикнулся было навестить ещё пару болот, объяснив это тем, что он мало видел, что обязан сделать отчёт для института, что сам не маленький, не потеряется, но Максим напомнил ему о дисциплине, о том, что близится ночь, и ботаник нехотя уступил, ворча что-то себе под нос.

По пути домой сделали небольшой крюк и всё-таки осмотрели низинку в окружении деревьев разного калибра, вида и размеров. Наткнулись на дерево, увешанное кожистыми коробочками, которое произвело на Костю неизгладимое впечатление.

– Да это же «аистник цикутный»! – вскричал он, подбегая к дереву, напоминающему не то ёлку, обвешанную игрушками, не то яблоню, усыпанную яблоками почти правильной кубической формы. – Только семенные коробочки больше наших! С ума сойти!

– Не трогай, – посоветовал Максим, зная, что может произойти.

Костя не послушался, потянул за ветку дерева, и несколько коробочек взорвались, обрушив на голову незадачливого экспериментатора жёлтое облако семян. Фыркая, Костя отскочил.

– Ох, и хлебом мы ним хлопот, – проговорил Вениамин Витальевич со вздохом.

Ореховых деревьев путешественники не нашли, зато, проследив за летящей вереницей бабочек, обнаружили редкий «березнячок», сплошь заросший земляникой величиной чуть ли не с куриное яйцо.

– Боже мой! – восхитилась Вероника, опуская «корзину» с грибами в траву и бросаясь к земляничнику. – Самые мои любимые ягоды!

– Подожди, – остановил её Максим, – дай попробую.

Он сорвал ягоду, понюхал: пахло настоящей лесной земляникой и ананасом, – откусил, пробуя на вкус, проглотил.

Спутники, замерев, смотрели на него во все глаза.

– Что? – не выдержала девушка.

– Божественный нектар! – признался он. – Земляника с ананасом.

Костя торопливо выдернул ягоду, сунул в рот целиком, начал жевать и брызнул соком.

– Оч... хор...

Вениамин Витальевич покачал головой, отвернулся.

– Ешь молча, – сказала Вероника, присев и выбирая ягоду покрупнее.

Начали лакомиться, выбирая наиболее спелые ягоды.

– Чудо из чудес! – сказал Вениамин Витальевич, оценив вкус даров местной природы. – В обычных ягодниках тучи комаров сидят в засаде, ждут собирателей, никакой репеллент не спасает. А тут ни комаров, ни муравьёв, ни клещей, ни птиц.

– Самый настоящий библейский рай! – в три приёма выговорила Вероника. – Гефсиманский сад! Ничего вкуснее не ела!

– Это нам награда за прежние мытарства и страдания, – сказал археолог, вдруг перестав есть. – Послушайте, Максим, а если это какая-то ловушка? Сидит в засаде паук, ждёт, пока мы скопытимся, и повяжет нас, как мух!

– Почему это скопытимся? – озадачился Костя.

– Может, в ягодах полно усыпляющих алкалоидов или наркотик.

Костя перестал есть.

Максим засмеялся.

– Во-первых, никаких пауков в засаде не видно, да и кого им тут ловить? Белок, ёжиков разве что? Не считая бабочек и муравьёв. Во-вторых, я доверяю лесу. Он не предаст нас, нутром чую.

– Нутром он чует, – фыркнул Костя. – Вас в училищах да на полигонах разве доверию учили?

– В том числе и доверию. В одном вы правы, – глянул Максим на археолога, – что пробовать всё растущее здесь надо осторожно, как бы не получилось передозировки. Если желудки наши не станут жаловаться, ягодами начнём лакомиться регулярно. Возвращаемся на базу, солнце давно ушло на север. – Он спохватился. – Да, вот ещё одна забота: нужны сухие дрова. Возле ракеты сухого валежника нет, я проверял, придётся искать. Однажды встретилось сухое дерево, хорошо бы найти такое.

Пошли медленнее, зигзагами, ища сухостой.

Повезло Веронике. Она крикнула на радостях:

– Вижу! Вон там, между «соснами». За большим «дубом».

– Тише, барышня, – одернул девушку Вениамин Витальевич.

– Извините, – смутилась она.

Засохшее дерево Костя определил как псевдобразильский псевдофикус, как он выразился. «Фикус» был высоким, метров под пятьдесят, но его ствол к комлю превращался в сросток плоских «досок», в свою очередь распадавшихся на мощные контрфорсы и досковидные корни. Костя прикинул количество, массу и длину этих выступавших из земли корней и пристынул.

– Ничего себе фрактальчик! Корни тянутся метров на сто! А площадь всего корневища, наверно, больше сорока тысяч квадратных метров! Хорош старичок!

– Интересно, отчего он засох, – сказал Вениамин Витальевич. – Ведь рядом нет ни свалки, ни химической фабрики, стоят абсолютно здоровые деревья. Да и корни у него будь здоров, сосут влагу с большой площади.

– Причин может быть несколько, – ответил Костя авторитетным тоном. – Старость, к примеру, сужение сосудов, нападение короедов, подземный слой какой-нибудь органики или, наоборот, неорганики.

– Здесь не видно никаких короедов.

– Значит, имеется ещё одна причина, которая нам не видна.

– Я встречал сухое дерево, – сказал Максим, доставая нож, – не в пример ниже, так вот, белки отщипывали с него кусочки коры, сбрасывали вниз, а шестилапые ёжики, похожие на ящеров, утаскивали эти кусочки в неизвестном направлении.

– Да ладно, – не поверил Костя.

– В этом лесу всё реально, – проворчал Вениамин Витальевич. – Может быть, он сам регулирует количество популяций деревьев, а этот «фикус» стал представлять угрозу для других деревьев.

– Ну, вы и фантазёр, профессор.

– Помогайте, – сказал им Максим, начиная отламывать и отпиливать обратной зубчатой стороной лезвия ножа «доски» поменьше.

Наломали таким образом дров на три охапки. Максим отдал археологу свою «корзину» с грибами, захватил «досок» сколько мог, и они отправились напрямик к своему пристанищу, благо до него было рукой подать.

– Уф! – сказал Костя, освобождаясь от поклажи.

Максим хотел было вернуться за дровами, но Вениамин Витальевич его остановил:

– Мы с Костей сходим, всё равно делать нечего. А вы пока займитесь костром.

– Да этих хватит, – заикнулся ботаник.

Вениамин Витальевич развернул его спиной к себе и подтолкнул.

– Топай, нахлебник.

Они ушли.

Максим начал сооружать шалашик из мелких веток и обломков «досок». Потом залез в ракету, порывлся в обоих отсеках и вынес пустую металлическую посудину серебристого цвета, похожую на армейский котелок времён Великой Отечественной войны, с двумя ручками, но без дужки.

– Кастрюля? – удивилась Вероника.

– Скорее котелок, хотя в три раза больше наших. Не могу представить, для чего такие штуковины были нужны пилотам ракеты. Они, скорее всего, были людьми, недаром носили такую же одежду. Эти бриджи и футболку я обнаружил в кормовом отсеке, служившем, наверно, складом. Запасливый мужик был пилот. Кстати, не хотите переодеться? Возможно, и для вас найдётся костюмчик.

Вероника заколебалась, но любопытство пересилило.

– Ладно, поищу.

Она скрылась в аппарате.

Вернулись мужчины, неся по охапке дров.

- А где Вероника? – спросил Костя.
- Переодевается.
- Я тоже хочу, костюм весь просолился от пота.
- Сходишь за водой, потом поищешь комплект.
- У нас же есть фляга.
- Нужна вода для варки грибов.
- Да ну их к лешему! Обойдёмся без них.

Максим выпрямился, в упор глянул на парня ледяными глазами. Тот встретил взгляд майора, вздрогнул, отступил.

- Ладно, я пошутил. Где тут вода?
- До реки полкилометра.
- Уже темнеет...

Вениамин Витальевич взял из рук Максима «котелок», в котором могло уместиться не менее восьми литров воды, потрогал ушки.

- Ручки нет?

Максим вспомнил, что в рюкзаке у него есть моток альпинистского троса, достал, отрезал кусок, сделал нечто вроде дужки.

- Донесёте?
- Постараемся.

– Надо же, везуха, – криво ухмыльнулся Костя, покрутив головой, – как специально для нас приготовили посуду. Может, и тарелки с ложками и вилками найдутся?

- Поищешь потом.
- Пошли, болтун, – буркнул Вениамин Витальевич. – Куда идти?

– На запад... – Максим осекся, подумав, что вряд ли учёные способны ориентироваться в лесу, тем более что местное солнце не вело себя как земное. – Покажу рукой: река в том направлении, идите прямо, никуда не сворачивая. Назад тем же манером, наш остров окружён «баобабами», не промахнётесь.

- А как же бандиты? – съязвил Константин. – Вдруг они рыскают по лесу, нас ищут?

– Уже вечер, едва ли они рискнут отойти от лагеря далеко. А вам просто надо глядеть в оба.

Вениамин Витальевич начал подниматься по склону кратера вверх.

Костя заколебался, но всё же последовал за ним.

Из ракеты выбралась Вероника, подбоченилась.

- И как я вам?

Максим, перебиривший грибы, выпрямился.

На девушке был странный наряд, состоящий из укороченных широких штанов морковного цвета – не джинсы, не шорты, не юбка, нечто среднее, а также из жёлтой «футболки» с рюшами и куртки цвета лишайника. Куртка была великовата, но каким-то чудесным образом подчёркивала отличную фигуру девушки, превращая её в закамуфлированную принцессу.

- Во! – поднял он вверх большой палец.

Вероника прыснула.

– Скажете тоже... там целый гардероб человек на тридцать. Может, ракета принадлежала торговцу одеждой?

Максим улыбнулся.

- Годится в качестве гипотезы. Я бы не удивился. Помогайте.

Она сделала несколько шагов, принаравливаясь к новому костюму, помахала руками.

- Ничего, двигаться не мешает, а материал очень мягкий, прямо наша фланель.

– Я тоже это заметил. А главное – он не плесневеет и не гниёт. Ракета пролежала здесь океан времени, но одежда не сгнила. Перебирайте грибы, безжалостно срезайте любые пятна и червоточины, если наткнётесь. А я займусь кострищем.

Он выбрал две более или менее заостренные «доски», вырезал в более широкой части выемки, вбил их по обе стороны от веточно-дровяного шалашика. Пробрался «на склад» – в отсек ракеты, забитый багажом, отломал от стенки вертикальный металлический прут диаметром сантиметра два, которыми был оснащён весь отсек, и приспособил его в качестве перекладки кострища.

– Они все чистые, не червивые, – доложила помощница, закончив возиться с грибами.

– Отлично. Жаль, у нас лука нет.

– И соли.

– На первое время соль найдётся. – Максим достал из набора НЗ пакетик соли, лежащий рядом с пакетиком марганцевокислого калия, выдаваемого бойцам спецподразделений в качестве обеззараживающего средства. – А потом придётся переходить на местные солевые источники.

– Что вы имеете в виду?

– Дома мы заменяли соль смесью молотого перца и куркумы, она даёт почти такой же солевой эффект. По мере обживания найдём и здесь замену.

– Лук можно поискать в лесу.

Максим усмехнулся.

– Вряд ли в раю кто-то сажал лук и добывал соль. Но поискать можно. Вдруг повезёт?

Вернулись мужчины, осторожно неся в две руки «котелок» с водой. Обалдело уставились на вставшую в картинную позу Веронику.

– Выглядишь как вешалка на подиуме, – бестактно оценил её наряд Костя.

– Спасибо, знаток моды, – не обиделась девушка.

Вениамин Витальевич покосился на ботаника, красноречиво повертел пальцем у виска.

– Не верь ему, очень эротично.

– Благодарю, профессор.

– Ты это в ракете нашла? – поинтересовался Костя.

– Нет, с собой принесла.

– Ага, понял, тогда и я пойду пороюсь. – Он скрылся в аппарате.

Максим наполнил водой флягу, отлил литра два в полиэтиленовый пакет, отыскавшийся в рюкзаке, затем достал из ранца зажигалку, работающую на сжиженном газе, умело подпалил костёр. Мелкие веточки вспыхнули неярким оранжевым пламенем.

Подвесив «котелок» над огнём, Максим поворошил костёр, чтобы языки пламени не доставали до пластиковой дужки. Сказал наблюдавшему за его манипуляциями Вениамину Витальевичу:

– Поищите, пожалуйста, в ракете металлический прут потоньше или проволоку.

Учёный молча полез в трещину в корпусе «яйца».

Максим начал резать грибы на ломтики и бросать в «котелок».

Вода закипела.

Вернулся Вениамин Витальевич, неся в руках кольцо из металлической проволоки. Кольцо было диаметром в полметра, проволока – толщиной миллиметра в два.

– Больше ничего там нет, только такие кольца.

– Годится. – Максим с помощью ножа, имеющего у рукояти специальную выемку, с трудом, но перекусил проволоку, откусил кусок нужной длины, сделал концы крючками и заменил этой импровизированной дужкой нагретый чуть ли не до плавления шнурок.

Вода начала пузыриться, распространяя запахи грибов, как и положено, а также хлеба и почему-то картофеля.

– Вкусно пахнет! – невольно облизнулась проголодавшаяся девушка.

Из ракеты вылез Костя.

Его наряд оказался примерно таким же, что и на Максиме.

Оба были одного роста (при том что плечи майора были вдвое шире), поэтому штаны табачного цвета и такого же фасона были ботанику коротковаты, торс был затянут в красную «футболку», а сверху Костя нацепил нечто вроде пузырячатой ветровки из материала, похожего на слюду. На голову он водрузил «шляпу», с виду из рыбьей чешуи, но в форме груши.

Вероника прыснула.

– Ты похож на цыганского барона.

– Нравится? – повернулся вокруг оси ботаник.

– Тебя возьмут в любой театр.

– Ботинки подобрать не смог, там одни сапоги да ботфорты, причём явно не на человеческую ногу, а на лошадиную с приличным копытом. – Он принялся. – Вы хлеб жарите?

– Так грибы пахнут.

– Нас не найдут по запаху? Пахнет дымом и варевом.

– Мы на дне приличной воронки, – сказал Максим. – Ветер отсюда не дует. Да и дерево горит почти бездымно. Но ты прав, надо менять дислокацию. Не нравится мне соседство плохишей. Сварим грибы и потушим костёр.

– А на чём мы их жарить будем?

– Сегодня жарёнка отменяется. – Максим попробовал кусочек гриба, подцепив его кончиком ножа. – Ни масла нет, ни сковороды. В будущем придумаем, как готовить жаркое и грибные шашлыки.

– Помочь? – подошёл Вениамин Витальевич.

– Помощь не требуется, варево практически готово. А вы почему не переодеваетесь?

– Не люблю шарить по чужим сундукам.

– Напрасно, в вашем костюме постоянно потеть будете, в инопланетной одежде очень даже комфортно.

Археолог потоптался рядом с костром и забрался обратно в ракету.

Грибы варились почти час, изменив окраску с фиолетовой и рыжей на серо-зелёную.

– Можно есть, – объявил Максим, снимая «котелок». – Но вилка у нас одна.

– Я и руками могу. – Костя потёр ладонь о ладонь.

Появился Вениамин Витальевич, по-прежнему в своём экспедиционном костюме, испещрённом следами влаги и грязи. В руке он нёс пучок каких-то чёрных стержней, раздваивающихся на конце, как двузубая вилка.

– Вот, целую коробку нашёл. Не знаю, для чего они использовались, но пахнут железом, их можно использовать как вилки.

Костя взял один стержень, понюхал.

– Действительно, железо или сталь.

Максим принёс из аппарата сложенный на манер простыни чистый пакет, развернул на земле, выгрузил на него дымящиеся грибы, а остатками варева залил костёр.

– Ешьте.

Расселись вокруг импровизированной скатерти, начали пробовать грибы, сначала робко, поглядывая друг на друга, потом «вилки» заработали в ускоренном режиме.

Меньше всех съел Вениамин Витальевич, то ли опасаясь отравления, то ли вследствие природной умеренности.

Когда был доеден последний кусочек «рыжика», Максим объявил, глянув на потемневший небосвод:

– Всем спать! Вероника ляжет в переднем отсеке, я помогу ей устроиться, остальные в хвостовом. Посмотрите, что там можно приспособить под лежаки.

– А вы где ляжете? – спросил Костя с наивным подозрением.

– Снаружи, – отрезал майор. – Пять минут на неотложные процедуры. Дамы направо, кавалеры налево.

Пока спутники ходили «до ветру», он наломал верхушек «тростника», расстелил их слоем под боком аппарата, вытащил из отсека несколько пакетов «простыней», застелил ложе и устроил неплохую, приятно пахнущую постель.

– Я тоже тут бы лёг, – почесал затылок Костя.

– Делай сам, не возражаю.

Издали прилетели звуки выстрелов.

Все замерли, наострив уши.

– Не, я лучше в ракете посплю, – изменил своё решение молодой человек.

– Идёмте, я помогу вам соорудить лежак, – сказал Максим девушке.

Первый отсек, в котором когда-то обитал экипаж аппарата и располагался комплекс управления, при свете фонаря произвёл на Веронику мрачное впечатление.

– Здесь... неуютно, – передёрнула она плечами.

– Да, комфорта ноль, – согласился майор.

– Можно, я с вами снаружи лягу?

– Без проблем.

– Правда? – обрадовалась девушка и, поцеловав Максима в щеку, помчалась назад.

Он озадаченно потрогал пальцами щеку, представил, как целует Веронику... и возразил сам себе: губы-то не раскатывай, майор, она всё-таки племянница президента.

На устройство второй постели в двух метрах от первой ушло четверть часа.

Максим застелил ложе «простынями», пригласил:

– Прошу, мадемуазель.

– Благодарю, товарищ майор. – Вероника села на ложе, проведя рукой по «простыне». – Давно не спала на свежем воздухе.

Он протянул ей ещё одну «простыню».

– Вместо одеяла, не замёрзнете. Если что, принесу парочку.

– Не надо, – сказала она сонным голосом, буквально падая на спину. – Вы не представляете, как я...

Она недоговорила, но Максим понял, что она хотела сказать «как я устала»!

Из отверстия в корпусе аппарата высунулась голова Вениамина Витальевича.

– Мы устроились, спокойной ночи. Костя уже спит.

Максим прижал палец к губам.

– Она тоже.

– Приятных снов.

– И вам того же. – О том, что он собрался часа через четыре навестить компанию «борцов за свободу Африки», Максим решил археологу не говорить.

Через минуту он тоже спал, обняв винтовку и настроив сторожа организма на восприятие тонких вибраций.

Глава 15

Прыжок в ад

Вертолёт упал вниз сразу на пару метров, попав в воздушную яму, и Карапетян невольно ухватился за рукав сидевшего рядом Савельева. Ещё до полёта в Баир он предупреждал приятеля, что плохо переносит воздушные путешествия, однако со времени вылета из подмосковной Кубинки на военно-транспортном Иле и вплоть до нынешнего момента, совершив пересадку на вертолёт, ни разу не пожаловался на плохое самочувствие, хотя зеленел при болтанке и глотал воду из пластиковой бутылки.

Судьба новой экспедиции в Баир, предложенной физиком, решилась, к его удивлению, быстро. Ни Плащинин, возглавивший группу военспецов и учёных, ни начальник 4-го Управления Скорь не стали искать в идее Карапетяна следы популизма, дошли до директора ГРУ, и тот дал разрешение на секретную операцию, замаскированную под «научную экспедицию Египетской академии наук и Российского географического общества».

Гигантская машина Главного разведуправления Министерства обороны России, работавшая практически незаметно для непосвящённого, провернула свои механизмы связи, и экспедиция получила карт-бланш на проведение исследований местности в районе срединного течения реки Чуапы. Откликнулось на эту инициативу даже правительство Баира, пообещав всяческую помощь, хотя и предупредило о действиях в этом районе страны отрядов СОА.

Вертолёт – военный «Блю джет» канадского производства, вмещавший до двадцати человек пассажиров и полторы тонны груза, приблизился к реке Чуапе четвёртого октября в двенадцать часов дня по местному времени.

Всего в группу вошли четырнадцать специалистов разного уровня и специализации, среди которых были и Савельев с двумя своими помощниками, Плащинин, Карапетян, а также спец по НЛЮ Кондратюк. Остальные представляли разные военные ведомства и лаборатории Минобороны. Хотя паспорта имели вполне гражданские, в том числе удостоверения сотрудников РГО.

Из самолёта в столице Баира Тумботу Егор Леонович вышел бледно-голубой от болтанки над Атлантикой (обходили грозовой фронт) и сразу окунулся в горячий и плотный, как кисель, воздух Экваториальной Африки, насыщенный водяными парами. Он даже дышать не мог в первые секунды после выхода из самолёта, буквально глотая «кисельный» воздух ртом. Потом, конечно, чуть привык и в вертолёте уже чувствовал себя лучше.

При отлёте их ещё раз предупредили, что в Баире вот-вот начнётся сезон дождей, поэтому Плащинин торопил лётчиков и в кабине винтокрылой машины ещё раз объяснил всем, как следует решать поставленную командованием задачу. Каждому отводилась своя роль в этом процессе, а так как военно-политическая обстановка в Баире оставалась напряжённой, особое внимание уделялось слаженности и скорости работы. График исследований местности был очень плотным.

Вертолёт приземлился на берегу Чуапы через два часа после вылета из аэропорта Тумботу, в половине первого по местному времени.

Экспедиция Совбеза ООН уже свернула свои исследования, ничего не обнаружив, и убралась восвояси. Поэтому берег реки и поляна с двумя сиротливо стоящими палатками были пусты.

Над всем районом джунглей висел сплошной слой облаков, но дождь пока не начался, давая возможность прибывшим разбить свой лагерь.

– Выгружаем сначала жильё и запасы пропитания, – объявил Плащинин. – Потом контейнеры с аппаратурой и дронами. Воду из реки не пить, ходить только парами.

– Помним, – проворчал мрачно настроенный специалист по НЛЮ.

В кабине вертолётá он подсел к Карапетяну и долго выяснял у него подробности М-теории в части взаимодействия суперструн и бран. Неизвестно, добился он ясного понимания процесса или нет, но, судя по угрюмости широкого лица, бородач остался при своём мнении.

Выгрузили палатки, установили. Занялись оборудованием и аппаратурой, после чего вертолёт улетел.

Четверо из посланцев Минобороны вооружились автоматами «АК-12» и заняли определённые места для охраны периметра. Для них были установлены специальные стационарные зонты.

Сергей Макарович развернул с помощью своих подчинённых комплекс спутниковой связи, антенна которого поднималась на воздушном шаре на высоту в сто пятьдесят метров, и таким образом связь с базой в Конго и центром управления в России можно было поддерживать не только во время пролёта спутника, но и практически непрерывно.

Карапетян тоже не сидел сложа руки. Вместе со специалистами Минобороны он распаковал контейнеры с комплексами датчиков и компьютерами и поучаствовал в создании единого центра анализа полевой обстановки в районе лагеря. Кроме того, он лично расставил по периметру поляны антенны разного рода приборов для поиска полевых аномалий и эффектов, а также протестировал компьютер, получивший имя Академик, способный рассчитать даже параметры экзотических ядерных взаимодействий. Именно такие компьютеры управляли нынче сложным хозяйством Курчатовского ядерного центра в Москве.

Затем спустя два часа и обеденный перерыв началась собственно работа. Каждый занялся своим делом.

Плацинин доложил в Москву, что всё идёт по плану, и получил прогноз погоды на ближайшие два дня; в северных районах Баира дожди уже начались. Генерала заверили в том, что передвижения боевиков СОА в данном районе спутники не наблюдают, и он счёл это благоприятным признаком успешного завершения операции.

Карапетян оставил свой пост в палатке с компьютером, взял дозиметр и направился к ближайшей круглой яме диаметром около пяти метров и глубиной в полметра.

Сергей Макарович, возвращавшийся с берега реки, присоединился к нему.

– Как самочувствие, Егор?

– Нормально, – отмахнулся физик, действительно в суматохе последних часов забывший о недомогании. – Если пойдут дожди, наши шансы найти портал увеличатся.

– Тю! – удивился Савельев. – Я думал, наоборот, дожди помешают работать.

– Во время дождей меняется электризация атмосферы, пролёт элементарных частиц в этом статическом поле создаст треки, которые можно отследить.

– При чём тут элементарные частицы?

– Я имею в виду нейтрино и гравитоны. Их потоки будут уменьшаться при попадании в канал, соединивший браны.

– Но ведь для регистрации нейтрино нужны огромные подземные резервуары с раствором соли, а гравитоны вообще невозможно поймать, даже БАК⁵ их не видит, я читал.

Егор Леонович улыбнулся.

– Ты отстал от передового фронта науки, полковник. И нейтрино научились видеть без огромных резервуаров, и гравитоны поймали, хотя их можно засечь только по вторичным эффектам кварк-глюонных взаимодействий.

– Ладно, тебе виднее, не буду спорить. А ямки эти кто сделал?

– Ямки как раз подтверждают мою гипотезу. Помнишь, я сравнивал браны с бутербродами, намазанными мёдом? Что будет, если прижать бутерброды друг к другу слоем мёда, а

⁵ БАК – Большой адронный коллайдер, ускоритель частиц, построенный на границе Швейцарии и Франции.

потом начать разделять? Потянутся липкие медовые нити, какое-то время соединяющие бутерброды.

– Куда же они исчезли, эти нити?

– Процесс лишь напоминает прилипание кусков хлеба с мёдом. На самом деле он намного сложнее.

– Почему ты уверен, что одна липкая медовая нить сохранилась?

– Может быть, и не сохранилась. Но я верю своим расчётам и, – Егор Леонович посмотрел в глаза приятеля, – интуиции.

– Я могу чем-то помочь?

– Боюсь, что нет.

– В любой момент обращайся, особенно если заметишь что-нибудь необычное. Вам всем выдали рации, носи её всё время с собой.

– Зареву, как медведь, если увижу, – с улыбкой пообещал Карапетян.

– Не перепугай местных крокодилов, – пошутил Сергей Макарович.

К разговаривающим подошёл озабоченный Плащинин, одетый, как и все участники экспедиции, в походный костюм «Экватор», отблёскивающий перламутром.

– Ни черта здесь нет, господа-товарищи. Куча народу побывала, затоптала все следы.

– Искомые нами следы затоптать невозможно, – уверенно сказал Егор Леонович.

Глава 16

Сон и засада

Лес внезапно расступился, и он оказался на краю чёрно-бордовой холмистой пустыни, тянущейся до неблизкого размытого горизонта. Неизвестно, по какой причине пустыня имела такой цвет. Возможно, вся растительность на ней сторела, возможно, она была сложена из пород красного, чёрного и серого цвета. Но смотреть на неё было страшновато и неприятно, как на незарубцевавшиеся раны на теле человека. Поражали масштабы этого природного катаклизма: сожжённая земля уходила вправо и влево до тусклой бесконечности, и точно так же пустыня простиралась вперёд на тысячи и тысячи километров, пока не превращалась в туманно-красную полосу.

И ещё одна деталь пейзажа тревожила душу: перед пустыней, как войско перед врагом, стояли три цепи «мангров», так же уходя шеренгами вправо и влево до предела видимости.

Внезапно пустыню потряс громовой удар!

На лес позади Максима покотился глухой подземный гул.

Порыв ветра сорвал с вершин чёрно-красных барханов потоки пыли и понёс на лес. Резко стемнело! Потоки пыли приобрели осмысленные формы жутких многоголовых монстров, драконов и змей. Одна из них обратила внимание на человека, метнулась к нему, и он проснулся, почувствовав, что кто-то гладит его по плечу.

Подхватился.

Вероника!

Рука отпустила винтовку.

– Что случилось?

– Вы застонали, – несмело проговорила девушка. – Плохой сон?

Он вспомнил багрово-чёрную равнину, пыльные смерчи, покачал головой.

– Не могу сказать, что совсем уж плохой, скорее странный и с намёком.

– Погоня?

Он снова качнул головой, сделал глоток воды.

– Пустыня... но не такая, какие встречаются на Земле.

– А какая?

– Ты была в Каракумах?

– Не довелось, была на краю Сахары, в экспедиции.

– Каракумы переводятся как «чёрные пески», но они скорее тёмно-серые, а не чёрные, однако на юго-востоке пустыни действительно есть участки с чёрными барханами с оранжевыми проплешинами. Мне приснились именно чёрные барханы с красными верхушками, но это совсем не Каракумы.

– А что вы делали в Каракумах?

Максим подхватился на ноги.

– Участвовал в испытаниях «Ратников» нового поколения.

– Это оружие?

– Это спецкостюмы для диверсионных спецподразделений. В них встроены системы лазерной и наномаскировки, а сами они созданы из метаматериалов, использующих поляризационный эффект.

– У вас в ракете такой же?

– Нет, это стандартная экипировка американского спецназа, называется «Хамелеон», оборудованная пиксельной маскировкой. Нас снабдили ими на тот случай, если... – Он запнулся.

– Если вас возьмут в плен? – догадалась Вероника.

– Нас трудно взять в плен, – улыбнулся Максим. – Однако приходится учитывать случайные отклонения от плана операции и всякие форс-мажоры.

Он глянул на сумрачное небо, постепенно затягиваемое косами облаков в преддверии ночного дождя, начал собираться.

– Вы к ним? – кивнула девушка на верхнюю кромку леса, подразумевая боевиков СОА.

– Да, – коротко ответил он.

– Всё-таки разрешите мне пойти с вами.

– Во-первых, давай на «ты».

– Хорошо, я не возражаю.

– Во-вторых, как бы ты ни была подготовлена, – он хмыкнул, – к соревнованиям по лыжам, этого маловато для тех мероприятий, которые необходимы в данной ситуации. Согласна?

– Ну... да...

– Мне придётся отвлекаться на твою защиту, а боевики не станут разбираться, кто к ним пришёл. Это настоящие головорезы, в психике которых нет жалости к поверженным врагам и даже просто к людям. Чёрные бандиты ничуть не лучше белых.

– Я понимаю.

– Вот и отлично.

– А в вашем спецназе служат женщины?

– Немало, особенно в системах обслуживания. Но есть и в активных подразделениях. Я вернусь часа через три, к рассвету. Если наши соратники проснутся, передай им мой приказ: никуда не отлучаться!

– Передам.

На этот раз Максим не стал идти в разведку налегке. Натянул «Хамелеон», показал Веронике, как работают системы маскировки: костюм мгновенно приобретал цвет объектов природы, создавая при этом хаотическую сетку пятен, делавшую бойца незаметным на расстоянии в десять-пятнадцать метров.

– Здорово! – прошептала восхищённая девушка.

– Наши «Ратники» ещё более совершенны. Ты не заметила бы меня даже в метре.

Ни рюкзак, ни НЗ он брать с собой не стал. К винтовке добавил нож и мачете, а шлем и так был снабжён устройством ночного видения и органайзером. Дополнительных средств наблюдения типа биноклей, отдельных раций, систем опознавания в этом рейде не требовалось.

Через минуту он проглотил таблетку медиатора, повышающего мышечный тонус, бесшумно взобрался наверх и исчез для Вероники, как привидение. Российский спецназ умел двигаться быстро и тихо в любом районе Земли и на любом ландшафте.

Пять километров до излучины реки, где боевики разбили лагерь, он преодолел за полчаса бега среди колонн гигантского леса. Замер, увидев знакомую оплывшую тушу «баобаба». Прислушался к царящей за стеной кустарника и «тростника» тишине. Ветерок принёс слабый, но отчётливый зловонный запах. Африканцы не позаботились о создании единого отхожего места, опорожнялись где придётся, и теперь весь лагерь, наверно, провонял запахами испражнений.

Не заметив ничего подозрительного, Максим тенью перенёсся к крайнему левому «баобабу», замыкавшему цепь собратьев, отгораживающих своеобразный полуостров от остального леса, и шмыгнул к берегу, чтобы зайти со стороны катера.

Боевики спали, не позаботившись о часовом, и это насторожило Максима. Он стал двигаться медленнее и осторожнее, не прибегая пока к помощи аппаратуры шлема. Видно всё и без найт-очков было хорошо, так как местная ночь не дотягивала чернотой, например, до сочинской.

Костёр перед шалашами не горел, но ещё дымился. Пахло дымом и палёной шерстью. Африканские пощаданцы продолжали охотиться на местных непуганых зверей и питались мясом.

К запаху горелой шерсти примешался аромат жареного мяса, углей, мочи и перегара: видимо, на катере либо у лётчиков был запас спиртного, скорее всего виски, и «повстанцы» не преминули им воспользоваться.

Максим перелетел открытое пространство под защиту носа катера, на мгновение поднял голову над бортом.

На палубе, раскинув руки и ноги, храпели два полуголых здоровяка.

Под палубой, в трюме, было тихо. Пленники, очевидно, спали.

На миг в душе майора шевельнулась жажда действия: убить боевиков, выпустить пленников и переправить их на другой берег реки. Но миг гнева прошёл, и Максим оставил эту затею. Спонтанные решения не всегда приводили к положительным результатам, тем более что он не был уверен в решительности и мудром поведении членов археологической экспедиции. Вероника говорила, что ни один из иностранных специалистов не согласился совершить побег.

Максим скользнул к вертолёту, поблагодарив бога за то, что африканцы не вытоптали всю траву.

Пилоты спали рядом со своей машиной, от которой разило бензином и нагретым металлом. Они вытащили из десантного отсека плоские сиденья, разложили и создали два лежачка, покрытые травой и чехлами от парашютов. Оба спали тихо, но явно под воздействием алкоголя.

Снова мелькнула мысль ликвидировать американцев и угнать вертолёт. И снова Максим по зрелом размышлении отнёс её. Двигатель «вертушки» приходит в режим работы не мгновенно, ждать придётся не меньше минуты, пока будут раскручиваться винты, и проснувшись «борцы за свободу Африки» не дадут шанса взлететь. Даже если использовать пулемёт в кабине или подвесные НУРы.

Максим обошёл лагерь, анализируя местоположение боевиков, в большинстве случаев спящих прямо на траве возле палаток. Они уже поняли преимущества здешнего климата перед родным африканским, оценили отсутствие насекомых и почувствовали себя в полной безопасности. Если бы бойцы группы были в настоящий момент с командиром, отправить на тот свет всю сволочную бандитскую коблу не составило бы труда.

Тем не менее Ребров составил общую картину и наметил основные шаги по выполнению плана освобождения пленников. Достаточно было убрать охранников на катере и, если ликвидация пройдёт удачно, направить беглецов через реку. Оставалось только каким-то образом предупредить их о возможности побега. Тот, кто засомневался бы в успехе мероприятия, мог остаться на катере.

Удовлетворённый добытой информацией, Максим двинулся было к реке, потом решил срезать угол и шмыгнул наискосок через поляну, замирая за кустами после каждой пятиметровой пробежки.

Он бы, наверно, смог пересечь и весь «полуостров», заполненный храпом чернокожих мужиков, если бы не задел какую-то натянутую низко в траве верёвку за шалашами и палатками. Лишь потом, анализируя ситуацию, он вспомнил, что африканцы и жители Южной Азии часто использовали такие приспособления, служащие сигнальными фалами, обводя ими временные жилища, и это давало им возможность вовремя отреагировать на приближение врага.

В самой большой палатке кто-то шевельнулся.

Максим припал к земле, затаив дыхание, решая, что делать дальше: дожидаться выхода проснувшегося боевика или метнуться напрямик к не вырубленной полностью стене «тростника».

Звуки из палатки перестали доноситься.

Максим отступил, сдерживая желание опередить противника выстрелом по палатке. Пришлось двигаться осторожно, поглядывая под ноги, чтобы не нарваться на какой-нибудь африканский сюрприз вроде ловушки с петлёй из лианы. На преодоление полусотни метров ему из-за этого потребовалось три минуты вместо десяти секунд, если бы он взял темп.

Стена «тростника» сомкнулась за его спиной.

Он ускорил движение, выбирая уже протоптанные до него тропы, вышел к цепи «баобабов» – и едва успел подставить плечо под удар, нанесённый справа, из сгущения темноты. Удар был такой силы, что, попади толстая суковатая палка по голове, не спас бы и шлем. Максима отнесло на пару метров в «тростниковую» крепь, и тотчас же на него набросились двое, запакованные в пятнистый камуфляж.

Винтовка в этом бою оказалась лишней, и он выпустил её из рук, отбиваясь от ударов, сыпавшихся на него со всех сторон. Мощь одного из противников он оценил спустя пару секунд, когда африканец сжал его руки, как клещами, и начал их выламывать, в то время как его напарник молотил майора локтями и кулаками по груди, норовя попасть по голове. Боевик, сжавший Максима, обладал невероятной силой и был существенно тяжелее, что усугубляло неприглядное положение майора. И хотя он ненамного уступал противнику в габаритах и силе мышц, всё же не мог сбросить его с себя, уворачиваясь от ударов второго «борца за свободу Африки». Получив удар в ухо, сорвавший с головы шлем, Максим озверел, усилием воли перешёл в «бессозналку»: сознание только мешало инстинктам и рефлексам бороться в ускоренном режиме, – и удачно сломал великану палец.

Африканец гортанно вскрикнул, слегка ослабил зажим.

Максим ударом колена отбросил второго боевика, и в этот момент раздался тихий треск, напоминающий щелчок плетью, и отброшенный африканец упал в траву лицом вниз.

Гигант, противник Максима, замер на мгновение, и Максим воспользовался моментом, нанёс ему удар локтем правой руки в живот, вывернулся из захвата.

Однако африканец не стал продолжать схватку, оценив новую опасность. С быстротой молнии он отпрыгнул к «баобабу», сделал ложное движение влево, вызывая выстрел неведомого соратника Максима, а сам бросился вправо, скрываясь в зарослях «тростника». Послышался его зычный крик:

– Каунда, матарезе!

Мрак в пятнадцати метрах от Максима вылепил плывущую призрачную фигуру неопределённых очертаний. Послышался хриплый шёпот:

– Командир, это я! Сюда!

Максим подобрал винтовку, шлем, метнулся прочь от цепи «баобабов», встречаясь с «призраком».

– Дом?!

– Он!

Это и в самом деле был лейтенант Жора Редошкин по кличке Дом, у которого был американский М4 с насадкой для бесшумной стрельбы.

– Я тут уже часа четыре околачиваюсь, – сообщил Редошкин. – Думал, ты где-то у них в плену.

– Не повезло, – сказал Максим, прислушиваясь к нарастающему в лагере шуму. – Уходим!

– Куда?

– У меня есть неподалёку база.

– А эти мракобесы как же?

– Ещё вернёмся.

Удивлённый лейтенант не нашёлся, что сказать в ответ, и последовал за командиром.

Через несколько минут они были далеко от разворошённого муравейника «борцов за свободу «Африки».

Глава 17

Надежда на дождь

Дождь начался после полудня, не очень сильный, но неприятный и нудный. Разумеется, это резко осложнило жизнь членов экспедиции, сузило возможности аппаратуры по изучению местности и снизило активность группы, особенно в части визуально-оптического наблюдения.

Почти все забрались в палатки, и на поляне остались только охранники лагеря, защищённые плащ-накидками.

Разочарованный скорым изменением погоды Плащинин доложил в Москву о начале работ, используя воздушный шар с антенной, поднятый выше облаков, и принялся уточнять у Карапетяна детали поиска «червоточин» по тонким полевым эффектам.

Егор Леонович, занятый настройкой аппаратуры, отвечал на вопросы скупо, чем совсем привёл в уныние начальника экспедиции, после чего тот вызвал в свою палатку Савельева и поинтересовался у полковника, верит ли он в сумасбродную идею физика.

– Я верю в его великолепный ум, – ответил Сергей Макарович. – Не было случая, чтобы идеи Егора не оправдались и чтобы он подвёл кого-нибудь. Да, гипотеза о канале, связывающем нашу брану... ммм, Вселенную с соседней, достаточно необычна, но ведь и происшествие с нашей группой и экспедицией ЮНЕСКО не менее фантастично. Тем более что других идей нет.

– Кондратюк продолжает утверждать, что здесь побывал НЛО.

– Это его работа. Он на НЛО зубы съел и докторскую защитил, поэтому и отстаивает свою идею. Но ведь нет ни одного доказательства, подтверждающего прибытие инопланетян.

– Дырки в земле – следы посадочных лап.

– Бред! – махнул рукой Сергей Макарович.

– Почему? – удивился начальник информационного управления. – Вполне логичный вывод после взвешивания всех данных. Даже Геннадий Дмитриевич склоняется к этой идее.

– Просто потому, что больше не на кого свалить причины исчезновения ДРГ.

– Но и у вас, кроме сумасшедшей гипотезы Карапетяна, нет ничего реального?

Сергей Макарович пожевал губами, нехотя кивнул.

– Голова пухнет, если честно, и всё-таки я склонен верить Егору. У нас есть шанс, и...

– Им надо пользоваться, – усмехнулся Плащинин. – Знаю я вашу мантру.

В палатку вошёл Кондратюк в мокрой плащ-накидке, отряхнулся, откинул капюшон.

– Противная погода, хуже нашей осени. Температура плюс двадцать два и дождь! – Кондратюк скинул тёмно-зелёную накидку. – Потеешь как в бане, а раздеться нельзя. Даже в дождь какие-то мошки вьются.

– Москиты, – сказал Плащинин.

Специалист по НЛО посмотрел на Савельева.

– Ваш друг молчит? Что он собирается измерять?

– Спросите у него, – пожал плечами Сергей Макарович. – Вряд ли эффект взаимодействия бран будет виден визуально.

– Бран, – усмехнулся Кондратюк. – Придумали же словечко – корень слова «браниться». Такая же бредятина, как и вся теория суперструн. Никаких «кротовых нор» и «червоточин» не существует, это досужие вымыслы теоретиков. Но есть реальные следы посадки НЛО, их и следует изучать в первую очередь.

– Будем изучать всё, что находится в радиусе километра от лагеря, – сказал Плащинин. – Тарас Гаврилович, прошу вас присоединиться к группе Карапетяна, ваш трезвый взгляд на вещи будет очень востребован.

– Позвольте мне присоединиться к военспецам, – пробурчал Кондратюк. – Челидзе меня понимает лучше и поддерживает мою точку зрения.

Он имел в виду доктора физико-математических наук, заведующего лабораторией радиоуглеродного анализа одной из исследовательских структур Минобороны.

– Нет, работать будете с Карапетяном, – возразил Плащинин. – Можете общаться с кем угодно, однако помогать будете Егору Леоновичу.

Кондратюк вытер мокрое лицо платком, кинул взгляд на Савельева, отвернулся к установленному в палатке кофе-автомату.

– Хорошо. Кофе можно?

– Разумеется, Тарас Гаврилович, могу предложить армянского коньячку для поднятия духа, захватил с собой, – генерал кхекнул, – для обеззараживания. Вы правы, африканские джунгли – это настоящий ад, хотя и здесь живут люди.

– Вы не видели ада бразильской сельвы, – сказал Савельев. – Даже аборигены не отваживаются уходить в ее глубины надолго.

– Вы там были?

– Случалось в молодые годы.

– Я помню, – кивнул Плащинин. – Вытаскивали упавший в сельву военный спутник.

Сергей Макарович промолчал. Воспоминания о прыжке в ад бразильского леса были не самыми приятными в жизни, и говорить об этом не хотелось.

Кондратюк включил кофемашину, сделал эспрессо, не предлагая остальным. Сел на брезентовый раскладной стульчик.

– Судя по дыркам от посадочных рычагов, – сказал он, – корабль пришельцев был очень большой. Странно, что его не заметили радары американцев. В Судане стоит их «Око Саурана», как они называют свою РЛС дальнего обнаружения ARSR-4, она должна была засечь посадку НЛО.

Плащинин и Савельев переглянулись.

– А если всё-таки Егор Леонович прав? – поднял бровь генерал.

– Он теоретик, – позволил себе пренебрежительную кривую ухмылку Кондратюк, – я практик, а от теории до практики дистанция огромного размера, как от России до Африки и дальше.

Плащинин засмеялся.

Савельев поморщился, но спорить с «практиком» не стал. На душе было муторно, словно он кого-то обманул и теперь вынужден был скрывать обман от других. Чтобы развеяться, он вышел из палатки начальника экспедиции, накинул капюшон плащ-накидки.

Небо над джунглями имело вид сплошной туманной пелены. И хотя ливнем морозящий мелкий дождь назвать было нельзя, стоять или гулять под ним по чужой природе не хотелось категорически. Мелькнула мысль: может быть, этот дождь и в самом деле позволит выявить присутствие иномерианы, если она реально соединяет Вселенные-браны? Ведь не один Карапетян изучает это явление, пусть и теоретически. Да и сколько зафиксировано таинственных исчезновений людей по всему земному шару? Сотни, если не тысячи. Так почему бы не проявиться этому эффекту здесь?

Сергей Макарович поднял голову.

Дождь сыпанул ему в лицо пригоршню крупных капель.

Запищала рация в кармане плаща.

Полковник поднёс к уху кругляш с хвостиком, называемый в просторечии головастиком, надвинул капюшон пониже.

– Слушаю.

– Серёжа, подойди! – послышался глуховатый голос физика. – Побыстрее.

Сердце заработало сильнее.

– Нашёл?!

– Не знаю.

– Иду! – Савельев развернулся к палатке с аппаратурой.

Глава 18

Не райские заботы

Погони не было, и они, попетляв между внушительными колоннами «секвой» пару километров, перешли на шаг.

– Командир, – догнал Максима Редошкин, – что происходит? Где мы оказались?

Максим остановился, сдвинув шлем за спину и наострив уши.

– Твоя рация работает?

– Тихо шелестит и всё, глухо как в танке. Я сто раз вызывал тебя и ребят, никто не отозвался.

– У меня то же самое. Что-то случилось с рациями, когда нас бросило сюда, связь не работает.

– Куда нас бросило? Почему мы оказались в таком великаньем лесу?

Максим перестал прислушиваться к затихающему шуму в лагере боевиков, глянул на небо. Рассвет уже начался, светило возвращалось из дальних странствий, но до его появления было ещё часа два.

– Идём, по пути расскажу свою версию.

– Куда ты меня ведёшь?

– Я нашёл чужую разбитую ракету в пяти километрах отсюда и превратил её в базу. Нас там ждут.

– Кто?

– Обо всём по порядку. – Максим поведал лейтенанту историю своего «выпадения» на лес, встреч с африканцами и спасения российских специалистов экспедиции ЮНЕСКО. Рассказ длился полчаса, с перерывами, пока спецназовцы ГРУ бесшумно бежали по лесу и останавливались на несколько секунд, чтобы убедиться в отсутствии погони.

– Жесть! – выдохнул Редошкин, когда майор закончил. – И где мы, по-твоему?

– В параллельном измерении, – усмехнулся Максим, останавливаясь перед цепочкой «баобабов», охраняющих воронку с ракетой, которых Костя назвал плантоидами.

– Обалдеть! И где это измерение? На Марсе?

– Боюсь, намного дальше. – Максим подумал. – Или, наоборот, ближе.

– На Луне?

Максим не ответил, уловив тихие голоса, донёсшиеся снизу.

– Потом поговорим. Внизу лежит разбитая ракета.

– Чья? Американская или китайская?

– Ни то, ни другое. Наши сбежавшие соотечественники сейчас прячутся там. Незаметно спустимся и послушаем, о чём они разговаривают. Похоже, мужики проснулись.

– А есть ещё и женщины?

– Одна девушка, увидишь.

Спустились на дно кратера, как призраки, выбрав сторону ракеты, противоположную дырке в корпусе.

Обитатели «базы» действительно не спали.

Мужчины выбрались из аппарата и прохаживались туда-сюда у постели Вероники, на которой сидела девушка. Был слышен голос Кости, говорившего неприятным сварливым тоном. Максим прислушался.

– Подумаешь – снайпер, – бубнил ботаник раздражённо. – Любой дурак из снайперки выстрелит. Твой майор – качок, но абсолютно не интеллектурал, он даже три слова связать не может, солдафон несчастный. Только и умеет, что права качать да командовать.

– Он командир спецгруппы, – возразил Вениамин Витальевич. – Звание майора за красивые глаза и мышцы не дают.

– Просто у него хорошие связи, небось родич генерал какой-нибудь, а то и повыше.

– Ага, родной дядя отправил племяша в самое пекло – в спецназ служить, где в любой момент можно пулю схлопотать.

– Да он, наверно, и не был дальше МКАД.

– Злой ты, Костя, – тихо проговорила Вероника. – Несправедливый и завистливый.

– Станешь тут справедливым, если никакой тебе свободы не дают.

– Ради твоей же пользы. Дай тебе свободу – уже привёл бы бандитов.

– Ни фиги не привёл бы, – окрысился ботаник. – Я не хуже его умею форс держать.

– Форс держать ты можешь, – согласился Вениамин Витальевич, – да делать ничего толком не умеешь, не из того места голова и руки выросли.

– У вас из того.

– Прекрати! – рассердилась девушка. – Как ты с профессором разговариваешь? Никуда ходить не велено. Ещё ночь не кончилась. Максим вернётся, тогда и обратишься к нему.

– Ты уверена, что он вернётся? А может, он давно сбежал подальше отсюда.

– Да как ты смеешь?! Замолчи!

– Ты мне не указ.

Максим поднял вверх кулак, чтобы напарник увидел жест, и неслышимой струёй воздуха облетел корпус аппарата, появляясь перед собеседниками.

– Ох! – попятился Костя, спотыкаясь и приземляясь на пятую точку.

– Куда-то собрался?

– Отлить! – с вызовом бросил молодой человек.

– Он хотел взрезать один «баобаб» и попробовать его сок, – хмуро сказал Вениамин Витальевич, единственный, кто так и не переоделся в инопланетную одежду.

– У нас же есть вода.

– До реки полкилометра топать, – сказал Костя, поднимаясь. – А если там бандиты в засаде сидят?

В шаге от него возник полупрозрачный силуэт, превратился в человека в сетчато-пятнистом комбинезоне и шлеме.

Костя снова испуганно отшатнулся, но устоял.

Вероника вскочила.

Вениамин Витальевич остался на месте, видя, что гарант безопасности отряда не берётся за оружие.

Редошкин откинул забрало шлема.

– Привет, орёлики! Ответственно заявляю: бандиты остались на своей хазе, их численность сократилась.

– Кто это?! – округлила глаза Вероника.

– Знакомьтесь, – сказал Максим. – лейтенант Егорий Редошкин.

– Можно просто Жора, – шаркнул ногой боец.

– Как он здесь оказался? – спросил археолог.

– Так же, как и все мы. Похоже, группу разбросало по лесу, а рации почему-то не работают. Будем искать друг друга. Шансы на освобождение остальных пленников увеличатся ещё больше. Дом, это Вероника, Костя и профессор Маркин Вениамин Витальевич.

– Очень приятно, – вежливо сказал Редошкин.

– Есть хочешь? – спросил у него Максим.

Редошкин сделал глотательное движение.

– Было бы неплохо, хотя у меня ещё остались две палеты говядины. Воду я в реке набрал. – Редошкин коснулся висевшей на поясе фляги. – А вчера наткнулся на малинник, наелся до отвала.

– Точно малинник, не земляничник?

– Не, малина – во! – Лейтенант показал кулак. – Я такой никогда не видел! И вкусная.

– Мы нашли земляничник, – сказала Вероника, – и тоже с очень большими ягодами.

Одной наесться можно.

– Не преувеличивай, – проговорил Вениамин Витальевич.

– Значит, мы попали в рай, – хохотнул Редошкин. – Обратили внимание, что здесь нет ни комаров, ни гнуса?

– Обратили, – пришёл в себя Костя. – Здесь не только комаров нет, но и птиц, и рыб.

Очень странная экология, если не сказать больше. Непонятно, как они размножаются.

– Кто?

– Деревья, кустарники, трава. Пока что мы не встретили лугов, а в лесу цветов не видать, что тоже странно. Я бы давно уложил все факты в систему, да он не даёт. – Костя мотнул головой на Максима.

– Всё не так просто, – сказал Максим в ответ на взгляд лейтенанта. – Пока у нас под боком орудует банда чернокожих беспредельщиков, исследовать лес опасно.

– Да что тут опасного! – возмутился ботаник. – Я не собираюсь возвращаться в лагерь.

– Вот-вот, ему всё нипочём, – буркнул Вениамин Витальевич. – Анархистом вырос, никого не слушает, только себя.

– Ладно, закрыли тему, – сказал Максим. – Сейчас готовим завтрак, грибы ещё остались, всем хватит, потом обсудим положение и составим план действий.

– Вы грибами питаетесь? – удивился Редошкин.

– Вчера ужинали, вкусно, – сообщила Вероника.

– Я побоялся попробовать, хотя встречал не раз.

– Пойду переоденусь, – сказал Максим. – Не хочешь снять с себя эту халабуду? Наверно, ни разу не снимал?

– Мылся в реке, так ведь переодёжку мы с собой не брали.

– Здесь всё есть, идём. К тому же надо беречь энергоресурс, аккумуляторы сядут, и наши «Хамелеоны» превратятся в обычные комбезы. Вениамин Витальевич, сможете ещё раз сходить за водой?

– Надо – сходим.

– Берите котелок.

Костя глянул на археолога недовольно, однако спорить не решился.

Мужчины взяли давешний «котелок» и ушли.

– А ты подготовь костёр, но пока не разжигай, – попросил Максим Веронику.

– Ой, конечно, сделаю, – оживилась девушка.

Максим увёл соратника в аппарат, показал отсек с «вещевым складом». Тут же переоделся сам в свой прежний «интуристский» костюм.

Редошкин копался в стенных сотовых шкафчиках недолго. Выбрал такие же коричневые штаны, что и Максим, полосатую чёрно-жёлтую «футболку» и пузырчатую «безрукавку», превратившую его в огромное насекомое без крыльев. Вылезли из ракеты. Редошкин поднял руки вверх перед сидящей на корточках девушкой.

– Как я тебе?

Она перестала хлопотать у кострища, вскочила, прыснула, зажала рот ладошкой.

– Извините.

– Что, такой страшный? – засмеялся лейтенант.

– Жужелица, – прокомментировал Максим.

– Вы не страшный, вы смешной, – призналась Вероника.

Редошкин не обиделся.

– Зато нигде не жмёт и материал мягкий. Удивительно, что в этом драндулете обнаружился запас одежды.

– У нас родилась идея, что ракета принадлежала каким-то космическим торговцам или контрабандистам. Причём похожим на людей.

– Может, это какие-нибудь азиаты?

– Нет, по многим признакам аппарат сконструирован не на Земле, хотя и похож на ракету, созданную инженером Лосем из романа «Аэлита». Заклёпки, рычаги, форма кресел, всё такое прочее. К тому же и ноги у пилотов были не человеческими, скорее всего. Мерил обувь?

– Нет, я свои берцы ни на что не променяю.

– Ну вот.

– Значит, здесь есть цивилизация?

– Не уверен, пока что ракета – единственный технологический объект в Заповеднике.

Больше мы никого не видели и не встречали.

– В заповеднике?

– Мы пришли к выводу, что лес является заповедником невиданных масштабов. А роль опылителей, кстати, о чём заговорил наш многоуважаемый ботаник, заменяют здесь бабочки, пчёлы и муравьи. Не совсем бабочки, если приглядеться, и не совсем муравьи, но похожи.

– Я видел муравейник. Только слепили его не муравьи или термиты, а огромные многоножки.

– Вот-вот, муравьи здесь имеют именно такой вид. Мы в другом мире, Жора, но где точно, сказать невозможно. В Солнечной системе, насколько я знаю материал, таких планет и лесов нет.

– Расскажу своим братьям и друзьям – не поверят.

– До этого ещё дожить надо.

Редошкин оглянулся на тушу ракетного корабля в форме яйца.

– Да-а! Шизануться можно! Командир, ты хорошо осматривал эту посудину?

– А что?

– Может, там ещё чего полезного немало.

– Пошарь, если есть желание, только кнопки не нажимай и за рычаги не дёргай.

– Единственный рычаг, за который я дёргаю, – это курок винтаря. – Редошкин скрылся в аппарате.

Стало светать.

Максим с Вероникой распалили костёр.

Вернулись водоносы.

– Никого не видели? – встретил их вопросом Максим.

– Кажется, оленя, – сказал Костя. – Я хотел подойти поближе, сфоткать для науки, но профессор не разрешил.

– Правильно сделал.

– А где ваш боец?

– Изучает ракету.

– Можно я к нему присоединюсь?

– Да ради бога!

Костя нерешительно потоптался у костра, подумал, но в ракету не полез.

Грибы варились полчаса. Запахло «хлебом» и «картошкой».

– Чайку бы... – заикнулся Вениамин Витальевич. – Или компотику.

– Продовольственную проблему будем решать немного позже, – пообещал Максим, взглядом благодаря девушку за помощь. – Компот сварим из местной земляники и малины, раз она тут, по словам Жоры, встречается.

– Говорю же – ягоды с кулак! – подтвердил появившийся Редошкин.

– Здорово, я люблю малину, – заявил Костя и застыл с открытым ртом, увидев наряд лейтенанта. – Вы теперь вылитый инопланетянин.

Редошкин не обратил на реплику внимания. В руках он нёс нечто напоминающее немецкий фаустпатрон времён Великой Отечественной войны.

– Командир, посмотри, не гранатомёт ли?

Подожли Вениамин Витальевич и Вероника.

Максим взял в руки «фаустпатрон», весивший килограммов восемь, не меньше, обнаружил на торце ручки два выступа – чёрного цвета и вишнёвого.

– Это, наверно, пусковая кнопка. – Костя ткнул в чёрный выступ пальцем.

Максим едва успел отклонить рукоять непонятного изделия.

– Не касайся! А если это взрыватель?

– Может, это и не гранатомёт вовсе, а какой-нибудь осветитель или заборник для проб.

– В любом случае надо действовать осторожнее, сначала головой и только потом руками.

– Испытаем, – предложил Редошкин.

– Если это граната, взрыв услышат боевики. Испытывать будем подальше отсюда. Там ещё есть такие штуки?

– Целая ячейка, штук двадцать.

– Завтракаем и обдумываем ситуацию.

– Побриться бы... – Лейтенант провёл пальцами по заросшей щетиной щеке.

– Нож дать?

Редошкин понял намёк, поднял руки, отошёл.

На сей раз грибы из «котелка» не вываливали на «скатерть», только слили из него воду. В кормовом отсеке аппарата нашли ячейку с плоскими дисками, похожими на металлические блюда, и каждому досталась «тарелка» и «вилка».

Попробовав варево, Редошкин одобрительно кивнул:

– Вкусно и хлеба не надо. Такое впечатление, будто ешь грибы с картошкой и хлебцами.

– Грибы – прародители наземной жизни, – сказал Костя с набитым ртом. – С них начался переходный период выхода водорослей на сушу. Есть теория, что вся природа Земли – это выродившиеся потомки неких могущественных предков. Был такой предок и у грибов, не зря биологи выделили их в отдельное царство. Этот предок вообще был первым разумным кластером на планете. Только за сотни миллионов лет этот разумный кластер деградировал, и современные грибы являются лишь его недоразвитой формой. Кстати, грибы в виде плесени находили даже под Чернобыльской АЭС.

Вероника перестала цеплять на «вилку» кусочки «подосиновиков».

– Значит, мы сейчас едим разумное существо?!

Костя хохотнул.

– Я же говорю: современная грибница – выродившаяся форма разумной жизни, она уже не мыслит. К тому же я не верю в эти биологические спекуляции, никакими разумными существами грибы не были.

– А деревья? – задал вопрос Вениамин Витальевич.

– Итальянский биолог и ботаник Стефано Манкузо считает, что растения в общем и деревья в частности объединены в единую систему с распределённой памятью и даже обладают зачатками сознания.

– Ерунда, – хмыкнул Редошкин, – хотя звучит многообещающе. Только не понимаю, чем они думают. У них же нет мозга.

– Мозг деревьям не нужен, во всяком случае такой, какой у животных и человека. Все их чувствительные клетки, так сказать, датчики, распределены по всему стволу дерева и образуют системы адаптации к изменяющимся условиям. Особенно много их в корнях. Чем больше комель, тем точнее дерево реагирует на внешнее воздействие.

– Реагировать не значит думать. Таракан тоже реагирует, если на него тапком замануться.

Вероника засмеялась.

– А что? – смутился Редошкин. – Я не прав?

– Доедайте и помогите убрать Веронике со стола. Исследовать лес в настоящий момент опасно, соседство у нас чревато летальным исходом. К тому же не решена проблема освобождения пленников. В связи с этим сначала предлагаю перебазироваться в другое место, километров на десять южнее.

– Спать в лесу, на голой земле? – поморщился Костя.

– Выберем укромный уголок, сделаем шалаши, будем спать как короли на пуховиках.

Поищем ягодники, орешники, грибные плантации, какие-нибудь коренья.

– А ракету оставим на разграбление бандитам?

– Возможно, они её не заметят. Пороемся в ней ещё, возьмём с собой всё полезное.

– Я бы остался.

– Пусть остаётся, – буркнул Вениамин Витальевич. – Ему будет полезно побегать от вертолёта.

– Та «вертушка» имеет два пакета НУР, – сказал Редошкин. – Увидят пилоты – дадут залп – и кранты.

– Что такое НУР? – спросила Вероника.

– Неуправляемые ракеты.

Костя переменялся в лице, посмотрел на Максима.

– Я пошутил, один не останусь. Почему же вертолёт по тебе не стрелял из ракет в прошлый раз?

Редошкин перевёл вопрошающий взгляд на майора.

– Тебя заметили?

– Пришлось уводить «вертушку» отсюда. Но боевики действительно стреляли по мне только из пулемёта.

– Может, у них нет ракет? – предположил Вениамин Витальевич.

Максим покачал головой.

– Ракеты у них есть, я видел подвески. Не знаю, в чём дело. Пулемётом орудовал африканец, НУРами управляет стрелок «вертушки». Может, у них между собой какие-то разборки. Узнаем позже. Итак, план на сегодняшний день такой. Обследуем ракету и выносим всё, что может пригодиться. Перебазируемся. Устраиваем лагерь, ищем грибы и всё, что можно употребить в пищу.

– А я мотанусь по округе, поищу наших парней, – сказал Редошкин. – Придётся вспомнить птичьи приманки, чтобы позвать. Вдруг кто откликнется?

– Согласен, – сказал Максим. – Но схрон придётся делать не хуже, чем делали партизаны в войну. Неизвестно, сколько дней нам предстоит жить в этом лесу.

– А потом? – спросила Вероника.

– Захватим «вертушку», освободим ваших коллег, – небрежно бросил лейтенант, – и заживём спокойно, мирно и весело.

Костя скривил губы, явно собираясь вставить своё «авторитетное» замечание, но встретил предупреждающий взгляд Максима и промолчал.

Глава 19

Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко

В палатке Карапетяна уже толпились люди: два военспеца, которых Сергей Макарович знал только по фамилиям, сам физик и коллега Карапетяна из НИИРИ, специалист в области высокоэнергетической плазмы, Мефодий Каракозов, совсем молодой доктор наук, ему ещё не исполнилось тридцати лет, с румянцем во всю щёку.

Все гости окружили сидящего перед монитором компьютера Егора Леоновича и смотрели на экран, изредка обмениваясь репликами.

Сергей Макарович протиснулся поближе к приятелю, вглядываясь в светящийся рассыпанным жемчугом экран.

Ничего особенного на нём не было видно, кроме поляны с двумя палатками. Некоторые клочки изображения светлели на глазах, другие, наоборот, темнели, и все вместе они складывались в пятнистое панно, отливающее перламутром, меняющее прозрачность и цвет.

– Что это? – спросил Савельев.

– Синтез получаемых от разных датчиков изображений, – ответил Карапетян, не обращившись. – Инфракрасное поле, ультрафиолет, микроволновое излучение, высокочастотное радио и лептонное. Идёт синхронизация.

– Зачем звал?

– Мне показалось...

– Над берегом реки просиял какой-то странный световой конус, – торопливо проговорил Каракозов; он был явно взволнован. – Похож на мини-смерч.

– Где же он?

– Нужно настроить аппаратуру под новые параметры.

– Мефодий, сбегай, поставь ближе к берегу третий ЛД, – попросил Карапетян. – Только не трясись и не намочи.

– Я ему помогу, – сказал военспец по фамилии Семенихин.

Они вышли.

Остальные сгруппировались теснее, продолжая обмениваться фразами, из которых Сергей Макарович понял только слова «магнитный резонанс» и «амплитудная модуляция».

Пришёл Кондратюк, потеснил коллег.

– Что у вас за паника?

– Призрак увидели, – рассмеялся кто-то.

– Струю излучения, – добавил сосед Савельева.

– Возможно, это просто ошибка компа, ничего тут на самом деле нет.

На экране между тем тёмные и светлые пятна объединились в новую комбинацию. Тёмными, очевидно, были деревья и палатки, светлыми – воздушные пузыри и космы дождя. Снова мелькнула фонтановидная светящаяся струя, но расплылась на цепочку тусклых клякс.

– Это она? – осведомился Кондратюк.

– Так точно.

– Похоже на электронный след посадки НЛО.

Военспецы спорить не стали, пряча эмоции за привычкой не выражать свой скепсис раньше времени. Впрочем, утверждать, что они ничего не видели, им тоже было несвойственно.

Вернулись посланцы Карапетяна, оба в потемневших от дождя плащах.

– Переставили, Егор Леонович.

– Не хватает мощности ЛД, – пробормотал физик. – Нам бы сюда какой-никакой ускоритель ионов.

- Ты ещё о коллайдере помечтай, – проворчал Савельев.
- Коллайдер не нужен, помог бы и слабенький эмиссионный ионизатор типа коронных ионизаторов Чижевского.
- Чего нет, того нет. Надо было в Москве об этом позаботиться.
- Кто же знал, что понадобится.
- Ещё раз на экране мелькнул силуэт светящегося фонтана, распался на скопище пятен. Карапетян выругался.
- Где он находится физически? – спросил Савельев.
- Над берегом реки.
- Конкретнее.
- Берег там клином вдаётся в реку, слева и справа дырки в земле.
- А если осветить берег прожектором?
- Мы взяли прожектор?
- Мы взяли мощный фонарь, – сказал Каракозов, – на всякий случай. Не прожектор, но посылает луч метров на сто.
- Вряд ли он поможет, – засомневался Карапетян.
- У нас есть ещё лазер, – сказал один из военспецов.
- Частота?
- В окне гелий-неон на десять в минус четырнадцатой.
- Годится, попробуем просканировать этот фонтанчик. Сможете установить его так, чтобы на него не попадал дождь? Метрах в тридцати.
- Может, лучше на дроне?
- А сможете?
- Так он на дроне и установлен.
- Среди присутствующих родился и стих весёлый ропот.
- Что ж вы сразу не сказали? Попробуем облететь весь контур, только сначала надо вывести канал передачи на систему контроля. Нужны радиоспецы.
- Я смогу, – поднял руку Каракозов. – И Паша поможет, он тоже радиотехник.
- Семенухин кивнул.
- Найдите оператора беспилотника.
- Мой помощник, – предложил Сергей Макарович. – Капитан Спицын. Спец по летающей и ползающей роботехнике.
- Отлично.
- Нам нужны координаты поточнее, где именно висит в воздухе твой фонтан.
- Он не мой, а висит метрах в двадцати над землёй.
- Говорю же, это след старта НЛО, – буркнул упрямый Кондратюк.
- Никто с ним спорить не стал. Фантастичной выглядела не только его гипотеза о посадке инопланетного зонда, похитившего членов экспедиции ЮНЕСКО и спецгруппу ГРУ, но и специфическая идея Карапетяна, рискнувшего предположить о столкновении Вселенных с разным количеством измерений: той, что породила человечество, и той, которая «засосала» людей.
- Я покажу, – сказал Егор Леонович, вылезая из-за стола с монитором.
- Накинули капюшоны, вышли под дождь, всё такой же мелкий и тёплый. Встретили спешащего к палатке с учёными Плащинина.
- Вы куда собрались?
- Идём посмотреть на след, – веско сказал Кондратюк.
- На что?!
- Датчики засекли нечто вроде столба ионизации, – пояснил Карапетян. – Мы хотим определить его местоположение и параметры.

– Тут сто раз ходили люди...

– По нашим прикидкам, он висит над берегом на высоте двадцати метров.

Плащинин хмыкнул, глянул на молчавшего Савельева, ещё раз хмыкнул.

– Ладно, пошли посмотрим.

Двинулись к реке. Чем ближе подходили, не видя даже кустов и палаток на поляне, тем сильнее ощущался дувший в спину ветерок.

– Странно, – сказал Каракозов. – Я тут весь берег облазил, и везде ветер дует в спину.

С чего бы это?

Карапетян резко остановился.

Следовавший за ним Савельев едва не боднул приятеля головой.

– Ты что?

– Слышал, что он сказал?

– Что?

– Если ветер дует всё время в спину – это верный признак вытяжки воздуха в портал!

Понимаешь?!

– Вы о чём? – нетерпеливо спросил Плащинин.

– Кажется, мы нашли не косвенное, а прямое доказательство существования иномерн-
аны, соединившей браны!

– Где?

– Здесь! Мы стоим как раз под входом в портал! Наш воздух утекает в эту дыру, потому что существует градиент давления вакуумов между бранами. Чужая брана втягивает воздух, создавая слабый, но вполне ощутимый ветер. Он дует со всех сторон к порталу.

– Бред! – буркнул Кондратюк.

Плащинин поднял голову.

– Я ничего не вижу. Где он?

Все, кто следовал за физиком, тоже посмотрели в мутно-серую пелену неба, сеющую морось.

Глава 20

Тёмные силы нас злобно гнетут

Плану Максима не суждено было сбыться в полной мере и в той последовательности, которую он сам себе наметил.

Больше часа они всем отрядом копались в ракете, отыскивая полезные вещи, которые могли понадобиться попутанцам в ближайшем будущем. Набрали кучу «вилок», колец, «тарелок», десяток «фаустпатронов», одежду и «постельное бельё». Кое-как уместили все вещи, кроме «фаустпатронов», в две большие «сумки», найденные в кормовом отсеке, аж с четырьмя ручками. Костя даже пошутил по этому поводу, что пилоты аппарата были четырёхрукими.

Опытный Редошкин обнаружил несоответствие размеров отсеков, первого и кормового, и предположил, что между ними прячется ещё один закрытый отсек шириной около двух метров. При диаметре центральной части яйцевидного аппарата в шесть метров в этом месте отсек представлял собой огромную консервную банку. Однако найти в него вход не удалось ни со стороны кабины управления, ни со стороны кормы.

– Эх, был бы у нас ВСНД! – раздосадованно почесал в затылке лейтенант.

– Что это такое? – поинтересовался не менее разочарованный Костя.

– Взрывное устройство направленного действия.

– Я подумал – какая-то хитрая отмычка.

– Отмычка здесь не поможет.

– А как вы думаете, каков принцип движения этой ракеты? Дюз у неё нет, какие-то груши висят с трёх сторон, топлива мы не нашли.

– Чего не могу сказать, того не могу. Разбираться в их компе надо, если он есть. Возможно, «яйцо» летало на антигравитации.

Вдали послышался тихий рокот.

Максим, присоединившийся к команде в последний момент, прислушался и через пару мгновений рывкнул:

– Все наружу!

– Зачем? – не понял Костя.

– Без вопросов! В темпе!

Выскочили из ракеты.

– Они? – оглянулся на Максима Редошкин, шаря по небу глазами.

– Больше никому.

– Экип?

– Полминуты на ПБ!

– Есть! – Лейтенант метнулся к своему «Хамелеону».

Аббревиатура ПБ означала «подготовка к бою».

Оба переоделись меньше чем за минуту. Столпившиеся у кострища члены экспедиции молча смотрели на них, с опаской поглядывая на посветлевшее небо.

– Наверх! – приказал Максим. – Костя, Вениамин Витальевич, берите сумки. Рысью к соседнему болоту! Прячьтесь под защиту «мангров» и ждите моих распоряжений.

– Может, лучше в ракете отсидеться? – заикнулся Костя.

– Шарахнут из НУРа – костей не соберёте! Ракета не спасёт, станет общей могилой. Вперёд!

Мужчины схватили объёмистые «сумки», бросились взбираться на склон кратера к зелёно-жёлтой кромке «тростника» на валу.

– А я? – жалобно проговорила Вероника.

– За ними!

Девушка опрометью кинулась догонять спутников.

– Ты слева, я справа! – сказал Максим. – Огонь не открывать до тех пор, пока не станет понятен замысел противника. Берёшь африканцев с пулемётом, я возьму пилотов!

Редошкин показал кольцо из пальцев.

Оба рванули от ракеты как при старте на стометровку, обходя с двух сторон группу поднимавшихся бывших пленников.

Вертолёт, судя по усилившемуся рокоту, приблизился и находился уже в полукилометре от «базы» Максима. Но из-за раскидистых крон «секвой», «фикусов» и «баньянов» увидеть его было невозможно.

В воздухе бахнуло! Через секунду до слушателей донёсся глухой звук разрыва.

Максим, выглядывающий из зарослей «тростника», определил, что стреляли из комплекса НУР, а взорвалась ракета уже на земле. Интересно, подумал он, по ком стреляют «борцы за свободу»? Неужели решили с утра поохотиться на «косуль»?

Бахнуло ещё раз. С отставанием в полсекунды прилетел звук второго разрыва. Затем третьего и четвёртого.

Нет, это не охота на зверя! Для убийства косули хватило бы и одной НУР. Это охота, но на человека! Неужели по лесу действительно бегают ещё кто-то из группы?!

Вертолёт показался в окне между кронами «лиственниц» на высоте около ста пятидесяти метров. Это был всё тот же американский ОН-58 «Киова» фирмы «Белл», способный взять на борт до шести вооружённых десантников. Управляли им двое пилотов, второй из которых был ещё и стрелком. Именно он вёл огонь по какой-то перемещавшейся цели, используя НУР.

Похолодело в груди: уберечься от одной ракеты ещё было можно, прячась за стволами деревьев, но от очереди из ракет укрыться было нереально, даже если боец был упакован в броник высшего класса.

Вертолёт пыхнул дымком ракеты, упавшей куда-то совсем рядом, метрах в двухста.

В стене «тростника» мелькнуло рыжее пятно, высунулась голова Кости.

– Стреляй! – азартно крикнул он.

Максим не успел ответить. Позади ботаника сгустилась тень, и удар кулаком в ухо отбросил Костю в заросли кустарника. Сквозь гул винтов «Кивовы» послышался разъярённый голос лейтенанта:

– Лежать! Убью!

Вертолёт сместился правее, ещё ближе подлетая к кратеру с аппаратом на дне.

– Дом!

Редошкин услышал, через две секунды оказался рядом.

– Бьют по кому-то из наших!

– И я так думаю. Выходим под «вертушку» с двух сторон, ты на броске привлекаешь их внимание, а я попытаюсь снять пилота.

– Понял!

– Зигзагами, по команде! На пару секунд снимешь маскер, чтоб заметили, но не форси!

– Не дурак.

– Погнали!

Пояс открытого пространства между цепью «баобабов» и лесом рванул навстречу бегущим «призракам».

Вертолёт появился над «баобабами», завис, лопоча лопастями, и выстрелил по кратеру! Раз, другой!

Дважды грохнуло так, что заломило в ушах будто от взрыва целого склада боеприпасов! Кустарник, стену «тростника» и кроны деревьев пробили навывлет дымящиеся осколки атакованной инопланетной ракеты.

Максим торпедой воткнулся в ближайший «баобаб», сообразив, что лучшего упора для винтовки не найдёт. Припал к пузатому прохладному боку растения, устроил ствол «шёпота смерти» на торчащей буквой V ветке.

Редошкин дал очередь из своего М4 по вертолёту, и там наконец его заметили. Винтокрылая машина хищно развернулась к нему открытой дверью десантного отсека, в проёме которой торчал ствол пулемёта.

– Уходи! – крикнул Максим.

Лейтенант его не услышал в гуле винтов, но он был опытным бойцом и знал меру риска. Включив систему пиксельной маскировки «Хамелеона», превращавшей человека в бесформенное скопление пятен под цвет пейзажа, он бросился под защиту ближайшего «баньяна».

Ударил пулемёт, пули плетью прошли по траве, подбираясь к бегуну, метавшемуся то влево, то вправо.

Максим отыскал прицелом блеснувшую на солнце кабину вертолёта. Взмолился в душе: повернись ещё на полметра!

Голову пронзил странный эфемерный световой луч. Ему показалось, что кто-то огромный, как планета, задал ему непонятный вопрос.

И в этот момент раздался низкий подземный рык, напоминавший гул обрушившегося на землю оползня. Задрожала земля, затряслись, раскачиваясь, гигантские деревья!

Пулемёт захлебнулся, так как вертолёт закачался в воздухе с боку на бок словно шляпка на волне.

Максим выстрелил.

Пуля «Лобаева» вошла точно в боковое стекло кабины и вонзилась в голову пилота, сидевшего за джойстиком управления.

Голова лётчика дёрнулась, падая на панель управления.

Вертолёт клюнул носом, взревел мотором, накренился, косо пошёл боком и зацепил винтом крону «секвойи». Из люка с пулемётом горохом посыпались на землю чернокожие бойцы в камуфляже.

Вертолёт врезался в жилистую колонну соседнего «фикуса», со скрежетом соскользнул к его подножию, ломая лопасти винтов. Раздался удар, свист разлетевшихся осколков лопастей, грохот! Но взрыва бензобаков не произошло, иначе от него ничего бы не осталось.

Максим и Редошкин метнулись к вертолёту, не теряя ни секунды. Два выстрела оборвали жизнь двух африканцев. Но их оставалось ещё трое, уцелевших после падения, и расслабляться было рано.

Редошкин догнал хромавшего смуглолицего бородача, метнул в спину нож, однако бородач в этот момент оглянулся, и клинок вонзился ему в горло.

Максим вовремя заметил высунувшегося из травы второго боевика, заросшего до бровей чёрным курчавым волосом, нырнул на землю, спасаясь от автоматной очереди, перекатился и выстрелил.

Крик возвестил, что пуля «шёпота смерти» нашла цель.

Оставался ещё один боевик, самый здоровый и ловкий, но мериться силами со спецназовцами он не стал, бросился наутёк. Редошкин выстрелил в мелькавшую между деревьями пятнистую спину, не попал, хотел было броситься в погоню, но Максим его остановил.

– Чёрт с ним, ему недолго осталось бегать. К «вертушке»!

Они подбежали к дымящемуся, оседавшему со скрипом и металлическими стонами вертолёту. Кабина машины была смята в лепёшку, стекла разлетелись по траве осколками неба.

Оба пилота были мертвы.

Командира, судя по нашивкам на лётном костюме, лейтенанта, Максим снял ещё в воздухе. Напарник пилота, капрал, белобрысый, худой, с залитой кровью головой, лежал в кресле, придавленный прогнувшейся потолочной балкой.

– Кто к нам приходит с войной, тот уходит в иной мир, – оскалился Редошкин, сплюнул. – Белые парни, а умерли чёрными. По моим подсчётам, от всей их коды человек двенадцать осталось. А тот бугай, что скрылся, их пахан, это он тебя нагнал в лагере. Живучий, гад.

В кустах сзади зашуршало, появился Костя. На лице – только азарт и любопытство, ни тени страха, ни капли беспокойства или волнения.

– Капец? Всех замочили?

Редошкин позеленел.

– Я же тебе велел...

– Оставь, Жора, – сказал Максим. – Он из «поколения соцсетей», мозги работают только на картинку в экране компа, чувства окружающих его не трогают.

Лейтенант закрыл рот. Сплюнул ещё раз.

– Мне показалось, что перед твоим выстрелом лес загудел. Ты слышал?

– Слышал, тебе не показалось. Лес уже дважды реагировал на стрельбу этих ублюдков по местным олешкам. Мне даже сон приснился... – Максим замолчал.

– Что за сон?

– Потом расскажу. Надо сматываться отсюда. Вожак добежит до своих и приведёт всю стаю.

– «Вертушку» осмотрим?

– Нет времени. Позже вернёмся и похороним убитых, если их приятели этого не сделают.

– Вон там пулемёт ихний валяется, – показал пальцем Костя, подбегая. – Можно с собой взять.

– Ты понесёшь? – осведомился Редошкин.

– Он же тяжёлый, я один не унесу.

– То есть предлагаешь тащить нам.

Костя красноречиво пожал плечами.

Из-за кустов показались спешащие Вероника и Вениамин Витальевич, с трудом тащивший обе сумки.

– Я предлагаю... – начал Костя.

– Возьми сумку!

Ботаник оглянулся, со скучающим видом направился к спутникам, бурча под нос что-то нечленораздельное.

Вероника бросилась к Максиму, но приостановилась, заметив трупы африканцев, глянула на покорёженный вертолёт.

– Они... погибли?

– Если бы не мы их, то они нас, – буркнул Редошкин. – Командир, я сбегая посмотрю, что от ракеты осталось?

– У нас нет времени.

– Я мигом. Африканцу надо как минимум полчаса добираться до лагеря да ещё столько же, если не больше, обратно. Мы успеем уйти.

– Сначала поищем того, по ком стреляли боевики. – Максим посмотрел на Вениамина Витальевича. – Профессор, мы ненадолго отлучимся, найдите «иву» погуще, мы проходили их семейку, и спрячьтесь под ветвями, пока мы не придём за вами.

– Лучше вместе, – робко сказала Вероника.

– Делайте так, как я сказал, мы не задержимся.

Максим сориентировался и рванул в глубь леса, сразу взяв хороший темп.

Редошкин дисциплинированно последовал за ним, играя роль арьергарда. Во время операций подобного плана он не раз прикрывал спину командира группы и прекрасно знал свои обязанности.

Бежать далеко не пришлось.

Через двести пятьдесят метров спецназовцы наткнулись на небольшие воронки в земле, оставленные взрывами вертолётных ракет, приостановились, откинув шлемы и вслушиваясь в шуршащую тишину леса.

Максим поднёс ко рту ладонь, дважды крякнул по-утиному.

Никто не отозвался. Только по стволам «секвой» побежали местные «белки». Максиму показалось, что лесные великаны вокруг, на толстой коре которых красовались шрамы от осколков НУР, угрюмо поёжились.

– Мир! – крикнул он, отказавшись от условных сигналов. – Чуб! Вера!

Ответом была вереница бабочек, вывернувшаяся из-за «баньяна» и закружившая вокруг бойцов.

– Бабочки! – прошептал Редошкин. – Чего им надо?

– Подожди, – ответил Максим, поймав мелькнувшую мысль.

Он уже не впервые встречал «караваны» бабочек, и каждый раз эти создания приводили его к какому-нибудь открытию наподобие ракеты.

Бабочки выстроились колонной и понеслись прочь, лавируя между деревьями.

– За ними!

Побежали, стараясь не отстать. Через полсотни метров наткнулись на воронку в лесной почве и следы крови на траве. Кинулись по следам и у молодого «фикуса» увидели прислонившегося к голому стволу дерева спиной человека в «Хамелеоне». Шлема на нём не было, окровавленная голова свесилась на грудь. Он не пошевелился, даже когда подбежавший Максим тронул его за плечо.

– Хасик!

Раненый не ответил.

Максим осторожно приподнял ему голову.

Это действительно был Хасик – капитан Хасан Керзоев, мёртвый.

Редошкин глухо выругался.

Максим на всякий случай приложил пальцы к шее оперативника, проверил пульс, разогнулся. Слов не было, в сердце вошла боль потери и осталась там холодным осколком взорвавшейся ракеты.

– Надо похоронить...

– Сначала уведём учёных на новое место. Вернёмся – похороним. Возьми его штурм.

Редошкин вынул из рук капитана штурмовую винтовку LaRue, достал запасной рожок к ней, две гранаты величиной с орех.

– Это всё.

– Пошли.

Через пять минут они вышли к низинке, окружённой не только «манграми», но и ветвистыми «ивами». Из-под одной из «ив» выбрались Вероника и Вениамин Витальевич.

– Слава богу! – начала девушка и осеклась, увидев хмурые лица спецназовцев. – Что случилось?!

– Убит наш товарищ, – сказал Максим. – Нам придётся позже вернуться и похоронить его. Где Константин?

– Пошёл туда, – мотнул на заросли в полсотне метров, скрывающих кратер, Вениамин Витальевич. – Я пытался его образумить, но он слушает только себя. Сказал – надо проверить, не вынесло ли из ракеты чего-нибудь экзотического.

Максим стиснул зубы и метнулся к кратеру, крикнув Редошкину на бегу:

– За мной! Остальным – ждать!

Глава 21

Пуповина

Дождь зарядил сильнее, и подготовка к «штурму» призрачной иномерианы, в которой подозревали почти невидимый приборами узкий конус неведомой субстанции, замедлилась. Как ни странно, конус был виден визуально только во время туманной мороси, падающей с неба, и, если бы не это обстоятельство, определить его точные координаты было бы намного труднее.

Начиналось основание конуса диаметром около тридцати метров на высоте шестизэтажного дома над береговым откосом, затем он расширялся до диаметра примерно в сорок метров и как бы растворялся в воздухе. При этом запущенные дроны пролетали сквозь него как сквозь воздушный пузырь, никак не реагируя на призрачное свечение конуса, и лишь один из них, подлетевший к основанию конуса снизу, внезапно исчез, словно его засосал поток неведомых сил, увлекавший до этого момента только воздух.

Таким образом предположение Карапетяна о существовании тоннеля между столкнувшимися в каких-то измерениях Вселенными-бранами приобретало статус доказанного факта, и даже скептически настроенный спец по НЛО Кондратюк вынужден был скрепя сердце признать своё поражение. Правда, на совещании группы, созванном Плащининым, он высказался осторожно и обтекаемо, мол, ещё надо сто раз перепроверить данные и провести немало экспериментов, чтобы убедиться в правильности «спекуляции коллеги» (как он выразился). Но было и без того понятно, что НЛО в Баир не прилетал и экспедицию археологов не увозил.

Эксперименты же и в самом деле были необходимы. Первым из них стал запуск в горловину иномерианы беспилотника, автопилот которого получил соответствующую программу. Дрон соединили с оператором аппарата фалом – тонкой альпинистской бечевой из прочного наносиликона. Его длину решили ограничить пятьюдесятью метрами, увеличивая её по мере надобности, если дрон не сможет при такой длине пройти весь тоннель и попасть в соседнюю брану.

Ливень длился до вечера, пока не превратился в прежнюю мелкую морось.

Плащинин отдал приказ приступить к эксперименту.

Тетракоптер с капсулой управления и телекамерами, смотрящими на четыре стороны света, устремился с берега к основанию призрачного конуса. За ним потянулась белая струна фала, конец которого придерживали двое рослых охранных в плащах.

Остальные столпились поодаль, на песчаном бугре, переходящем в береговой откос. Плащинин, Карапетян и Савельев наблюдали за подъёмом беспилотника в бинокли.

Попасть в горловину практически невидимой иномерианы удалось только с третьего раза. При усилении дождя конус «тоннеля в четвёртое измерение» вовсе переставал быть виден, и оператор дрона дважды промахнулся мимо довольно широкой горловины, после чего надо было опускать дрон и начинать подъём сначала.

На третий раз он исчез.

Участники экспериментального запуска разом зашумели.

– Тише! – зычно успокоил их Плащинин, хотя вряд ли человеческие голоса могли каким-то образом повлиять на полёт дрона.

Фал, повисший как бы сам по себе на высоте двадцати метров, начал медленно уходить вверх, в белёсую муть туманно-дождевой пелены.

– Два... четыре... шесть, – принялся считать Карапетян, имея в виду метры подъёма.

На счёте тридцать четыре фал перестал исчезать в пустоте. Очевидно, беспилотник, получивший задание прекратить подъём при изменении обстановки, достиг какого-то ориентира.

Оператор дрона дрожащим голосом осторожно предложил подёргать за фал.

Парни, удерживающие бечеву, медленно натянули фал, отпустили, подождали немного, снова натянули и отпустили.

– Хватит! – скомандовал Плащинин. – Сколько времени ему дали для фиксации обстановки?

– Две минуты, – сказал переживавший больше всех Карапетян.

– Почему же он не возвращается?

– Ветер...

– Что?

– Ветер дует снизу вверх, в горловину, удерживая беспилотник, надо его вытаскивать.

– Так вытаскивайте!

Парни в плащах упёрлись ногами в землю, начали тянуть шнур. Через минуту упорной борьбы с неизвестной силой «перетягиватели каната» победили. Беспилотник вынырнул из невидимости и рухнул на песок с неработающими винтами.

Подбежавшие к нему Карапетян и Сергей Макарович подняли аппарат, жадно осматривая его со всех сторон.

– Цел?! – подбежал Плащинин.

– С виду цел, – подтвердил Сергей Макарович. – Разве что двигатель отрубился.

Карапетян вдруг охнул, вытаскивая что-то из одного пропеллера.

Все вытянули шеи, разглядывая кусочек желтовато-оранжевой ветки с единственным зелёным листочком, напоминающим резной лист клёна, но ромбовидной формы, изогнутый, как серп.

– Мать моя женщина! – выдохнул Кондратюк.

– Что это? – осведомился начальник экспедиции.

– Ветка дерева, – с трудом выговорил Карапетян.

– Как она попала в пропеллер?

Никто Плащинину не ответил.

Глава 22

Союзник

Сказать, что Максим был разгневан очередным самовольством ботаника, значило сильно приуменьшить его чувства, но гнев майора быстро прошёл, когда он увидел то, что осталось от яйцевидного аппарата, ставшего пристанищем для него и беглецов.

Ракета разделилась на три части.

Передняя, служившая когда-то кабиной управления, была отброшена метров на десять вверх по склону и превращена в груды металлических лохмотьев.

Кормовой отсек остался на месте, но был буквально вывернут наизнанку взрывом изнутри. Вероятно, ракета с вертолётки попала в двигательный модуль либо в генератор движения, и тот взорвался.

А третьей частью, почему-то практически не пострадавшей, оказался тот самый промежуточный «секретный» отсек, о существовании которого догадался Редошкин. Отсек действительно напоминал гигантскую консервную банку толщиной около двух и диаметром шесть метров. «Банка» с гофрированными снаружи стенками лежала по другую сторону от кормы, также отброшенная взрывом, а её верхняя крышка была приподнята, поддерживаемая какой-то штангой.

Костя, не обращая ни на что внимания, взобрался на смятый кормовой отсек и самозабвенно возился у этой крышки, пытаясь её поднять.

– Шантрапа! – процедил сквозь зубы Редошкин. – Он меня уже начинает доставать. Эх, дать бы ему наряд вне очереди гальюны чистить!

– Отойди! – приблизился к ботанику Максим.

Костя оглянулся. В глазах привычный азарт и невинная наивность десятилетнего ребёнка.

– Там внутри байк! Честное слово! Что-то вроде седла, ага, на трёх колёсах. Только они почему-то повёрнуты горизонтально.

– Отойди! – Максим дёрнул парня за рукав.

Костя кубарем укатился в траву, вскочил.

– За что?! Я же открытие сделал!

Редошкин навёл на него палец.

– Пам! Плохо кончишь, пацан! Привык на компе в игрушки играть, а тут тебе не комп.

Максим влез на смятую корму ракеты, заглянул под крышку «банки».

Действительно, в отсеке стоял некий аппарат с белым выступом, напоминающим седло мотоциклиста, перед которым из одного из трёх дисков торчала загогулина с тремя рукоятками: две располагались горизонтально, одна вертикально. Диски имели в диаметре около метра и толщину сантиметров сорок, напоминая колёса. Все три соединяла сложная коленчатая конструкция, а по бокам от «седла», опиравшегося на продольную тумбу эллипсоидальной формы, цвета ржавого железа, был встроены ряд рубчатых пластин на кронштейнах, напоминающих педали мотоцикла.

К Максиму поднялся Редошкин.

– Это не байк.

– Почему? Похож.

– Колёса не вертикально стоят, а горизонтально. Может, это какой-нибудь беспилотник, а в этих дисках пропеллеры.

– Зачем беспилотнику седло?

– Грузы возить всякие.

– Для грузов удобнее использовать короба или кузова. Это именно седло.

- Больно широкая задница у этого байкера.
- Байкеры разные бывают, – рассмеялся Максим.
- Подлез Костя.
- Ну, что, байк? Давайте вытащим.
- Некогда, – глянул на часы Максим. – Да и всё равно мы его не сможем забрать с собой.
- Подожди, командир, – сказал Редошкин. – Тут упор имеется, а ниже механизм с рычагом. Если отстрелить упор, рычаг потянет крышку вверх.
- Вставьте шпуюлку...
- Что?
- Вспомнил инструкцию к швейной машинке советских времён, бабушка хранила, а отец инструкцию показывал.
- Зачем?
- Смешно.
- Повесели.
- Шпуюлку вставьте в шпindel моталки так, чтобы шпонка шпинделя вошла в прорезь шпуюлки.
- Редошкин фыркнул.
- Супер! Ну, так что? Отстреливаем... э-э... шпонку шпинделя?
- Стреляйте! – жадно потёр ладонь о ладонь Костя.
- Максим прислушался к своим ощущениям, пытаясь определить, не дует ли откуда-нибудь смертельной опасностью.
- Я сам. Отойдите, вдруг тут что-нибудь секретное сработает.
- Ствол винтовки глянул на штангу, удерживающую крышку отсека. Тихо треснул выстрел. Пуля сшибла двухсантиметровой толщины упор. Что-то хрустнуло, и механизм, цеплявшийся за край крышки, пришёл в действие, опуская вниз коленчатый рычаг. Крышка отсека, бывшая недавно стенкой, встала почти вертикально.
- Я посмотрю! – сунулся головой вперёд Костя.
- Редошкин молча спихнул ботаника с покорёженной кормы ракеты.
- Максим оставил винтовку лейтенанту, осторожно спустился в глубь «банки», нащупывая ногами ребристую пластину сбоку от тумбы аппарата. Сел на седло, оказавшееся вдвое больше, чем требовалось человеку его комплекции. К ручкам наклоняться не пришлось, они располагались на уровне плеч, и дотянуться до них было нетрудно. Что Максим и сделал.
- Ну, как? – поинтересовался Редошкин. – Ты похож на байкера в боевом камуфляже, только шлема не хватает. На мотоциклах ездил?
- Это не мой вид транспорта, но мог бы и не спрашивать. Забыл, как в Монголии гоняли?
- Прощу прощения, босс, – расплылся в ухмылке Редошкин, который проходил ту же школу, что и командир, и умел водить все виды транспорта, от сегвея и багги до самолёта и вертолётa. – Давай, трогай.
- Вряд ли он функциклирует. Топливных баков не видно, аккумуляторы, наверно, давно сели.
- Интересно, почему им не воспользовались хозяева ракеты?
- По той же причине – нет энергии. Хотя допустимы и другие варианты.
- Разрешите посидеть! – снова подсунулся Костя, держа в руках свой накачанный функциями лэптоп и фотографируя седока. – Потом буду хвастать, что сидел на инопланетном байке.
- Любопытство – не порок, а большое свинство, – мрачно проговорил Редошкин.
- Я не каждый день попадаю в параллельную Вселенную, – возмутился молодой человек.
- Ладно, потом вернёмся, – сказал Максим, испытывая искреннее сожаление от того, что приходится уходить. – Если боевики не тронут, может, удастся зарядить движок.

Он крутанул правую рубчатую рукоять, явно рассчитанную не на человеческую ладонь, и едва не выругался: аэробайк под ним шевельнулся как живой и поднялся в воздух на один метр. Завис.

Костя от неожиданности шарахнулся назад и с воплем свалился с груди металла бывшей кормы.

Отпрянул и Редошкин, но удержался за край «банки».

– Ёлы-палы!

Максим отнял вспотевшую ладонь от рукояти.

– Сюрприз, однако.

– Как ты его запустил?

– Ручку повернул.

– Точно, летающий байк! – с детским восторгом воскликнул Костя. – И работает он не на бензине или соляре. Не иначе как на антигравитации. Дай поэкспериментировать!

– Чёрт! – Максим заколебался. – Времени нет.

– Ещё минут сорок в запасе, – возразил Редошкин. – Этот негритос, конечно, лось мощный, но и ему вряд ли удастся пробежать пять километров до лагеря за двадцать минут.

– Ладно, засекай пару минут. Отойди подальше на всякий случай.

Редошкин спрыгнул на землю.

Максим снова положил ладони на толстые рукояти: одна из них, правая, была сиреневого цвета, левая – красного, – повернул правую «на щелчок».

Аэробайк подскочил вверх ещё на метр.

Так, понятно, правая управляет подъёмом. А левая?

Левая рукоять не повернулась вокруг оси, как правая, но чуть отклонилась вперёд, и аппарат скользнул в ту же сторону, мягко набирая скорость.

Максим выпустил рукоять.

Аэробайк пролетел по инерции несколько метров на высоте трёх метров и остановился.

– Отпад! – с восторгом воскликнул стоявший на земле Костя. – Он летает!

– Опуститься сможешь? – спросил Редошкин.

Максим повернул правую рукоять в обратную сторону, против часовой стрелки.

Аппарат мягко сел на траву.

– Ура! – завопил Костя. – Не надо будет тащить на себе эти сумки!

– Теперь мой черёд. – Редошкин сунул Максиму его винтовку, винтовку Хасика и свой карабин. Устроился на седле. – Инструктируй.

– Правая ручка – спуск-подъём. Левая – движение.

– А повороты?

– Ищи сам. Может, для этого третья предназначена? Только копайся побыстрее, у меня нехорошее предчувствие.

– Один момент, командир.

Редошкин оглядел тумбу, на которой крепилось седло инопланетного воздушного мотоцикла, сел поудобнее, взялся за третью ручку, вертикальную.

– Интересно, они что, трёхрукими были?

– Кто?

– Местные байкеры?

– Вряд ли, одежда у них, во всяком случае, почти человеческая, с двумя рукавами и штанинами. Фасон только необычный.

– Если владельцы ракеты и в самом деле были торговцами, могли возить одежду и для других пользователей, не похожих на них.

– Резонно.

Редошкин попытался нажать на третью рукоять.

Байк не шевельнулся.

– Вот зараза!

– Подними машину.

– Точно, он же стоит на земле.

Лейтенант повернул правую рукоять.

Аэробайк подскочил на метр.

Редошкин ещё раз нажал на вертикально торчащую рукоять.

На этот раз байк плавно развернулся на месте.

– Ага, – с удовлетворением сказал лейтенант, – всё просто. Хотя техника, конечно, с одной стороны, допотопная.

– Никакая не допотопная, – возразил Костя, сгоравший от желания поучаствовать в эксперименте. – Это же антигравитационный аппарат!

– Я имел в виду управление. А оно здесь времён Киевской Руси, даже джойстика нет.

Аэробайк поднялся выше, сделал круг над дном кратера, рыская из стороны в сторону.

– Опускайся, – велел Максим, начиная ощущать беспокойство: интуиция подсказывала нарастание градиента опасности. – Главное, что этот шпиндель летает. Уходим отсюда, живо!

Редошкин посадил аппарат, уступил седло.

– Он и двоих выдержит.

– Забирай ботаника и марш к нашим! Я присоединюсь к вам.

Он уселся поудобнее, взялся за рукояти, как заправский байкер, проговорил про себя, не меняя выражение лица: удачи, майор!

Аппарат плавно пошёл в небо.

Костя, ощупывавший один из дисков, едва успел отскочить, крикнул вдогон:

– Меня возьмите!

– Топай! – подтолкнул его в спину Редошкин.

Максим остановил аэробайк, потренировался в управлении аппаратом, заставляя его двигаться то вправо, то влево, то вперёд, поднялся на двести метров и впервые глянул на лес с высоты, позволявшей оценить его размеры.

Лес был огромен! Ещё с высоты «дуба» Максим мог рассмотреть ближайшие скопления «секвой», загораживающие обзор, но теперь стал виден простор – территория, занятая лесом до размытого горизонта, казалось, уходящего во все стороны в бесконечность.

– Отпад! – пробормотал Максим, повторяя жаргонное словечко Кости.

Опомнился, повертел головой, ориентируясь, и спикировал к группе товарищей перед зарослями соседней низины. Все пятеро смотрели в небо, ожидая его. Максим хотел приземлиться с лихим разворотом, но не рассчитал и врезался в травяной бугорок передним диском, снося его начисто как бритвой.

– Круто! – похвалил водителя Костя.

Редошкин хмыкнул, косо глянув на срез земли, но промолчал, проявляя корректность подчинённого к командиру.

– Грузите мешки, – соскочил на землю сконфуженный Максим.

Вениамин Витальевич, с интересом рассматривающий необычный летающий аппарат, спохватился.

– Куда крепить? И чем?

Редошкин взялся за лямку рюкзака.

– У меня есть альпшнур.

– Побереги, я своим уже пользовался. – Максим достал моток из своего боепака. – Давайте мешок. Один поставим слева, второй справа.

Закрепили на дисках сумки, привязав их к тумбе под седлом. Максим добавил свою винтовку, пристроив её справа между сумкой и корпусом воздушного мотоцикла. Винтовку

Хасика он уложил на мешок слева. Хотел было так же поступить и с карабином лейтенанта, но Редошкин не дал.

– Понесу, так спокойнее. Куда направляемся?

Максим сориентировался по солнцу.

– Идём на юг, если я правильно определил стороны света. Топайте за мной, полечу медленно.

– Веронику возьми.

– И меня! – заволновался Костя.

Максим и Редошкин переглянулись. Ботаник даже не подумал предложить взять Вениамина Витальевича, который был старше его лет на тридцать.

– Молодой ещё, пройдёшься, – отрезал лейтенант.

– Садитесь вы, – предложила археологу Вероника.

– Нет-нет, – отказался он, – я не устал, да и двигаться полезно, врачи рекомендуют.

– Садись, – протянул руку девушке Максим.

– Здесь нет ручек...

– Держись за меня.

Вероника уселась позади водителя, обняла его за талию.

Максим повернул правую рукоять.

Аэробайк дисциплинированно взлетел, не реагируя на увеличение веса поклажи.

Вероника невольно прижалась к спине Максима всем телом, крепче сцепляя руки. Это было очень приятно, и он машинально подумал, что готов увезти спутницу хоть на край света.

Поднялись на полсотни метров.

Остальные остались стоять на земле, задрав головы.

– Хорошо держишься? – спросил Максим.

– Д-да, хорошо, – ответила девушка. – Никогда не думала, что меня повезут на инопланетном мотоцикле.

– Привыкай, то ли ещё будет. – Максим снизился до десяти метров над землёй, перегнулся вправо, глядя на мужчин. – Следуйте за нами.

– Меня возьмите! – замахал руками настырный Костя. – Он и троих утащит.

– Топай, – буркнул Редошкин.

Максим направил аппарат между колоннами «секвой» и «фикусов», стволы которых до высоты в двадцать-тридцать метров не имели ветвей, от чего лес вокруг, если не смотреть вверх, казался апокалиптической колоннадой какого-то глобального замка. Захотелось увеличить скорость, взлететь над лесом и глянуть на него с высоты не меньше километра, чтобы основательно оценить его размеры и величину. Но Максим сдержал порыв, рассчитывая при первой же возможности насытить своё любопытство и определить масштаб всего мира, куда его забросила судьба.

– Хочется посмотреть на лес сверху! – проговорила Вероника, начиная привыкать к новому положению.

– Мне тоже, – ответил Максим, – но пока нельзя, мы здесь не одни. Как только переселимся, обещаю экскурсию.

Через четверть часа мужчины стали отставать.

Редошкину было не привыкать бегать по пересечённой местности с полной боевой выкладкой, он мог преодолеть при необходимости не меньше десяти километров в хорошем темпе, тренированный не меньше командира. Однако Вениамин Витальевич давно спортом не занимался и, несмотря на стайерское телосложение, снизил скорость бега. Да и ботаник, несмотря на молодость и здоровье, не рвался вперёд, то и дело отвлекаясь на попадавшиеся на пути достопримечательности пейзажа.

То он увидел муравейник размером с вертикально поставленную нефтеналивную цистерну, то «белок», мелькнувших в ветвях не то «сосны», не то гигантского «платана». Отвлёкся на вереницу бабочек, воскликнув:

– Оба-на! Да это же данаиды, чтоб мне лопнуть! Монархи из семейства нимфалид, только в пять раз больше! Подождите, я поймаю одну.

– Я тебе поймаю! – пригрозил ему Редошкин. – Ждать не будем!

Ещё через полчаса Максим остановил группу. Показалось, лес на многие километры вокруг внезапно притих, словно ожидая грозу, и майор уловил это странное изменение местного эфира.

– Стойте! Слушайте!

Подбежавшие спутники послушно замерли.

– Ничего не слышу, – сказал Костя, вертя головой.

– Я тоже, – сказал Вениамин Витальевич.

– Погоня? – вопросительно посмотрел на командира Редошкин.

– Бегут цепью... в полукилometре... быстрее нас...

– Догонят?

– Скорее всего.

– Что-то больно резвые негритосы попались. Как они нас нашли?

– Не надо быть особенным следопытом, мы бежим по траве, оставляя хорошо видимый след.

– Я останусь, прикрою вас.

Максим кинул взгляд на бледное, в каплях пота лицо археолога.

– Вениамин Витальевич, давайте за руль, я объясню, как им пользоваться.

– Ни за что! – твёрдо заявил археолог. – Оставаться, так всем вместе.

– Командир, я уведу их за собой! А вы спрячьтесь в какой-нибудь ближайшей низинке.

– Что вы как школьники на экзамене по ЕГЭ? – возмутился Костя. – Проще простого сесть на байк и улететь!

– Не уместимся, – буркнул Вениамин Витальевич.

Внезапно голову Максима просквозило знакомым призрачным светом, предвосхищавшим некие события. Он уже понял, что таким образом лес общается с ним, подсказывая необходимые решения.

Откуда-то вывернулся длинный хвост бабочек, устроил бесшумную карусель вокруг людей.

– Брысь! – замахал на них руками Костя. – Вас никто не звал!

– Замри! – сказал Максим, поймав ускользавшую мысль. – Это весть!

– Что ещё за весть?

– Помолчи!

Бабочки, сделав круг, понеслись прочь.

– За ними!

Спутники переглянулись.

– За ними! – нетерпеливо повторил Максим, трогая аппарат с места. – Нам пытаются помочь!

– Кто?! – удивился Костя.

– Лес!

– Да ладно вам...

Редошкин развернул ботаника вслед за аэробайком.

– Вперёд! Рысью!

Отряд устремился за бабочками, выбиравшими свой вектор полёта. Они лавировали между деревьями, но летели, как заметил Максим, в одном направлении, что только подтверждало его мистическую уверенность в правильности своей мысли.

Таким образом, двигаясь в кильватере колонны бабочек, выбрались к очередной растительной «семье», состоящей преимущественно из лиственных деревьев: «берёз», «раkit» и «ив», образовавших вкупе с кустарником плотный зелёно-бело-чёрный остров, окружённый цепью «мангров» и «баобабов».

Бабочки сбились перед ним в кучу, рассыпались на отдельные струйки, затем как по команде взлетели выше и образовали кольцо над древесным скоплением, сформированным неизвестным архитектором в своеобразный растительный посёлок.

– За мной! – скомандовал Максим, поворачивая аппарат к «посёлку».

– Подожди, командир, – догнал его Редошкин. – Если мы все ломанёмся туда и спрячемся, негритосы легко отыщут нас по следам.

Максим остановил аэробайк, глянув на оставляемый в траве ногами беглецов след.

– Ты прав. Но спрятаться всё равно придётся.

– Попробуем обмануть неприятеля. Бежим к соседнему болотцу.

– А потом?

– Потом ты по одному перенесёшь всех на мотоцикле к этому образованию. Похоже, лес не зря направил нас к нему.

– Я тоже так думаю.

– А я попробую отвлечь погоню, когда появится.

– Спрячься по соседству, видишь, там тоже «ивы» растут? Ветви до земли. Если африканцы полезут к нам, в березняк, привлечёшь их внимание.

– Понял. – Редошкин метнулся к небольшой группе «ив», спускавшихся в низинку за «манграми».

– Остальные левее, к «соснам», бегом!

Вениамин Витальевич и примолкший Костя устремились к «сосновой роще», видневшейся за колоннами «секвой», следуя за аэробайком.

Через две минуты все собрались у «сосновой» крепки.

– Садитесь! – приказал Максим догнавшим его мужчинам.

– Не уместимся... – неуверенно проговорил археолог.

– Попробую утащить вас всех сразу. Становитесь на диск слева. Ты – справа, – указал майор Косте. – Шустрее!

– Я сразу предлагал... – начал ботаник.

– Становись!

Кое-как мужчины уместились на «колёсах» аппарата, прижавшись боками к тумбе с седлом.

Максим, мысленно сотворив молитву: везёт сильным! – крутанул правую рукоять.

Аэробайк завибрировал, как бы собираясь с силами, как застоявшийся конь, и медленно воспарил над землёй.

– Ура! – не удержался от радостного восклицания Костя. – Машина – зверь!

Вероника и Вениамин Витальевич промолчали.

Максим добавил тяги (как ещё можно было назвать этот процесс?), и инопланетный воздушный мотоцикл с натугой пошёл вверх, пока не достиг высоты «берёз» и «лип».

Левая рукоять заставила машину двигаться к намеченной цели.

Максим оглянулся.

Редошкина уже не было видно. Распоряжения командира лейтенант выполнял точно и беспрекословно.

Аппарат скользнул над «берёзовой семьёй» к её центру, спугнул бабочек, рассыпавшихся во все стороны, завис над свободным от деревьев провалом в зарослях, образовавшимся над центром болота, где располагалась самая топь. Максим осторожно опустил аэробайк к водному зеркалу, окружённому зарослями мха, затем нашёл прогалину в стене деревьев и посадил аппарат в двадцати метрах от болотца, у зарослей кустов, похожих на ракиты. Вдохнул с облегчением.

– Слезайте.

Мужчины спрыгнули на пружинящий под ногами слой мха. Слезла и Вероника.

– Ждите здесь, в кустах! Спрячьтесь понадежнее. Не шуметь, не кричать, не выходить!

– А вы куда? – поинтересовался Костя.

– Догадайся сам. Тебя это касается в первую очередь. Как понял?

– Да ладно, я же не кадет в училище, а вы не препод.

Максим крутанул желваки на щеках, сузил глаза.

– Как понял, «некадет»?

– Он будет с нами, – поспешно проговорила Вероника, – обещаю.

Максим перехватил винтовку и бесшумно канул в кусты, направляясь к северному краю леска, откуда можно было ждать появления «борцов за свободу Африки».

Глава 23

Потусторонняя связь

К ночи разразился настоящий ливень, и работы по подготовке запуска в иномериану нового беспилотника остановились.

– Всем отдыхать! – приказал Плащинин, у которого улучшилось настроение после доклада директору ГРУ о результатах эксперимента. Несмотря на то что камеры вернувшегося беспилотника записали только «муаровую метель» (ни одна из четырёх не зафиксировала осмысленного ландшафта), запуск дрона был оценен как удачный, и генералу разрешили действовать в соответствии с разработанным планом.

– Утро вечера мудренее. Надеюсь, завтра утром погода будет более благосклонна к нашим делам.

Разошлись по палаткам, расстроенные дождём и невозможностью продолжать работу.

Сергей Макарович зашёл в палатку Карапетяна, колдующего у панели управления всей настроенной аппаратурой.

– Ложись спать, уже поздно.

– Хочу подготовить программу для следующего запуска, – отказался возбуждённый Егор Леонович.

– Всё равно надо отдохнуть, ты уже сутки на ногах.

– Скоро лягу.

– У меня возник вопрос. – Сергей Макарович сел на раскладной брезентовый стульчик, глядя на экран компьютера, по которому бродили цветные тени.

– Задавай.

– Если ветер, как ты выразился, дует от нас к ним, то есть из нашей Вселенной в соседнюю, почему он не засасывает песок и воду из реки? Иномериана слабая? Другие иномерианы ведь понаделали дырок, захватили палатки, вертолёт, катер, людей.

– Я думаю, пакет иномериан – тех самых «липких медовых нитей», связавших браны, представлял собой неравномерный поток. Удар породил кучу «осколков» измерений, от больших, способных вместить такие объекты, как вертолёт и катер, до совсем «тонких» и «слабых». Столкновение бран можно представить ещё и как столкновение автомобилей при ДТП или как попадание снаряда в кирпичную стену. В центре взрыва осколки образуются помассивнее, по краям – небольшие.

– Наоборот, по законам баллистики, в центре должна быть каша из мелких осколков, а по краям – больше.

– Аналогия здесь не прямая, сталкиваются ведь не физические объекты, а иномерные.

– Почему же большие иномерианы исчезли, а более слабая осталась?

Карапетян наконец отвлекся от созерцания возникающих в глубине экрана конструкций, устало потянулся.

– Она тоже исчезнет при дальнейшем разлёте бран. Это как при отделении друг от друга бутербродов, намазанных мёдом. Одни нити мёда рвутся сразу, другие достигают большей длины.

– Далась тебе эти бутерброды. В детстве не наелся?

Егор Леонович слабо улыбнулся.

– Физика суперструн – сложная наука, её понимают далеко не все специалисты по М-теории. Вот и приходится искать образные аналогии.

– Кончай торчать у компа, а то ты уже зелёный от усталости.

– Да, поспать не мешало бы, – согласился Карапетян.

Сергей Макарович прислушался к барабнящим по крыше палатки струям дождя, накинул капюшон и вышел в серую мглу, пожелав приятелю доброй ночи.

Утром дождь действительно притих, что позволило членам экспедиции закончить начатые вечером работы и запустить в горловину иномерианы новый беспилотник.

На сей раз пуповину фала, соединяющего дрон с экспериментаторами, увеличили до ста метров, а конец прикрепили к специальной лебёдке, собранной из подручных материалов. К ней даже приторочили моторчик, способный крутить вал лебёдки (кусок трубы), на который наматывался фал.

– Ну, товарищи, с богом! – объявил Плащинин, окружённый всеми участниками мероприятия; чтобы не мокнуть, соорудили шалаш с пологим скосом, под которым и расположились учёные и стеллаж с разными приборами.

Дрон отправился в полёт, управляемый оператором, рядом с которым стояли Карапетян и Савельев.

– Переживаешь? – спросил Сергей Макарович, заметив, что физик никак не может закури-
рить.

– Есть немного, – признался Карапетян, наконец выпустив клуб дыма.

Сергей Макарович отодвинулся, и Егор Леонович смял сигарету, зная, что приятель не выносит сигаретного дыма.

– Не выходит из головы этот листок. – Физик имел в виду лист дерева, принесенный беспилотником. – Неужели соседняя брана родственница нашей? И там есть леса, деревья, природа?

– А не мог он зацепить тутошнее дерево?

– Где ты их видишь, деревья? Ближайшие в сотне метров отсюда. К тому же форма листа странная. Не клён, не дуб, не секвойя.

– Биологи разберутся.

– Ждать замучаешься, когда они разберутся. У нас в группе ни одного биолога или ботаника.

– Летели не для изучения формы листьев.

– Так-то оно так... но если лист оттуда...

– Откуда всё-таки?

– Браны-Вселенные могут отпочковываться друг от друга при достижении необходимых условий. Может быть, и соседняя отпочковалась от нашей. Либо наоборот. В этом случае они действительно могут быть похожими.

– Копиями?

– Вряд ли копиями, наверняка будут отличия, что мы и видим по форме принесенного листа. Но вообще-то возможен любой вариант. Наборы физических констант и законов, формирующих вселенные, могут быть самыми разными.

Дрон исчез в туманной мути. Потянулись минуты ожидания, равные по нервной насыщенности часам. Не спасали даже неуклюжие шутки Кондратюка, пугавшего коллег прибытием НЛО-флота с карательным отрядом. Спорить с Карапетяном и военспецами он перестал, однако от своей идеи НЛО-вторжения отказываться не собирался.

Шнур, связывающий дрон с лебёдкой, разматывался долго, пока не выбрал всю стометровую длину.

Замолчавшие участки экспедиции сдвинулись теснее, не сводя глаз с белёсой мути над головой, в которой исчезала ниточка бечевы. Воронка иномерианы видна не была, поэтому казалось, что шнур тянет вертолёт, зависший где-то над тучами.

– Возвращайте его! – не выдержал Плащинин.

Запустили лебёдку в обратном направлении. Шнур начал наматываться на вал, натянулся струной.

– Не лопнет? – с сомнением спросил Сергей Макарович.

– Он выдерживает до трёхсот килограммов, – успокоил его оператор. – А дрон весит около семидесяти.

– Необходимо ещё учитывать силу сопротивления среды.

– Я посчитал, – нервно произнёс Карапетян. – Первый раз ребята вытащили дрон без особых усилий.

Шнур завибрировал.

– Может, дрон зацепился за что-то? – предположил Плащинин. – Я имею в виду – на том конце? За вершину дерева, к примеру.

Никто ему не ответил.

Лебёдка протестующе заскрипела и закачалась.

– Придержите! – сказал Плащинин. – Ещё улетит за коптером, потеряем машину.

Помощники Сергея Макаровича навалились на хлипкое сооружение, придавливая его к земле.

Шнур снова начал медленно наматываться на вал.

Беспилотник вывалился из тумана через минуту, словно четырёхлапый паук. Пропеллеры его не крутились.

Наблюдатели зашумели.

Оператор начал подтягивать беспилотник, но он сам легко пошёл вниз, будто внезапно освободился от держащих его невидимых пут, и с неработающими винтами упал на речной откос. К нему подбежали люди, Карапетян жадно осмотрел аппарат, покачал головой.

– Ничего... никаких листьев... странно, что у беспилотников прекращают работу двигатели.

– В палатку его, – скомандовал Плащинин. – Посмотрим, что на сей раз записали видеокамеры и включались ли они вообще.

Дрон отнесли в центральную исследовательскую палатку, вынули из брюха аппарата блоки памяти.

В палатку набилось десять человек, жаждущих ознакомиться с записями видеокамер, сесть смогли только двое – Карапетян и Плащинин, остальные сгрудились вокруг компьютера и молча ждали, пока главные участники событий приведут записи в удобный формат.

Первая камера, чип которой реанимировал Егор Леонович, оказалась повреждённой. Экран компьютера воспроизвёл только запись старта беспилотника и вход его в горловину иномерьяны, после чего экран засыпало «метелью» помех.

Зато вторая выдержала переход из браны в брану, и общий вздох собравшихся, увидевших запись после короткой тёмной паузы, оповестил об успехе операции.

На экране сформировалось бескрайнее, пятнистое, жёлто-зелёно-синее пространство, похожее на волнующийся океан. Угадать, что это такое, с первого взгляда не сумел никто. Затем беспилотник повернулся вокруг оси, и Карапетян прошептал изумлённо-недоверчиво:

– Лес?!

Это и в самом деле был лес, снятый сверху, причём камерой, перевёрнутой вниз головой: лес находился сверху, а синее небо внизу.

– Офигеть! – сказал кто-то в хрупкой тишине.

– Третью камеру! – опомнился Плащинин.

Поменяли чипы, но и третья, и четвёртая видеокамеры дрона показали один и тот же пейзаж: беспилотник завис над бескрайним лесом, состоящим из разнообразных островков растительности, судя по цвету листьев и форме крон, хотя это был не африканский лес, не джунгли, не сельва, не тайга и не саванна.

– Это всё? – спросил Плащинин, словно от него скрыли другие виды записей.

– Всё, – ответил Карапетян виноватым тоном.

– Не похоже на чужую Вселенную, – скептически заметил Кондратюк. – Может быть, дрон снял африканский ландшафт?

– Не выдумывайте, Тарас Гаврилович, – сухо сказал Сергей Макарович. – Дрон не мог вылететь над облаками, будучи привязанным стометровым фалом. К тому же над Баиром начался сезон дождей, он увидел бы сплошную облачность.

– Покажите записи ещё раз, – попросил Плащинин.

Просмотрели фильмы повторно, с не меньшим интересом, чем в первый раз.

– Невольно поверишь в чертовщину, – выразил свои ощущения военспец Сазонов.

– Ровно наоборот, – с улыбкой возразил ему седоватый коллега из Минобороны. – О чертовщине принято говорить, когда фильм полон мрака и ужасов, а тут налицо ангельское творение: лес без всяких признаков вмешательства нечистой силы.

– Самое плохое, что камеры не увидели пропавших, – заметил помощник Савельева.

– Кстати, мы не увидели пейзаж прямо под дроном, – спохватился Плащинин. – Почему?

– Потому что дрон перевернулся, – сказал оператор. – Камеры установлены так, что смотрят во все стороны и чуть вниз, а там, – оператор показал пальцем в небо, – он снимал, по сути, небо и территорию леса в отдалении.

– Он не перевернулся, – возразил Егор Леонович. – В том мире ориентация силы тяжести прямо противоположна нашей. У нас беспилотник повёрнут к земле брюхом, в соседней бране – макушкой.

– Надо запустить дрон, добавив камеру на макушку, – сказал Сергей Макарович.

– Работаем, – хлопнул в ладоши генерал. – Устанавливаем дополнительную камеру, готовим программу и проверяем функционирование систем. Разойдитесь по своим палаткам, здесь не повернуться. Старт не раньше чем через час-два.

Участники экспедиции начали вылезать из палатки под дождь. В ней остались только четверо специалистов, отвечающих за подготовку беспилотника, и Савельев. Плащинин тоже вышел, собираясь связаться с Москвой из своего командирского модуля.

– Полегчало? – спросил Сергей Макарович приятеля, заметив, что тот уже не так бледен, как минуту назад.

– Я не верю, что оказался прав, – честно признался Егор Леонович с кривой улыбкой.

Глава 24

Лесная защита

Африканцы появились в зоне видимости через десять минут после того, как Максим устроился на краю «березняка», спрятавшись под изогнутой в форме буквы Г сломанной «липой». Между колоннами «секвой» замелькали жёлто-коричневые пятнистые комбинезоны, демаскирующие фигуры боевиков СОА, вместо того чтобы резко снижать их заметность на фоне ландшафта.

Они шли цепью – семеро вооружённых автоматами громил, в десяти-пятнадцати метрах друг от друга, и вёл их знакомый гигант-негр, с которым Максиму пришлось столкнуться дважды. Изредка цепь останавливалась – негр изучал следы, оставленные беглецами на траве, – затем снова устремлялась вперёд, ускоряя движение.

У «берёзовой рощи» преследователи остановились, о чём-то споря.

Максим затаил дыхание. Африканцы не могли знать о финте беглецов, спрятавшихся в роще, но вполне могли направить туда разведчиков – проверить заросли на всякий случай. И тогда придуманный Редошкиным план рушился, так как надо было отступать дальше либо принимать бой.

Работала бы рация, Максим в этом случае просто приказал бы лейтенанту начать отвлекающий манёвр, теперь же можно было надеяться только на сообразительность и опыт офицера, наблюдавшего за действиями противника из своего укрытия.

Боевики кончили совещаться, двое из них действительно направились к «берёзовой роще», и в этот момент снова послышался знакомый низкий гул: лес включил свой «инфрачастотный звуковой прожектор», служащий неким предупреждением для злобных попаданцев.

Африканцы остановились, вертя головами.

Один из них, крайний слева, внезапно упал.

Максим понял, что Редошкин начал стрелять.

Выстрел лейтенанта почти не был слышен на фоне лесного гула, но африканцы были опытными бойцами и сразу определили источник опасности.

Редошкин выстрелил ещё раз, в сотне метров мелькнула его пятнистая тень (он намеренно выключил маскер-систему «Хамелеона», чтобы его заметили), и боевики СОА бросились за ним, открывая огонь.

Гул всё ещё доносился из недр земли, постепенно стихая, и Максим тоже сделал выстрел, сражая последнего в цепи африканца справа. Выстрел «Лобаевки» слышен не был, недаром винтовку называли «шёпотом смерти», и остальные преследователи не поняли, кто стрелял, по-прежнему считая основным стрелком Редошкина.

Цепь африканцев скрылась за деревьями.

Гул стих, наступила тишина.

Максим расслабился, послав мысленную молитву богу удачи: убереги Жору, друг!

Издали прилетела автоматная очередь, одна, вторая, третья. Бухнул ответный выстрел из карабина. Снова стало тихо. Сцепив зубы, Максим сдержал порыв сесть на иноземный мотоцикл и нагнать преследовавших Редошкина боевиков. На его попечении оставались трое земляков, и рисковать их жизнями не стоило.

Подождав четверть часа, он вернулся к стоявшему в окружении «ракит» аэробайку, позвал негромко:

– Вероника!

Из-за кустов взвился пружиной Костя, на лице азартное нетерпение и любопытство.

– Ушли?!

– Дом увёл их.

- Почему дом?
 - Оперативная кличка.
 - А-а, чтоб никто не догадался?
 - Чтобы каждый отзывался на короткое имя и исполнял только личные задания.
- К аппарату выбрались Вероника и профессор.
- Ваш друг сможет уйти от погони? – спросила девушка тревожно.
 - Не беспокойся, он тренирован и бывал в ситуациях намного хуже.
 - Что будем делать?
 - Подождём здесь, пока он вернётся.
 - А если не вернётся? – хмыкнул Костя.
 - Типун тебе на язык! – сказал Вениамин Витальевич.

Максим посмотрел на ботаника в манере Брюса Уиллиса, и молодой человек поднял перед собой ладони.

– Понял.

– Странный гул, – сказал Вениамин Витальевич. – Вы не находите? Сначала он идёт как бы снизу, из-под земли, от корней, а уходит верхом, к вершинам деревьев. Такое впечатление, что гудят сами стволы «секвой».

– Вполне допускаю. Уверен, лес защищает нас.

– С какого бодуна? – удивился Костя.

– Мы ведём себя иначе, нежели наши преследователи. Я уже говорил об этом. Мы здесь гости, но гости мирные, и лес это оценил.

– Мирные! – фыркнул Костя. – А негров замочили не меньше десятка!

– Ты предпочитаешь, чтобы было наоборот? – рассердился Вениамин Витальевич. – Или надеешься, что тебя пожалеют? Тогда не надо было бежать с нами, оставался бы на катере.

– Нет, но... просто я по факту... А про лес – очень даже креативно придумали, товарищ майор. Земные леса умеют мыслить, это тоже факт, я изучал работы итальянских и японских учёных...

– Потом побеседуем! – поднял руку Максим, уловив тихий треск за болотцем. – Спрячьтесь!

Костя замешкался, пришлось толчком в спину отправлять его в кусты.

Но тревога оказалась напрасной. Это был Редошкин, специально сломавший ногой сухую трубочку «тростника», чтобы его услышали. Он выглядел разгорячённым, вспотевшим и красным после бега по лесным буеракам, но довольным и весёлым.

– Я вернулся, командир.

– Что-то слишком быстро.

– Загнал их в болото в паре километров отсюда, снял ещё одного негритоса. Остальные, наверно, до сих пор ищут меня вокруг болота. Деревья там интересные, колючие, не «берёзы» и не «секвойи». Я таких не видел.

– Мангры? – жадно спросил Костя.

– Мангры – это такие многоходульники? Нет, деревья высокие и похожи на сростки органных труб. Снизу они опираются на рифлёные толстые рёбра, чистой воды доски. А вместо листьев у них гнутые колючки.

– Может быть, это разновидность таитянского каштана или яруру.

– Чего?

– Яруру – «вёсельное дерево». Растёт в лесах Гвианы и Таити.

– Мы не на Таити и не в Гвиане.

– Сужу по твоему рассказу. Эти «секвойи», – Костя махнул рукой в неопределённом направлении, – тоже не секвойи, но похожи почти идеально. Наши мангры и здешние «мангры» просто родные братья, хотя форма листьев и у них разная. А «сосны»? «Ивы»? Вот эти

«берёзы»? Мы попали в какой-то близкородственный земному мир. Даже воздух здесь не отличается от нашего, приятно дышать.

Максим посмотрел на Редошкина.

– Устами младенца, – проговорил лейтенант. – Может быть, это какая-то изначальная база жизни? С неё и к нам семена занесло?

Костя встопорщил брови, сражённый словами лейтенанта.

– Жесть! Спецназ выдаёт одну гениальную идею за другой!

Максим встретил хмурый взгляд Вениамина Витальевича, говоривший: высшее образование не гарантия наличия у человека тактичности.

– Потом обсудим. Главное, что лес на нашей стороне. Дом – давай на периметр! Африканцы могут вернуться, если начнут искать, куда мы подевались.

– Иду! – Редошкин исчез, как привидение, растворившись в зарослях «ракит» и «берёз».

– Вы говорили о метаконтакте с лесом... – начал Костя.

– Что?

– Ну, лес вам внушил какую-то мысль...

Максим вспомнил свои сны.

– Мыслью назвать это нельзя, я просто чувствую его настроение.

Ботаник засмеялся.

– Костя! – сдвинула брови Вероника. – Опять?

– Что Костя? Я как раз верю в ощущения товарища майора. Лес – это вам не просто скопление растений, это, по сути, компьютер с распределённой информационной и чувствительной базой. Деревья не имеют централизованного мозга, но вместе с корнями и другими деревьями образуют интеллектуальную систему. Можете смеяться, если хотите. Я просто подумал, что у товарища майора неожиданно чувствительная душа.

– Молодой человек! – повысил голос Вениамин Витальевич.

– Успокойтесь, профессор, – усмехнулся Максим. – Он уверен, что армия, высокий интеллект и тонкие душевные переживания несовместимы.

– Всегда так было, – не смутился Костя. – Не обижайтесь, вы представляете собой исключение.

Где-то за пределами рощи раздалась очередь.

Все застыли, прислушиваясь.

– Оставайтесь здесь! – Максим нырнул в кусты, направляясь к опушке рощи.

Редошкина он обнаружил в тени «ракиты», вглядывающегося в просветы между колоннами ближайших «секвой» и «фикусов».

– Интересно, по кому стреляют негритосы? – прошептал лейтенант. – Может, набрали на кого-то из наших?

– Если бы это случилось, стрельбы было бы больше, а это одиночная очередь. Кто-то из чёрных парней решил пострелять ради профилактики. Судя по звуку, они пошли назад, в лагерь, возвращаясь по своим следам.

– А давай устроим заваруху? По моим расчётам, негритосы потеряли уже человек десять, учитывая и лётчиков, их осталось не больше десятка комбатантов. Из тех, что пришли за нами, осталось не больше пяти бойцов, значит, в лагере осталось всего трое-четверо. Можем оседлать иноземный байк и навестить лагерь до подхода основных сил. Им шагать не меньше часа, мы долетим на байке за пять минут. Перебьём охрану и освободим пленников.

Максим заколебался. Идея была авантюрная, рискованная, но вполне осуществимая, учитывая опыт участия группы в намного более сложных условиях. Однако опять-таки рисковать пришлось бы спутниками, оставляя их без защиты, и Максим отказался от предложения лейтенанта:

– Мы не одни, Жора.

– Да это я в качестве экстрим-варианта. Всё равно проблему нейтрализации коды придётся рано или поздно решать.

– Придётся, но не сегодня.

С минуту не разговаривали.

– Отсутствие птиц действует мне на нервы, – признался Редошкин.

Максим кивнул. По шуму и птичьему гвалту было легко ориентироваться в лесу, мгновенно узнавая, зверь или человек прячется в зарослях. Но в этом заповедном лесу птицы не водились.

– А отсутствие хищников не напрягает?

– Было поначалу. Всё казалось – сидит в засаде какая-нибудь пятнистая кошка или крокодил. До сих пор не верится, что...

Речь лейтенанта прервал гулкий удар, напоминающий звук лопнувшего воздушного шара. Это был не взрыв, а именно объёмный хлопок, сопровождаемый треском ветвей. Вслед за ним послышались тихие человеческие вскрики.

Не сговариваясь, оба метнулись к центру рощи, не понимая, что произошло. Максим даже подумал мимолётно, не взорвался ли взятый напрокат инопланетный аэробайк.

Картина, представшая перед его глазами в месте, где он оставил спутников, запомнилась Максиму надолго.

Перед кустами, прятавшими аппарат, стоял бледный ботаник, держа на вытянутых руках сиреневого цвета метлу. Именно это сравнение первым пришло в голову: метла.

Сзади из-за кустов выглядывали растерянные Вероника и Вениамин Витальевич.

Перед Костей в лесу образовался вывал длиной около двадцати метров и шириной в пять-шесть. Все деревья и кустарник в этом месте были срезаны как гигантской бритвой и вдавлены в лесную почву на метровую глубину. Не уцелел ни один кустик, ни один пучок травы.

– Офигеть! – обронил поражённый Редошкин.

Костя наконец опомнился, бросил метлу на землю, бледно улыбнулся.

– Ничего себе бахнуло, да?!

Максим приблизился к ботанику, поднял из травы метлу.

Это был один из «фаустпатронов», обнаруженных Редошкиным в ракете. Только вместо наворачия, создающего геометрическую фигуру, напоминавшую голову фаустпатрона, имелась членистая штанга с пучком развёрнутых прутьев, похожих на раструб метлы.

– Я хотел проверить... – пробормотал Костя, постепенно оживая. – Нажал на красную кнопку... оно бахнуло... наверно, это какое-то силовое поле.

– Умереть, не встать! – мотнул головой Редошкин. – А если бы ты попал по своим коллегам?

– Не попал же? Я целился в «берёзу»...

Лес вокруг внезапно загудел, прерывая ботаника.

Максим вздрогнул, вслушиваясь в этот гул и волевым усилием выходя мыслью за пределы рощи.

– Африканцы! Идут сюда!

– Услышали взрыв, – ощерился Редошкин. – Спасибо, пацан, нам только стычки с негритосами не хватало!

– Дом, на периметр! Действуем по обстановке! Гранат не жалеть!

– Понял! – Лейтенант растворился в глубине рощи.

– Вика, стрелять умеешь?

– Н-нет...

– Вениамин Витальевич?

– Служил когда-то, лет тридцать пять назад.

– Держите. – Майор сунул ему свою «беретту». – Вот предохранитель, сдвигайте и стреляйте, если что.

– Дай лучше мне, – заикнулся Костя.

– Ты уже отстрелялся. Прячьтесь во мху под «ракитами», зайдите в болотце поглубже, там мох толще.

– Вы думаете, они...

– Они уже близко! Быстрее, мать вашу!

Трое участников экспедиции ЮНЕСКО кинулись к кустам, окружавшим болотце.

Максим прыгнул к аэробайку между шарами «ракит». Сбросил на траву поклажу, сунул поглубже в кусты связку «фаустпатронов», но задумался на секунду и один «фаустпатрон» взял с собой.

Аппарат бесшумно поднялся в воздух.

С окраин роши слышались крики, раздалась автоматная очередь. Затем гроыхнул взрыв: Редошкин использовал гранату.

Максим поднял аэробайк вровень с кронами «ракит», направил его левее того места, где разгорелся бой между лейтенантом и боевиками.

Прозвучали ещё две очереди, треснул выстрел из карабина, кто-то истошно завопил. Второй карабинный выстрел оборвал этот вопль.

Иноземный байк обогнул густую крону «берёзы», и Максим увидел под собой двух африканцев, крадущихся к «раките», под которой что-то двигалось, раскачивая её кривоватый ствол. Разбирать, кто прячется под деревом (если Редошкин, то он сделал непростительную ошибку!), было некогда, и Максим спикировал прямо на боевиков, умудрившись сделать выстрел.

«Шёпот смерти» выполнил свою задачу, поражая первого верзилу в камуфляже.

Его напарник шарахнулся в сторону, поднимая голову, и аэробайк сшиб его передним «колесом».

Максим прыгнул с седла, как барс на добычу, отбил ногой ствол автомата и вогнал в переносицу чернолицего африканца, между широко открытыми чёрными глазами, лезвие ножа. Не теряя ни одного мгновения, вернулся к аппарату, ввинтил его в воздух.

В полусотне метров заработали автоматы.

«Не увлекайся, Жора! – мысленно попросил лейтенанта Максим. – Я рядом!»

Аэробайк мотнуло: краем левого диска он задел верхушку «берёзы». Максима едва не скинуло с седла! Удержался он чудом. И увидел, как по прогалине между стволами исполинских «фикусов» ползёт, извиваясь в траве, как ящерица, Редошкин (маскер его «Хамелеона» почему-то не работал), а к нему бегут с трёх сторон четверо жёлто-коричневых комбезов, поливая кусты автоматными очередями.

Руки включились в дело, не дожидаясь приказа сознания. «Фаустпатрон» удобно лёг на тумбу перед рулём, палец вдавил красный грибок на торце «ручки метлы»... и Максим едва не слетел с седла второй раз!

«Ракета» «фаустпатрона» развернулась хвостом прутиков (чистой воды метла!), и вниз понёсся сгусток прозрачно-голубого вихрения. Мгновенно расширяясь, он снёс часть кроны «ракиты», крепь кустарника, ствол «берёзы» и раскатал в неглубокую ложбину всё, что росло на земле, а также трёх африканцев, не успевших ни отреагировать на нападение, ни сообразить, что происходит.

Четвёртый боевик уцелел. Его только отбросило в сторону на несколько метров. Это был всё тот же великан, предводитель группы, везению которого не было границ. Не ввязываясь в схватку, он метнулся в глубь зарослей подлеска и ломанулся прочь из роши, спасая свою жизнь.

Из травы в десятке метров поднялся Редошкин с измазанным зеленью и грязью лицом. Глаза лейтенанта горели восхищением.

– Вот это базука, командир!

Максим прислушался к вернувшейся в лес тишине. Мелькнула мысль догнать босса «борцов за свободу Африки» и добить, но тот уже скрылся в лесу, и тратить время на его поиски не хотелось.

– Это не базука.

– Как-то же надо называть этот излучатель? Похоже, он действительно стреляет силовым полем, как сказал наш учёный-ботаник. Жаль, что он одноразовый, как наша «семёрка»⁶.

– Сколько их осталось?

– Негритосов? Только этот чёрный зверь и уцелел. Чуйка у него отменная. Гул слышал?

– Лес помогает нам. Возвращаемся.

Через пару минут Вероника, выбравшаяся из-под «ракиты», бросилась Максиму на шею.

⁶ Гранатомёт «РПГ-7».

Глава 25

Кто не рискует...

Идею Плащинина с запуском дрона, одну из камер которого повернули «на спину», удалось осуществить только к обеду. Грянувший утром ливень был таким сильным, что не спасали ни плащ-накидки, ни прозрачные пластиковые пузыри-зонтики, укрывающие людей с голов до колен. Подстегнул товарищей генерал, получивший сообщение из Центра о том, что в Баире резко изменилась политическая ситуация.

– Правительство Баира свергнуто, – поделился Плащинин информацией с Сергеем Макаровичем. – Власть захватила армия «Союза освобождения Африки».

– То есть ультраправые отморозки, – помрачнел Савельев, выслушав генерала. – Те самые, что захватили экспедицию археологов. Сколько у нас времени?

– До вечера приказано свернуть все работы и возвращаться. За нами пришлют две «вертушки».

– Но мы только начали подбираться к решению проблемы.

Плащинин поднял на полковника похолодевшие глаза.

– Сергей Макарович, если «борцов за свободу» не остановил флаг ЮНЕСКО, то нас они просто перестреляют, как перепёлок. Короче, сообщи Егору Левоновичу о приказе командования. Ещё один дрон запустить мы успеем, а дальше будем действовать по обстановке.

Новость Карапетяна не обрадовала.

– Я останусь! – заявил он приятелю категорическим тоном. – Мы у порога великого открытия, которое перевернёт науку! К тому же надо спасти людей, попавших в другую Вселенную.

– Если только они действительно попали в эту Вселенную и выжили, – проворчал Сергей Макарович.

– Надеюсь, выжили.

Дрон исчез в горловине иномерианы ровно в час дня.

Дождь слегка ослабел, но вымокли все до нитки, и лишь ожидание новых чудес и открытий удерживало участников экспедиции от ворчания и негативного проявления чувств в адрес африканского климата.

Операция запуска прошла успешно. Шнур длиной в те же самые сто метров натянулся струной, завибрировал, едва видимый в пелене дождя, затем через несколько минут его начали наматывать на вал лебёдки, выпавший из серо-белёсой мути беспилотник доставили в палатку и провели процедуру ознакомления с блоком видеозаписи. Всех в первую очередь интересовала камера, повёрнутая «на спину» аппарата, её и проверили первой.

Запись произвела на собравшихся впечатление разорвавшейся бомбы. Конечно, после просмотра первых записей, доставленных дронами, все уже были подготовлены к новым видам чужой природы, но камера выхватила не только кусочек ландшафта с петлёй реки, а ещё катер на берегу, и палатка задрожала от ликующих криков:

– Они!

– Катер!

– Там палатки, смотрите!

– Костёр дымит!

– Тихо! – рявкнул Плащинин, перекрывая шум.

Крики смолкли. Устыдившись, военспецы и учёные смущённо отводили глаза, впиваясь взглядами в экран компьютера.

Пейзаж действительно был знаком: излучина реки, два десятка свободного от кустов песчаного берега, две палатки и три шалаша, слепленных из пожелтевших стеблей тростника. Но главным было наличие людей, что намного увеличивало ценность полученной информации.

Камера запечатлела двоих мужчин в пятнистой униформе, прохаживающихся у палаток, одного чернокожего на палубе катера – австралийского «Пацифика», вооружённого пулемётом и двадцатимиллиметровой пушкой, вытасченного наполовину на берег, и трёх женщин, сидевших на корточках под корпусом катера. Судя по всему, они умывались.

Снова поднялся шум. Каждый из присутствующих спешил высказать свою точку зрения, и Плащину снова пришлось успокаивать возбуждённых участников экспедиции:

– Прекратите гвалт, товарищи! Кто-нибудь заметил наших парней?

Присутствующие замолчали, взгляды в экран.

– Прокрутите запись ещё раз!

Сдвинулись теснее, изучая изображение, записанное видеокамерой беспилотника. Но отыскать бойцов группы Маугли не смогли, в кадр они не попали. Были видны только баирские «борцы за свободу» и женщины, сидевшие у воды.

– Ваши предложения, товарищи, – обратился к Карапетяну и Савельеву Плащину.

– Надо посылать туда спецгруппу, – сказал Сергей Макарович. – Ясно, что пленники всё ещё находятся под охраной боевиков, и нам не удастся освободить археологов, не уничтожив бандитов.

– Нужна разведка, – тихо сказал помощник Савельева капитан Спицын. – Возможно, группа Реброва где-то рядом с боевиками.

– Это легче сказать, чем сделать, – буркнул Кондратюк. – Мы не видим ту сторону напрямую и не сможем управлять дроном. Даже если удастся как-то справиться с этой проблемой, каким образом нам вернуть пленников?

– Послать «вертушку», – сказал Сергей Макарович.

– Слишком велик риск. А если боевики собьют вертолёт?

– Я готов рискнуть. К нам вышлют две машины, мы попытаемся прорваться туда на одной и разобраться с ситуацией на месте.

Плащину покачал головой.

– Тарас Гаврилович прав, риск слишком велик. Можем потерять и «вертушку», и людей.

– Другого варианта я не вижу.

Присутствующие зашумели, обсуждая предложение полковника.

– Надо доложить в Москву... – сказал Кондратюк.

Плащину сбросил оцепенение.

– Сначала пошлём дрон, посмотрим, изменилось там что-нибудь или нет. Вертолёты будут не раньше чем через два часа, тогда и решим, что делать.

Генерал отвёл командира бригады Сил спецназначения в сторонку.

– Сергей Макарович, ты серьёзно предлагаешь послать туда «вертушку»?

– Да! – твёрдо ответил Савельев.

Глава 26

Отстрел скота

Собирались буквально секунды, хорошо представляя, что предстоит осуществить. Оба проглотили по капсуле мышечного активатора из аптечек, запили водой, и Максим занял место пилота аэробайка. Редошкин устроился сзади, контролируя оружие: свой карабин, «шёпот смерти» Максима и два «фаустпатрона», неожиданно проявившие себя как мощный ударный комплекс почище известных российских и зарубежных гранатомётов. Кроме того, имелась пара гранат, а у Максима ещё был и пистолет, пока ни разу не пригодившийся во время предыдущих схваток с «плохими парнями».

Тем не менее «беретту» Максим оставил Вениамину Витальевичу, дав совет, как держать пистолет в случае опасности, чтобы не вывихнуть кисть руки.

Костя на этот раз проситься к спецназовцам не стал, понимая, что отряд своим присутствием не усилит. Лишь посоветовал, провожая байкеров:

– Возьмите «языка». Допросим, он расколется и всё выдаст.

Что именно выдаст «язык», ботаник не уточнил, наверно, не знал сам.

Во взгляде Вероники Максим увидел неуверенность и тревогу, постарался в улыбке выразить признательность и поддержку.

– Надеюсь на тебя, оберегай мужчин, ты здесь главный защитник.

Девушка улыбнулась в ответ.

Аэробайк взлетел.

Поднялись в небо на триста метров, снова погружаясь в ощущение бескрайнего простора, уходящего краями в туманно-зеленоватую даль. Солнце здешнего мира стояло высоко, хотя его лучи не жгли кожу, а ласкали. По небу бежали лёгкие перья облаков, присущие летнему периоду средней полосы России, и Максим снова пережил момент удивления от этого сравнения: попаданцы вполне могли угодить в другие климатические и геофизические зоны типа Антарктиды или земных пустынь, но им невероятно повезло попасть в «рай».

– Как ты думаешь, это планета или какой-то плоский мир? – поинтересовался Редошкин, выглядывая из-за спины пилота.

– Точно не планета.

– Почему ты так решил?

– Солнце ходит по-другому. Если бы это была планета, вращавшаяся вокруг своей оси, мы бы видели его восходы и заходы, а оно только удаляется к горизонту и возвращается, сделав круг.

– Может, это планета-куб? А мы на одной из его граней?

– Не выдумывай. Вокруг звёзд, конечно, могут вращаться тела любой формы, но звезда всё равно должна скрываться от обитателей граней, а здешнее светило не прячется.

С минуту Редошкин молчал, потом изрёк философское:

– Хорошо, что Земля круглая, потому что вывод искусственного спутника на квадратную орбиту обошёлся бы значительно дороже.

– Кончай шутить, юморист, – сказал Максим, опуская аппарат ниже, к вершинам деревьев. – Мы уже близко.

Внизу сверкнула излучина реки.

Максим спикировал к полуострову, отгороженному цепью «бабабов», посадил Редошкина.

– Три минуты на разведку! Дашь знать, когда выйдешь к лагерю.

Редошкин поднёс палец к виску, спрыгнул на землю и растворился в стене «тростника» на берегу реки. Через три минуты прилетел слабый посвист стрижа: лейтенант сигнализировал, что вышел к цели.

Максим поднял аэробайк в воздух и повёл в метре от воды к месту, где стоял катер.

Появился катер. По его палубе расхаживал рослый африканец в расстёгнутом комбинезоне, загоняя в кормовой отсек трёх женщин. Он был вооружён «калашниковым», прикладом которого не стеснялся прохаживаться по спинам пленниц.

Ещё двое «борцов за свободу» прогуливались по лагерю, изредка исчезая в одном из шалашей. По их жестам и хохоту можно было предположить, что в шалаше их напарник насиловал пленницу.

Максим взлетел выше, прижимаясь к зарослям «камыша» возле катера.

Он не ошибся. Из палатки выскочил человек, но не женщина, как сначала предположил майор, а мужчина, совсем молодой паренёк с шапкой густых чёрных волос, побежал к катеру, на ходу накидывая курточку. За ним неторопливо вылез бородастый смуглолицый здоровяк, поправляя ремень штанов. Его встретили взрыв хохота и крики приятелей, чувствующих себя как дома. Африканские нацисты ничем не отличались от белых собратьев что в Германии, что в Прибалтике, что на Украине, и их интеллекта хватало только на удовлетворение простейших физиологических потребностей.

С другой стороны поляны донёсся двойной крик попугая ара: Редошкин докладывал, что готов к бою.

Максим выстрелил из винтовки в боевика на катере, затем рванул аэробайк вверх и активировал «фаустпатрон», целя в удачно собравшихся вместе «повстанцев».

Оружие владельцев яйцевидной ракеты не подвело и на сей раз.

Со звуком лопнувшего гигантского резинового баллона головка «фаустпатрона» раскрылась пучком прутьев метлы, посылая вниз прозрачно-вихристый язык неизвестной субстанции. Впечатление создавалось такое, будто вскипел сам воздух. Расширяясь и удлиняясь, струя «кипящего воздуха» вбила в землю боевиков, палатку и штабель ящиков, превращая их в овальную ложбину глубиной в полметра и длиной в двадцать. Исчезла даже трава, раскатанная по ставшей твёрдой, как асфальт, земле. И лишь цветные пятна на этом «асфальте» указывали на присутствие вкраплений – тел вооружённых людей.

Из-за кустов в полусотне метров показался Редошкин, покачивая из стороны в сторону стволом карабина.

Максим развернул аэробайк, готовый открыть огонь в случае появления противника, но стрелять не пришлось. Упавший в воду африканец плыл по реке лицом вниз, оставляя за собой в воде красный след.

– Выпускай пленников, – сказал Максим.

Редошкин припустил к катеру.

И в этот момент волной на голову накатил гул леса! Словно кто-то огромный, как планета, узрел опасность и предупредил человека на своём языке.

– Ложись! – рявкнул Максим, толкая рукоять аэробайка.

Аппарат подскочил на десяток метров вверх.

Одновременно с его прыжком Редошкин нырнул в траву и перекатился на пару метров, выполняя боевой манёвр под названием «змейка». Раздавшаяся автоматная очередь ударила точно в то место, где лейтенант находился мгновением раньше.

Вторая очередь с земли выцеливала аэробайк, но реакция пилота не дала стрелку добиться своего, а потом сначала Редошкин дал ответную очередь, проделывая обратный трюк – перекат, затем Максим метнул гранату, интуитивно выбирая направление броска.

Стрелок тем не менее тоже был опытным бойцом и, хотя стрелять перестал, успел скрыться в кустах, окружавших лагерь боевиков.

Максим развернул аэробайк, выглядывая шевеление «тростника», но противника не увидел. Гигант-негр, не добившись победы после атаки, успел скрыться, затаился где-то, хотя далеко уйти не мог.

Лесной гул ушёл в небо.

– Дом? – крикнул Максим.

– Живой! – отозвался лейтенант. – Я его не вижу.

– Он побежал правее, к реке.

– На катере торчит крупнокалиберный двадцатимиллиметровик. Предлагаю сделать круговую зачистку.

– Тенью!

– Понял!

Сверху было видно, как высокая трава стелется ручьём – там, где Редошкин змеёй полз к катеру.

– Эй, терминатор! – крикнул Максим по-английски, продолжая зорко контролировать звуки и шевеление в кустах. – Ты остался один, выходи!

Никто не ответил.

Максим повторил призыв сдаться на языке хуту.

Через несколько секунд до слуха долетел гортанный голос африканца, говорившего по-английски с отчётливым акцентом:

– Я всех убить!

– Сейчас мы откроем огонь из пушки, и ты отправишься вслед за своими головорезами!

На этот раз молчание длилось дольше.

– Ты нет стрелять, мой есть казембе... настоящий нкулу... брат бога...

– Ты настоящий говнюк, брат бога! Выходи, считаю до десяти.

– Мой вызвать мечь богов...

– Твой уже никого не вызовет, мы не на Земле, если ты успел заметить, и на помощь никто не придёт.

Краем глаза Максим увидел, что Редошкин карабкается на катер, встаёт к автоматической пушке, а потом бежит на мостик. Из пушки можно было открыть огонь только с пульта управления.

– Отсчёт пошёл! Десять, девять, восемь...

– Мой выходить!

Шевельнулись жёлтые свечки «камыш» в полусотне метров от того места, где скрылся стрелок пару минут назад (Максим невольно удивился: командир боевиков оказался шустрее и изобретательнее, чем можно было представить), и на берег слева от катера выбрался африканец, держа над головой автомат.

– Подойди! Оружие на землю!

Великан бросил автомат, покосился на ложбину, появившуюся на месте палатки, и трёх своих подчинённых, подошёл, глядя, как садится на землю аэробайк.

Максим спрыгнул с седла, опуская на тумбу «фаустпатрон».

Негр посмотрел на необычное оружие, хищно раздул ноздри, но ничего не сказал, хотя и понял, что его отряд, по сути, был уничтожен этим «буздыганом».

– Мы не на Земле, – повторил Максим. – И вернёмся ли домой, неизвестно. Так что хочешь ты или не хочешь, но воевать нет смысла. Наша гибель ничего тебе не даст. С другой стороны, на твоих руках и на руках твоих халдеев столько крови, что я с удовольствием закатал бы тебя в землю, как твоих бездушных упырей.

– Мой нельзя закатать... мой есть воин...

– Убийца он, а не воин! – сплюнул Редошкин, разбираясь в рукоятях на панели управления катером. – Нелюдь чистой воды! Чего мы с ним цацкаемся, командир? Похороним вместе с остальными, и дело с концом!

У Максима тоже чесались руки расправиться с мерзавцем, но это означало бы поставить себя на одну доску с ним, и он принял другое решение:

– Убирайся отсюда подобру-поздорову! Чем дальше убежишь, тем больше шансов у тебя будет остаться в живых. Запомни главное: в этом лесу нет хищников, единственный хищник – это ты! Поэтому моё требование – никого не убивать! Здесь вполне можно прокормиться подножным кормом. Есть грибы, ягоды, съедобные плоды и орехи. Как понял?

– Мой необходимость оружие...

– Повторяю: охота в этом заповеднике запрещена! Начнёшь нарушать местные законы – лес сообщит мне об этом, и я тебя найду! А тогда уж пощады не жди! Повторить?

Негр бросил вспыхнувший взгляд на аэробайк, перевёл на винтовку в руках майора, потом на Редошкина, стоящего за панелью управления на мостике катера.

– И не дай тебе бог сунуться к нам на расстояние выстрела! – мрачно добавил лейтенант.

Африканец попятился, не сводя глаз с пушки, но повторять свои просьбы не стал, канул в заросли «камышы» на другой стороне поляны.

Максим сосредоточился на восприятии природной информации и почти тотчас же уловил чувственный толчок в голову: лес подсказывал ему намерения чёрного не только лицом, но и душой землянина. Африканец действительно убрался с острова, образованного речной петлёй, и направился куда-то на запад, ближе к солнцу. К счастью, не туда, где находилась «берёзовая роща» с беглецами.

От катера донёлся стук и приглушенные крики: стучали и кричали пленники, спрессованные в кормовом отсеке.

Редошкин открыл дверь, однако на палубу никто не вышел. Лишь в проёме двери показались бледные лица женщин.

– Выходите! – сделал приглашающий жест Редошкин. – Вы свободны. Вся банда нейтрализована.

Первой робко выбралась из отсека женщина зрелых лет, бледная, поседевшая, запахла на груди порванную куртку. Максим узнал её: это была коллега Вероники, не успевшая уйти от боевиков вместе с беглецами-земляками.

За ней стали появляться остальные пленники: две женщины помоложе, не то испанки, не то немки, мужчины в возрасте от двадцати пяти (самый молодой) до полусотни лет. Все они выглядели как настоящие каторжане, лица мужчин заросли щетиной, по лицам женщин разлилась бледность, и одного взгляда на них было достаточно, чтобы представить, какие муки им пришлось пережить.

Редошкин закинул за спину ремень карабина, галантно протянул руку седой женщине.

– Держитесь, я вам помогу.

– Кто вы? – недоверчиво спросила она.

– Спецназ, – не покривил душой лейтенант. – Вы русская?

– Мария Ивановна, археолог... коллега профессора Маркина... где мы?

– К сожалению, обрадовать не могу. – Редошкин помог женщине спуститься на берег, посмотрел на Максима. – Командир, объясни им, куда их занесло.

Пленники, озираясь, не веря в своё освобождение, сошли на берег, окружили Максима.

Не вдаваясь в подробности, он предложил слушателям версию «попаданцев в иное измерение».

Ответом была тишина. С одной стороны, объяснение звучало слишком фантастично, с другой – бывшие пленники «борцов за свободу Африки» уже понимали, что мир вокруг слишком экзотичен, чтобы можно было найти более правдоподобный вариант.

– Есть хотите? – закончил свою речь вопросом Максим.

Собравшиеся обменялись голодными взглядами, кое-кто облизнул губы.

– Понятно, – сказал Максим. – Грибы здешних лесов вполне съедобны, как и ягоды. Мы пробовали и, как видите, остались живы. Если отыщете на катере какие-нибудь консервы – поделите, но потом всё равно придётся искать еду в лесу. Предлагаю переехать отсюда на новое место. Ваши порабитители загадили тут всё, что могли. Придётся пройти по лесу несколько километров, чтобы не дышать здешней вонью, зато увидите, как нам повезло с местной природой. Ни тебе хищников, ни комаров, ни ос или других кусачих насекомых.

– Они русский язык не понимают, – виновато проговорила седая женщина.

– Переведите им.

Выслушали перевод молча, посматривая то на Максима в боевом камуфляже, то на поляну, истоптанную прежними постояльцами, то на небо и стену леса за стеной кустарника. Большой радости на лицах бывших пленников Максим не заметил, хотя это можно было объяснить релаксацией после резкого изменения обстановки. Хотя... они могли бы и поблагодарить освободителей, спасших их от неминуемой расправы.

– Нас кормили... – угрюмо заметил на немецком языке заросший мелким чёрным волосом мужчина лет сорока.

– Не понял замечания.

– А теперь вы сами будете добывать себе пищу, – не выдержал Редошкин, отвечая давно не брившемуся археологу на немецком языке.

– Свяжитесь с ЮНЕСКО, – сказала по-английски черноглазая не то испанка, не то итальянка.

Максим усмехнулся.

– В настоящий момент это невозможно. Вы, наверно, не поняли. Мы не в Баире и вообще не на Земле.

– А где?! – широко раскрыла глаза женщина.

– В иной Вселенной, – ответил Редошкин. – Чем вы слушаете?

Археологи зароптали. Вероятно, они считались хорошими специалистами своего дела и в экспедицию были отобраны среди немалого количества кандидатов, но их кругозор замыкался артефактами земной археологии, и поверить в переселение в «параллельную Вселенную» им было трудно.

Струя воздуха принесла со стороны берега волну зловония.

– Ещё раз предлагаю по-быстрому покинуть этот концлагерь, – сказал Максим. – Поселимся в лесу, места много, еду найдём, вода чистая.

– А они не вернуться? – повела плечиком черноглазая.

– Оттуда не возвращаются, – скривил губы Редошкин.

– А дальше? – спросил белобрысый не то немец, не то бельгиец. На вид ему было лет пятьдесят.

– Дальше будем изучать этот мир, обустраиваться, приспосабливаться к нему и думать, удастся нам вернуться домой или нет.

– За нами пришлют спасателей...

– Тьфу! – сплюнул Редошкин. – Снова за мыло пряники! Никто за нами не прилетит, сэр, зарубите это себе на носу! Нас всех выкинуло в другой мир, и будь вы хоть братом президента, хоть сыном олигарха, жить вам придётся по другим правилам. Ни связи, ни друзья, ни деньги не помогут.

– Здесь катер, – слышались голоса. – Лучше подождать... нас будут искать...

Редошкин красноречиво посмотрел на Максима.

– Будут, – согласился майор, – но на Земле, а не здесь. Конечно, вы можете остаться в этом лагере и дышать испражнениями бывших ваших вертухаев, но я на вашем месте устроился бы в более чистом местечке.

– Но в катере есть провизия, – заикнулся бородатый толстяк.

– Надолго её не хватит.

– Нам надо посоветоваться, – сказал бельгиец, явно привыкший командовать. Скорее всего, он и руководил экспедицией ЮНЕСКО до того, как баирский отряд «борцов за свободу Африки» лишил экспедицию этой самой свободы.

– Совещайтесь. – Максим взглядом позвал Редошкина за собой, тот спрыгнул на берег, и они оба подошли к аэробайку.

– Не понимаю, чего они боятся, – сказал лейтенант. – Эти чёрные бандюки успели загадить весь остров. А ведь учёные люди, должны всё понимать.

– Ты о боевиках?

– О сидельцах. На их месте я бы маханул отсюда как можно дальше.

– Я тоже.

– А этот белобрысый явно метит в паханы.

– Флаг ему в руки, лишь бы взялся руководить своим трусливым отрядом. Эти ребята привыкли ни за что не отвечать, как и все европейцы.

– Но гонору у них выше крыши!

– Как у всех, кто страдает комплексом неполноценности.

– К сожалению, такие ублюдки и пробиваются к власти.

– Ну, учёных ублюдками назвать нельзя, это особая порода людей. К власти пробиваются другие упыри. В России их тоже хватает.

– Либералы...

– Ох, не трогай ты эту тему, – поморщился Максим. – Ещё китайцев приведи в пример.

– А что? Лет через десять именно они будут командовать парадом во всём мире.

К спецназовцам подошли двое: белобрысый бельгиец и заросший до бровей толстый мужчина.

– Мы остаёмся, – сказал бельгиец.

– Ваше право, – пожал плечами Максим. – Повторяться не буду. Группа ваших товарищей, устроивших недавно побег, находится под нашей защитой. Мы подыщем место, разобьём лагерь и дадим вам знать. Среди вас есть ботаники и биологи?

– Двое, Пихлер и Малетти. Ещё один ботаник... сбежал.

– Костя, русский спец, он тоже с нами. Ботаники быстро разберутся, чем можно будет прокормиться, что съедобно, а что ядовито. Но пока что мы ничего ядовитого не встретили. Грибы варили и ели, ягодами лакомились, остались живы.

– Вы нам что-нибудь оставите? – спросил бородач.

– В каком смысле?

– Это же ваш трофей, – кивнул на катер бородач.

– Теперь это ваша добыча, оружие тоже, соберите и далеко не прячьте, вдруг пригодится.

Но вот на чём я буду категорически настаивать: ни в коем случае не устраивайте охоту на местных животных! Ни в коем случае! Здесь вполне можно обеспечить себя растительной пищей.

Члены экспедиции переглянулись.

– Почему? Африканцы же охотились...

– И погибли!

– Какая связь?

– Большая! – не выдержал Редошкин.

– Лес бурно реагирует на поведение таких гостей, – добавил Максим. – Можно сказать, что он включает механизм предупреждения, но способен и на большее. Слышали гул?

– Несколько раз. Подумали, где-то землетрясение.

– Это голос леса. Учтите на будущее.

К разговаривающим робко подошла седая женщина.

– Извините, я хотела попросить...

– Слушаем вас.

– Разрешите мне присоединиться к вам? Всё-таки соотечественники, абсолютно иной менталитет.

– Никаких возражений.

– Командир, надо похоронить... – произнёс Редошкин, имея в виду убитого Керзоева.

– Мария Ивановна, – спохватился Максим, – у нас есть неотложные дела, но мы за вами вернёмся через пару часов, не возражаете?

– Спасибо огромное!

Максим взгромоздился на седло аэробайка.

– Господа, ваша судьба теперь в ваших собственных руках. Решите присоединиться к нам – милости прошу, не захотите – мы будем вас навещать. А пока разрешите откланяться, у нас много дел.

– Вы отпустили главного, Мигомbero, – хмуро сказал бородач.

– Кого?

– Главного террориста. Это настоящий зверь!

– Вряд ли он вернётся, особенно когда окончательно убедится в реальности этого мира. Нападать ему на вас нет смысла, ваш плен не даст ему преимущества. К тому же он не вооружён, а у вас останется оружие тюремщиков, пулемёты на катере. Кто-нибудь из вас умеет стрелять?

Бывшие пленники переглянулись.

– Выясним, – пообещал бельгиец.

– До скорой встречи.

– Простите, у вас один воздушный мотоцикл?

– К сожалению, один. Это неземной аппарат, он достался нам случайно. Мы нашли потерпевшую крушение ракету, этот байк принадлежал её экипажу. Как оказалось, он летает, хотя ракета пролежала в лесу много лет.

В глазах обоих мужчин зажглось любопытство.

– Неземная... ракета? – недоверчиво произнёс бородач.

– Вероятно, она не принадлежала этому миру, но мы торопимся, поговорим об этом позже.

Редошкин уселся позади Максима.

Аппарат взлетел, поднимаясь над лагерем боевиков на сотню метров.

Члены экспедиции ЮНЕСКО остались стоять, задрав головы, ещё не до конца осознав, что остались один на один с чужим миром.

– Сначала к нашим? – повернул голову к напарнику Максим. – Или сначала похороним Хасика?

– Подожди, командир, – озабоченно проговорил Редошкин. – Посмотри вверх. Почти над нами... крестик...

– Какой крестик?! – не понял Максим, мгновением позже включая боевую психику на полную мощность.

– Левее, метрах в пятидесяти над нами.

Максим присмотрелся к синему небесному простору (на горизонте собирались облака, суля дождь) и действительно увидел крестик, обнаруженный остроглазым лейтенантом.

– Дрон?!

– Похоже...

Аэробайк поплавром взлетел на полсотни метров выше.

Крестик и в самом деле оказался беспилотником – тетракоптером, причём российского производства, судя по нумерации на борту. На его подвесных модулях были видны зрчки видеокамер, а одна из них была повёрнута «на спину», созерцающая пейзаж под аппаратом, в то время как сам он висел «вверх ногами», с неработающими винтами.

– Ближе! – азартно выкрикнул Редошкин.

Максим вознамерился подвести байк вплотную к дрону, но ощутил порыв ветра: струя воздуха, насыщенная подзабытыми запахами африканских джунглей, была почему-то сверху вниз, – прислушался к тишине леса, раскинувшегося на сотни и тысячи километров, и отказался от намерения.

– Ну, что же ты? – удивился Редошкин. – Давай посмотрим, что за чудо вылезло с небес.

– Видишь, как он висит?

– Ну?

– Винты не работают, а он висит и не падает. А из брюха тянется паутинка...

– Вижу.

– И ещё ветер. Почему он дует струёй сверху вниз? Ровно от дрона?

– Вот и узнаем...

В затылок толкнулась какая-то смутная мысль, объясняющая феномен беспилотника, висящего в полутораэта метрах над землёй с отключёнными винтами.

– Нет, Жора, бережёного бог бережёт. Что-то здесь не так!

– Стрельни в пуповину, он упадёт на землю.

– Что-то здесь не так, – повторил Максим, наблюдая за «привязанным к небу» аппаратом. – Давай помашем руками, чтобы нас заметили.

– Кто?

– Камеру не зря повернули таким образом, чтобы она смотрела со спины дрона вниз. Им кто-то управляет, и те, кто управляет, специально послали аппарат с расчётом охвата видимой территории. Что, если это весточка с Земли?

– Как это возможно?

– Кто сказал – нет?

– Ладно, как скажешь.

Оба замахали руками.

Максим крикнул изо всех сил:

– Мы здесь! Всего пятнадцать человек! Заберите нас!

В следующее мгновение дрон качнуло с боку на бок, он медленно поплыл вверх и исчез, преодолев метров тридцать. Будто растаял в воздухе, как привидение, вместе с вытягивающей его пуповиной.

– Молотком по пальцу! – выдохнул Редошкин.

Максим не обратил внимания на реплику лейтенанта, отпустив сознание на свободу и ныряя в океан «тонких энергий и ощущений», пронизывающий все живущие и растущие создания этого мира. Название океана не имело значения, ни одно из человеческих понятий и обобщений типа «астрал» или «ментал» не охватывало весь спектр его характеристик, но человек, сумевший подключиться к нему, получал в своё пользование великолепный инструмент восприятия Вселенной и мог научиться многое предвидеть.

Струя воздуха, создающего локализованный поток ветра с неба на землю, с исчезновением беспилотника дуть не перестала. И снова шепоток интуиции, поддержанный красноречивым молчанием леса, подсказал Максиму, что чудеса на этом не закончились. Появилась реальная надежда на изменение положения попаданцев.

– Командир, это нечестно! – расстроился Редошкин.

– Ещё не всё потеряно, Жора.

– Что? Ты хочешь сказать, дрон вернётся?!

– Шанс есть. Его тащили за верёвку, вот для чего она была привязана к его полозьям. И ветер дуть не перестал. Чувешь? Здесь в воздухе что-то торчит, может, портал связи с нашей Вселенной.

– Ты прав! Будем ждать?

– Летим к своим, предупредим об освобождении коллег. Потом вернёмся и будем ждать.

– Понял.

Максим сориентировался, отмечая местоположение невидимого «портала» по рельефу местности: берег реки, катер, ложбина от удара «фаустпатрона», – осторожно отвёл аэробайк, чтобы не попасть в центральный стержень воздушного потока, действительно приносящего запахи земных джунглей и душно-влажную дымку.

– Гнилью пахнет! – радостно воскликнул Редошкин. – Водяную пыль несёт! Лохом буду, если это не дырка домой!

– Держись! – Максим толкнул от себя рукоять «акселератора».

Глава 27

Беру на себя

Вертолётчики прибыли на час позже, чем обещал Плащинин: один транспортно-десантный Ми-8 АР, вмещавший до двадцати пассажиров, в том числе десантников в полной боевой форме, второй – «Ночной охотник» Ми-28 Н, вооружённый под завязку. Боевики СОА могли напасть на «мирную» экспедицию в Баире, и лётчики получили задание жёстко нейтрализовать любую попытку головорезов провести пиратскую акцию.

– Товарищ генерал! – взмолился Карапетян, забывший не только об отдыхе, но и о том, что надо пить, есть и посещать «удобства». – Позвольте запустить дрон! Мы уже готовы, осталось протестировать операционную систему.

– Нет времени, Егор Леонович, – мрачно ответил начальник экспедиции. – По нашим сведениям, новая баирская власть, науськиваемая американцами, готова отправить к нам две «вертушки», причём одну – «Команч» с ракетами «воздух – земля».

– Наш «Ночной охотник» справится с ними легко, – сказал Сергей Макарович, находясь рядом с физиком все последние часы.

– Мы не воевать сюда пришли, полковник, – поморщился Плащинин. – Обещаю, как только повстанцы, как их называют янки, уберутся обратно, мы вернёмся и доделаем начатую работу.

– А если они наткнутся на иномериану? – ужаснулся Карапетян.

Плащинин отвёл глаза.

– О местонахождении иномерианы знаем только мы с вами. Будем надеяться, что бандиты её не заметят.

– Дайте хотя бы полчаса! – прижал к груди ладони Егор Леонович.

Плащинин посмотрел на Савельева, заколебался.

Сергей Макарович кивнул.

– «Вертушки» СОА долетят досюда не раньше чем через два часа, если вообще рискнут лететь в такую погоду.

– Хорошо, – согласился генерал, – поторопитесь.

Возня с дроном продолжалась ещё четверть часа. Наконец он взлетел, дождавшись прекращения ливня.

Снова все члены экспедиции потянулись под навес над берегом реки, с нетерпением ожидая очередного запуска. В принципе их присутствие было необязательным, беспилотник обслуживали всего трое специалистов из двенадцати человек группы, но время торопило, надежда на связь с «потусторонним» миром не уходила, и возбуждение людей росло в геометрической прогрессии.

Процедура запуска аппарата прошла в том же темпе, что и прежние.

Дрон исчез в паркой влажной горловине иномерианы, шнур натянулся.

– Ждём полчаса, – объявил Плащинин, пряча свои переживания от спутников. Волновался он едва ли меньше Карапетяна, отвечая за исход командировки.

Карапетян прерывисто вздохнул, и стоявший рядом Сергей Макарович протянул ему флягу с водой.

– Хлебни, полегчает.

Егор Леонович слепо взял флягу, сделал несколько глотков, вернул.

– Спасибо.

– Как ты думаешь, мы сможем запустить туда вертолёт и вернуть пропавших? Иномериана не схлопнется?

– Не знаю, – признался физик невесело. – Будем надеяться.

Дрон вытащили ровно через полчаса, как и велел генерал. С виду аппарат был не повреждён, но винты не крутились, подчиняясь какой-то блокировке двигателей, случавшейся каждый раз при пересечении беспилотником границы миров.

В палатку Карапетяна снова набились как шпроты в банку, обступив монитор, терпя неудобства. Первой включили запись со «спинной» видеокамеры.

Сначала по экрану пошёл «муаровый снег» помех, потом он прояснился, снова стали видны район под аппаратом, ограниченный излучиной реки, территория лагеря, почему-то лишившегося палатки и навеса, катер, группа людей на берегу в количестве не меньше десятка человек.

– Боевики, – пробормотал кто-то.

Но это были не боевики СОА. Камера дрона нашла оптимальный ракурс съёмки, и все увидели, что люди на берегу одеты не в камуфляж-комбинезоны, а в жёлто-коричневые куртки, какие носили члены экспедиции ЮНЕСКО.

– Наши! – проговорил Кондратюк, не веря сам себе.

– А это что? – ткнул пальцем в экран Плащинин.

Поодаль от толпы членов экспедиции стоял какой-то непонятный механизм, опирающийся на три чёрных диска, оборудованный седлом, и Сергей Макарович первым догадался о его назначении:

– Мотоцикл!

– Точно, байк! – мотнул головой Кондратюк. – С вывернутыми колёсами.

К аппарату подошли четверо мужчин, начали совещаться. Двое из них были одеты в полевые костюмы, двое других, вооружённых винтовками, – в спецкостюмы с «пиксельной» расцветкой. В небо они не смотрели, и разглядеть их лица не представлялось возможным.

К собеседникам подошла женщина, они обратили внимание на неё. Потом двое вооружённых мужчин сели на широкое седло «мотоцикла», и аппарат взлетел, вызвав шквал возгласов в палатке.

Сначала казалось, воздушный мотоцикл летит прямо к беспилотнику, бесстрастно снимающему всю картину, потом на небольшой высоте аппарат остановился; седоки рассматривали ландшафт под ними. Один из них поднял голову, и Сергей Макарович получил мощный сердечный толчок: на него смотрел заросший соломенной щетиной боец группы Маугли лейтенант Редошкин.

– Дом!

– Что?! – сунулся ближе к экрану Плащинин.

– Лейтенант Редошкин!

Второй спецназовец тоже поднял голову, и Сергей Макарович добавил внезапно охрипшим голосом:

– А вот вам и Маугли... майор Ребров.

Новая буря криков сотрясла палатку.

– Не может быть! – вытаращил глаза Кондратюк.

– Ещё раз! – сдавленным голосом попросил Плащинин.

Затаив дыхание, запись прогнали ещё раз. Зашумели, перебивая друг друга.

Кондратюк от избытка чувств хлопнул Карапетяна по плечу.

– Ну ты даёшь, Егор Леонович! У тебя в роду ведьмы или предсказатели не водились?

– При чём тут я? – ответил бледный физик, с трудом выходя из ступора. – Я же не виноват, что с нашей Вселенной столкнулась чужая.

– Пойду доложу наверх, – сказал Плащинин, направляясь к выходу из палатки. – А вы пока думайте, чем займётесь в создавшейся ситуации.

– Надо лететь туда, – сказал Карапетян.

– Ты всё-таки подумай, я уже тебя спрашивал, это не разрушит мостик между бранами? – проговорил Сергей Макарович. – Сто килограммов иномериана пропускает туда-обратно, пропустит ли несколько тонн?

– Почему тонн?

– «Вертушка» весит не меньше одиннадцати тонн.

– Боюсь, иномериана не выдержит. Но я думал послать туда аэротакси. Оно ведь легче вертолёта?

– Смотря какое такси, самое лёгкое весит около двух тонн. К тому же аэротакси нам недоступно в том смысле, что доставка его сюда займёт слишком много времени. Придётся запускать «вертушку».

– Тебе никто не разрешит...

– Посмотрим. Ну-ка прокрути запись ещё раз.

Включили запись.

Сергей Макарович снова пережил сердечный приступ, увидев лицо Максима Реброва, с которым уже успел в душе попрощаться. Столкновение таких объектов, как вселенные, не оставляло надежд увидеть попавших под удар людей живыми, однако факт был налицо, оказавшиеся по ту сторону иной вселенной бойцы группы и члены археологической экспедиции уцелели, и теперь перед российскими военными вставала проблема спасения двух десятков человек, наверно, тоже потерявших надежду на возвращение домой.

Прибежал Плащинин, откинув капюшон и обрызгав нерасходившихся специалистов.

– «Вертушки» баирцев вернулись на аэродром. У нас ожидается усиление ливней.

– Только наши лётчики могут летать в такую погоду, – ухмыльнулся военспец Челидзе.

– У меня предложение, – сказал Савельев. – Послать на ту сторону Ми-8. Он заберёт всех, кто попал в другую Вселенную.

– Полковник, – укоризненно прогудел Кондратюк, – бросьте шутить! Это же смертельный риск! Ни один лётчик не пойдёт на такую авантюру, что американский, что русский.

– Полетим я и моя группа. Беру ответственность на себя!

– И я полечу! – поднял подбородок Карапетян.

– Вы же не лётчики, – с сомнением сказал Кондратюк.

– Мы все проходили лётную подготовку, – бесстрастно ответил помощник Савельева майор Барышников.

Присутствующие дружно посмотрели на Плащинуна.

Генерал выпростал из-под обшлага рукава руку, глянул на светящийся циферблат часов.

– Сейчас подойдёт командир авиагруппы, решим, кто полетит, кто нет. Успеем запустить ещё один зонд. За работу, товарищи!

Специалисты начали расходиться.

– Я хочу с вами! – шепнул на ухо приятелю Карапетян.

Плащинин услышал его.

– Это уже не ваша забота, Егор Леонович. Вы своё дело сделали. Ещё неизвестно, как поведёт себя иномериана. Может быть, просто исчезнет. Тогда не полетит никто.

Савельев перехватил полный колебаний взгляд генерала и понял, что Плащинин уже принял решение и от своего не отступит.

Глава 28

Контакт

Сообщение о встрече с беспилотником над лагерем боевиков вызвало у спутников Максима недоверие. Они не сразу поняли, о каком беспилотнике идёт речь, а когда Максим высказал им свою версию о посыле из родной Вселенной аппарата с видеокамерами, радости Вероники не было предела. Она даже воскликнула:

– Неужели сегодня мы будем спать дома?!

– А чем тебе тут плохо? – осведомился Костя, всегда находивший контраргументы к идеям коллег. – Проблем с едой нет, с водой тоже, ядовитой флоры и агрессивной живности не видать, насекомые отсутствуют, за вычетом бабочек и пчёл, живи себе и радуйся жизни.

– А бандиты?

– Так их всех перебили. Можно не торопиться возвращаться к своим рутинным обязанностям, спокойно исследовать чужой мир и не переживать.

– Оно-то, конечно, хорошо пожить тут какое-то время, – сказал Вениамин Витальевич, – если иметь возможность в любой момент вернуться домой. Но если такой возможности нет...

– Ничего, майор что-нибудь придумает. Раз над лагерем пролетал беспилотник, то шанс вернуться у нас железный. Хотя опять-таки я бы хотел задержаться. Изучать так хорошо организованный ухоженный лес – одно удовольствие.

– Итак, принимаем решение, – подвёл итоговому совещанию Максим, не ощущая особой радости от перспективы вернуться на Землю, в свой мир. – Как бы нам ни хотелось пожить отдельно от ваших коллег, придётся вернуться к лагерю. Поклажу, кроме разве что сковородок и утвари, оставим здесь, имея возможность в любое время вернуться.

– «Фаустпатроны» я бы тоже взял с собой, – сказал Редошкин. – На всякий пожарный.

– Хорошо, возьмём парочку. План такой: Дом, берёшь мужчин и хоронишь нашего друга. Да и трупы боевиков надо бы закопать. Мы с Викой слетаем к лагерю и через час вернёмся за вами. Есть возражения?

– Есть! – поднял руку Костя. – Зачем хоронить бандитов? Навести на них термитов или здешних муравьёв, и напрягаться не придётся.

Редошкин фыркнул.

– Ну у тебя и голова – компьютер!

– Хоронить! – коротко бросил Максим, не желая ввязываться в дискуссию по поводу похорон. Хотя в душе согласился с ботаником, что подключение насекомых решило бы проблему.

– Помни, может встретиться главарь боевиков, – предупредил он лейтенанта.

– Зря ты его отпустил, – сказал Редошкин с сожалением.

– Я не палач, – отрезал Максим. – Пусть живёт. Ему ещё аукнется его презрение к чужой жизни. Вероника, садись.

«Берёзовая» роща осталась внизу. Под аэробайком раскинулось необозримое море вселенского леса, живущего своей неторопливой жизнью.

Максиму захотелось подняться повыше, о чём он и сообщил пассажирке, крепко обнимавшей его за поясницу.

– Только держись крепче! – добавил он, подумав: не отказал бы двигатель мотоцикла! Не может же он работать бесконечно долго?

– Вцепилась, как клещ! – весело отозвалась девушка.

Поднялись на пару километров, потом ещё выше, за лёгкие перистые облака, плывущие куда-то на юг. Облака потихоньку набирали цвет, собираясь в облачную пелену. Дожди в этом мире шли регулярно, что подтверждало, во-первых, идею Максима о регулировке климата

самим лесом, а во-вторых, наводило на мысль о наличии больших водоёмов, озёр или морей, игравших на Земле роль аккумуляторов водно-воздушного обмена.

Небо над головами байкеров сгустило цвет до тёмно-синего, с фиолетовым оттенком. Максим надеялся увидеть звёзды, как бывало на Земле после подъёма самолёта, но единственным источником света над лесной равниной был желток солнца, начинавшего своё путешествие к ночи.

– Боже мой! – проговорила Вероника низким голосом. – Я летала над Сибирью, но даже наша тайга имеет территориальные пределы. Этот лес бесконечен!

– Да, впечатляет, – согласился майор, уловив приближение какого-то призрачного облака, всплывшего из лесного пространства. – Ничего не чувствуешь?

Вероника замерла.

– Воздух... вибрирует...

– Давай-ка сядем...

И тут его накрыло!

Солнце растворилось в темноте! Небо стало чёрным, как слой антрацита! Бесконечная лесная равнина налилась красным свечением, будто раскалённая плита! Затем потеряла цвет и стала прозрачно-зеленоватой, как слой желе, в котором призраками росли деревья без листьев! В невероятной дали вырос над этим «желе» чёрно-багровый ажурный пузырь, напоминавший кровавый струп на теле человека, на загнивающую рану!

Длилась эта метаморфоза несколько мгновений, после чего судорога свела шею Максима, он пришёл в себя и услышал, что пассажирка за спиной корчится, всхлипывая:

– Макс... мы падаем... Макс...

Никуда они не падали. Аэробайк надёжно держал заданную высоту. Но ощущения были как при прыжке с парашютом – полная невесомость! – и лишь тренированная психика не позволила Максиму поддаться панике и наделать глупостей.

– Держись, девочка! Сейчас пройдёт! Мы не падаем!

Невесомость прошла.

Видение багово-чёрной опухоли стало таять. Панорама леса приобрела прежнюю расцветку, объём и форму. Вибрация костей черепа, близкая по воздействию лесному гулу, втянулась в позвоночник, в мышцы шеи и плеч, стихла.

– Живая?!

– Не уверена... что это было?!

– Не знаю. – Максим вспомнил слова Кости. – Возможно, метаконтакт. Лес каким-то образом передаёт нам свои мысли и переживания. Я уже видел нечто подобное во сне.

– Ты рассказывал... я видела чёрно-багровый волдырь, будто там когда-то бушевал страшный пожар, оставив после себя выжженную землю.

– Я видел то же самое. Но мне показалось...

– Что?

– Будто эта чёрная пустыня заросла колючками.

Вероника передёрнула плечиками.

– Ужас!

– В принципе ничего особо страшного мы не увидели. Ну, где-то что-то горело. С другой стороны, лес не станет ради прикола пугать нас пожарами, он о чём-то предупреждает. Время у нас есть, не хочешь поискать эту пустыню?

– Я не твой начальник, решай сам.

– Но ты не побоишься?

– С тобой – нет!

– Хорошо, попытаемся определиться.

Аэробайк поднялся ещё выше, отодвигая границы горизонта в необозримые дали. Стало окончательно понятно, что здешний мир не является планетой, а если и расположен на ней, то планета имеет невообразимо гигантские размеры. Что Земля – круглая, можно увидеть из иллюминатора самолёта, способного подниматься в небо до высот в десять километров. Но в этом мире даже с большей высоты (Максим оценил её километров в десять), на которую взобрался аэробайк (дышать стало труднее, да и температура воздуха значительно упала), не было видно никаких скруглений горизонта. Края равнины уходили всё дальше и дальше, пока не терялись в сгущавшейся дымке атмосферы и становились недоступными зрению, по крайней мере, на расстоянии в десятки тысяч километров. На этой равнине могли бы уместиться несколько таких планет, как Земля.

Вероника поёжилась.

– Холодно... – Голос девушки тоже изменился, стал глухим из-за падения давления на этой высоте.

– Потерпи минуту.

Он внимательно изучил горизонт, воспользовавшись пока ещё работающим комплексом визуально-оптического наблюдения шлема (мигающая красная искорка предупреждала о нужде в подзарядке), заставил напрягаться не только зрение, но и нервную систему. Показалось, что в одном месте – «на севере», если верить движению солнца, цвет равнины темнее, чем по остальным сторонам света.

– Посмотри на лес правее солнца... ничего не видишь?

Вероника приставила ко лбу козырёк ладони.

– Небо и земля сливается... тёмная полоса?

– Проверим? Или возвращаемся?

– Я бы посмотрела...

Снова мелькнула трезвая мысль: сядут аккумуляторы байка – и вернуться назад будет проблематично! – и ушла. Душу охватило нетерпение, подстёгиваемое налаживающимся контактом с лесом. Отмахнуться от его предупреждений было бы неправильно, лес хотел что-то подсказать попаданцам доступным ему языком, и отступить Максим не хотел. «Да и где наша не пропадала?» – вспомнил он русскую поговорку. Научен жить в экшн-режиме – не расслабляйся!

Аэробайк снизился до высоты в пять-шесть километров и помчался к горизонту, отмеченному тёмной полосой.

О том, что его решение было скорее эмоциональным, нежели рациональным, Максим понял, когда давление встречного ветра стало сбивать дыхание. Аэробайк не имел защитного ветрового стекла, и увеличивать скорость полёта до предела было нельзя. Уже на скорости около пятидесяти километров в час Вероника съехала, пытаясь укрыться от ветра за спиной пилота, и он вынужден был притормозить.

– Замёрзла?

– Терпимо... – неуверенно ответила девушка.

– Можем повернуть назад.

– А сколько ещё лететь?

– Километров сто... а то и больше.

– Долго...

– Разворачиваемся. – Максим накренил аппарат. – К рейду надо будет подготовиться посерьёзнее.

– У байка нет защиты?

– Понимаешь... – Он вдруг понял, что упустил из виду важное обстоятельство: досконально изучить возможности и особенности инопланетного мотоцикла они с Редошкиным так и не удосужились. – Чёрт! Ты права! Давай-ка пощупаем наш драндулет.

Аэробайк нырнул вниз и приземлился у «древесной семьи», какой земляне ещё не видели.

Уже было привычно воспринимать заросли, скученные вокруг низин, болот и речных стариц, как семьи близких по форме и виду растений. К примеру, «берёзовая роща», где остались вещи переселенцев, состояла в основном из лиственных деревьев, из «берёз» и «ракит». «Фикусы» и «мангры» образовывали «южные этнические группы», а «ели», «сосны» и «кедры» – «северные группы». И все они были окружены гигантами – «секвойями», «баньянами» и «баобабами», играющими роль не то защитников, не то покровителей «народа».

Встреченная роща состояла из высоких стройных деревьев, зеленоватые стволы которых от корней до макушек были усеяны метровой длины колючими ветвями без единого листика, расширявшимися на концах трезубцами колючек. Вершины деревьев представляли собой метёлки из таких же шипов, краснеющих к концам веток, от чего казалось, что деревья охвачены пламенем. Кроме них в роще росли деревья, напоминающие гигантские связки цветной капусты, вызывающие не слишком аппетитные ощущения. И была эта роща окружена двойным кольцом «мангров», покрытых рваным слоем светло-жёлтого лишайника.

Впрочем, знакомиться с новой «этнической» разновидностью леса было некогда, и Максим лишь отметил в памяти примерное местонахождение рощи, чтобы впоследствии отыскать её и изучить. Посоветовав спутнице сходить проветриться, он принялся осматривать механизмы и рукояти летающей машины, выдержавшей, несмотря на «примитивность технологии», длительное хранение в отсеке яйцевидной ракеты. Удивительное сочетание высоких технологий типа антигравитационного привода и «технологий паровозной механики» начала двадцатого века на Земле давно вошло в моду среди писателей-фантастов, придумывающих шедевры «фант-арт-примитивизма», но одно дело представить подобную конструкцию умозрительно, другое – встретить в реальной жизни. Поэтому исследовательский энтузиазм, охвативший майора, был понятен. А когда, следуя подсказкам интуиции, он определил функциональное предназначение найденных рычажков, Максим почувствовал себя сдавшим неожиданный логический экзамен курсантом.

Иноземный аэромоторцикл имел защитное ветровое стекло. Точнее, конус, выдвигаемый из переднего горизонтального «колеса». Надо было лишь вытащить стерженёк из торца вертикально торчащей третьей рукояти. И хотя конус был дымчатого цвета, из чего Максим сделал вывод, что аборигены – создатели аппарата видели в сдвинутой по отношению к видимой человеком полосе спектра, всё же он должен был защищать пилота от давления ветра в широком диапазоне скоростей.

Ещё две скобочки на руле под правой рукой выдвигали из двух других дисков нечто вроде треугольных крылышек красного цвета, снабжённых на концах чёрными цилиндрами. Вполне вероятно, это было встроенное в байк оружие, а возможно, дополнительные ускорительные модули, разбираться Максим не стал, решив сделать это позже в спокойной обстановке.

Вероника вернулась с прогулки оживлённая, протянула спутнику несколько крупных ягод фиолетового цвета «малины».

– За этим «саксаулом» целые ягодные заросли. Не хочешь попастьись?

– Некогда, потом как-нибудь. – Максим съел ягоды величиной с земного воробья, отмечая их сочную сладость. – Спасибо, и чаю не нужно. Садись.

Взлетели, и на высоте нескольких километров он включил бесшумный «реактор» аэробайка на полную мощность.

Скорость аппарата начала возрастать. На тела седоков навалилась сила инерции, словно они находились в испытательной камере центра подготовки космонавтов, создающей ускорение силы тяжести во много раз больше земной.

– Ты как?

– Всё нормально, – отозвалась девушка, прижав губы к спине пилота. – Нас не вынесет в космос?

– Не вынесет, – пообещал Максим. – Я даже не уверен, есть ли тут космос, как у нас дома. Свист распоротого носом аппарата воздуха стёк к корме.

Если верить ощущениям, скорость аэробайка достигла не менее пятисот километров в час, и это был ещё не предел. Мешало нарастанию скорости лишь падение давления воздуха за ветрозащитным конусом: стало трудно дышать. Поразмыслив, Максим снизил скорость и повёл аппарат на снижение, уменьшая риск потери Вероникой сознания.

Под аппаратом промелькнула водная гладь – озеро небольшого размера, затем ещё одно, крупнее. Над обоими озёрами висели туманные облака испарений.

Тёмная полоса на горизонте приблизилась, постепенно вырастая в плоский горный массив.

Максим уловил низкое ворчание леса под аппаратом, сбросил скорость почти до прогулочной.

– Вероника?

– Держусь, – невпопад ответила она. – Там горы, по-моему.

– Присмотришься внимательнее, там не горы, а пустыня. В крайнем случае саванна.

– Пустыня?!

– Помнишь, я рассказывал сон? Лес предупредил меня заранее... и предупреждает снова.

Девушка вздрогнула.

– Ты меня пугаешь.

– Можем повернуть назад.

– Нет уж, лучше сожалеть, что сделал намеченное, чем сожалеть, что не сделал.

– Я думал, ты археолог, а ты философ.

Аэробайк снова нарастил скорость.

Через несколько минут пейзаж под аппаратом стал меняться, о чём не преминула сообщить спутница, чаще поглядывающая вниз.

Максим присмотрелся к «лоскутному одеялу» лесных массивов, видимых с высоты в три километра, и понял, что изменился цвет «лоскутов» – древесных семей, составляющих «народонаселение» заповедника. С жёлто-зелёного и голубоватого он опустился к более мрачным – красным и фиолетовым оттенкам, словно в этом краю, примерно в трёхстах километрах от места высадки землян, наступила осень.

Мало того, деревья начали терять листву и скукоживаться, уменьшаться в росте, как это бывает в земных припустынных областях с засушливым климатом. Но земные лесные просторы перед пустынями превращались сначала в саванны с редкими островками растений, выдерживающих засуху, здесь же лес реже не становился, просто затих и начал прижиматься к земле, становясь всё ниже и ниже.

Ещё через несколько минут Максим остановил аэробайк, подняв его чуть выше, разглядывая раздавшуюся во все стороны «горную грядку».

Это были не горы. Перед аппаратом простиралась буро-коричневая, с бордовыми, оранжевыми, фиолетовыми и чёрными проплешинами растительная толща, созданная переплетениями лиан и колючих растений, напоминающих земной чертополох, только в тысячу раз крупнее. И веяло от этой гигантской чешуйчато-шипастой растительной опухоли такой воинственностью, угрозой и злобой, что Максим невольно сглотнул, чувствуя, как вспотела шея.

– Что это, Максим?! – слабым голосом спросила Вероника.

– Лес! – очнулся он.

– Лес?!

Пот с шеи стёк ручейком на грудь.

– Лес, но... чужой! Присмотришься к его границе. Видишь, что там происходит?

Вероника привсталала, высовывая голову над краем ветрового конуса.

Живой лес, к которому привыкли попаданцы, в этом поясе перед колючей полосой кончился. За его последними «семьями», выглядевшими как засохшие либо сгоревшие остовы скоплений деревьев, обросшие фиолетовой паутиной плюща, шли несколько рядов «баобабов» и «мангров», образуя нечто вроде слоя растительной брони, сдерживающей натиск несметного войска агрессора. Но и они тоже поросли лианами, плющом и колючками, перекинувшими свои побеги на засохшие лесные заросли, отвоёвывая у заповедного леса очередные территории.

– Так вот что он хотел мне показать...

– Что?

– Вторжение! Это война, Вероника! – Максим достал флягу, сделал несколько крупных глотков воды, протянул спутнице. – Наш лес воюет с пришлым! И просит помощи!

Вероника машинально взяла флягу.

– У него же нет языка...

– Он разговаривает со мной мысленно, хотя, наверно, мыслями это назвать нельзя. Но я чувствую его опасения и переживания и понимаю, чего он хочет.

– Чего?

– Можешь смеяться, но он действительно просит ему помочь.

Вероника едва не облилась водой, села на место.

– Жуть какая! Но что мы можем сделать? Чтобы уничтожить эту черноту, нужна атомная бомба! Я не права?

Сердце отпустило. Захотелось успокоить спутницу, а заодно успокоиться самому.

– Ничего, придумаем что-нибудь, – улыбнулся Максим. – Вряд ли этот чёрный лес бесконечен, скорее это какой-то островок, так сказать, диверсионный отряд, высадившийся здесь не очень давно и начавший устанавливать свои законы.

– Диверсионный отряд? – удивилась Вероника. – Откуда? С другой планеты?

– Не обязательно с другой. Он мог попасть сюда так же, как и мы, из другой Вселенной.

– Это всё Костины фантазии, – засмеялась девушка.

– А вдруг он прав? Факт ведь налицо? Нас каким-то образом перенесло сюда. Почему же такое не могло произойти с чёрным лесом? Невооружённым глазом видно, что он здесь что раковая опухоль в теле человека.

Вероника покачала головой.

– Ты... фантаст!

– У меня дед сказки писал, – рассмеялся Максим. – Я весь в него.

Что-то зажужжало под аппаратом.

Максим перестал смеяться, прислушиваясь, свесился через тумбу, чтобы заглянуть под аэробайк.

Жужжание усилилось, и над защитным конусом аэробайка всплыл гигантский, размером с кулак человека, полосатый шмель! Впрочем, это действительно был какой-то особенный шмель, похожий на земное насекомое только расцветкой – полоса чёрная, полоса жёлтая. Он был шестикрылый! С узким вытянутым рылом и гигантским хвостовым жалом длиной никак не меньше пяти сантиметров! И ещё у него были не фасетчатые, как у земных насекомых, глаза, а вполне себе звериные, узкие, чёрные, с белыми зрачками.

– Шмель! – недоверчиво проговорила Вероника, прячась за спину пилота.

Максим напрягся. На высоте около двух километров настоящие земные шмели, да и другие породы насекомых – ос, пчёл и оводов – не летали, и появление этого грозного гиганта случайностью назвать было нельзя. Это был разведчик.

– Уходим!

– Откуда он свалился?! В лесу мы встречали только бабочек.

Максим кивнул на чёрно-красные заросли перед аппаратом.

– Оттуда. Чужая фауна сопровождает чужую флору.

– Смотри, какое у него жало – настоящий скальпель!

– Да уж, если цапнет... – Максим недоговорил.

Шестикрылый псевдошмель кинулся на него, как пущенный из пращи камень. Спасла майора от удара жалом только реакция, давно ставшая повседневным рефлексом. Удар наотмашь тыльной стороной ладони отбросил агрессивное насекомое на метр в сторону. Но свои намерения этот представитель «инфернального леса» не оставил, снова нацелился на человека, и Максим встретил его ударом ножа, распоров трёхзвенное тельце шмеля и снося ему голову.

Половинка шмеля пролетела мимо Вероники, и она отшатнулась, побледневшая.

– Гад!

Максим прислушался к пульсации гула в костях черепа и позвоночника. Она не прекратилась, лес продолжал контакт с человеком на уровне психики, изредка посылая мышечные судороги, и к этим полевым вибрациям стоило прислушиваться.

– Ладно, мы ещё вернёмся сюда.

Внезапно из-под аппарата раздалось нарастающее жужжание, и с трёх сторон между его колёсами выметнулись вверх чёрно-жёлтые струи псевдошмелей. Их было не меньше двух сотен, ближайшая струя затмила удалявшееся солнце, заставив девушку ойкнуть. О том, что у него нет огнемёта, Максим пожалел позже. В данный момент никакого оружия против шмелей у него не было, и он избрал самый простой вариант из всех существующих – бегство, успев крикнуть Веронике:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.